

И вы, способные понять правосудие, как вы это сделаете, если не будете взирать на все дела при полном свете?

Только тогда вы поймете, что вознесшийся и падший — это один и тот же человек, стоящий в сумерках между ночью своего ничтожества и днем своего величия.

И что камень, любой камень храма, не менее важен, чем его краеугольный камень.

Халил Гибран. Пророк

ГЛАВА I

Азалии увядали.

Так оно и должно было быть, и ему следовало знать об этом. Человек, который родился и вырос в Нью-Йорке, мог выкопать ямку нужной глубины, положить туда торфяную массу, с любовью и заботой посадить в эту хорошо удобренную почву растение, поливать его и подкармливать. Но растение все равно умрет, умрет лишь потому, что его посадил горожанин.

Или, возможно, он слишком преувеличивает? Возможно, растения увяли от жары, которая стоит последние несколько дней. Если причина заключалась в этом, то азалии могли оставить всякую надежду, — сегодня тоже ожидалось пекло.

Тут он вспомнил о своем маленьком кабинете и поглядел на часы. У него еще оставалось несколько минут, чтобы успеть выкурить сигарету, прежде чем отправиться к станции метро.

Он достал из кармана пачку, надорвал целлофановую обертку и вынул сигарету. Он был высокого роста, крупного телосложения, с комплекцией, не склонной к полноте. Его черные волосы были коротко подстрижены под ежик, что делало его лет на пять моложе. В свои тридцать восемь ему все еще удавалось производить на присяжных впечатление невинного молодого человека, готового вести обвинение только потому, что это было в интересах народа. Словно юноша, он мог внезапно с горячностью, свойственной только молодости, обрушиться на свидетеля, казалось бы, искренний гнев, не оставив от его показаний камня на камне. В это, как и в любое другое утро после ночного сна, его голубые глаза были поблекшими, и только позднее, днем они приобрели свою полную окраску.

Он взял один из плетеных стульев, поставил его на то место, откуда были видны Гудзон и чистое безоблачное голубое небо, и сел, неторопливо покуривая. Услышав, как позади него с шумом хлопнула дверь, он обернулся.

— Тебе не пора? — спросила Кэрин.

— У меня еще есть несколько минут, — ответил он.

Она медленно прошла по террасе, склоняясь над горшками с геранью и обрывая увядшие листья.

Хэнк наблюдал за ней, удивляясь, все ли мужчины, так же вот, как он, восхищаются красотой своих жен после четырнадцати лет супружества.

Когда он с ней познакомился, ей было девятнадцать лет, и голод в побежденной Германии лишил ее тело необходимой округлости. Сейчас в тридцать пять она все еще была стройной, но пышущей здоровьем женщиной с упругой грудью. Ее живот слегка выступал после рождения ребенка.

Она подвинула к нему скамеечку, села, взяла его руку и прильнула к ней щекой.

На ней была белая блузка с короткими рукавами и брюки из грубой ткани, и ему пришла в голову мысль, что ОНА ВЫГЛЯДИТ НАСТОЯЩЕЙ АМЕРИКАНКОЙ, но тут же понял, насколько глупо с его стороны так думать. Почему бы и нет? Ведь даже ее английский язык с сильным акцентом, когда он впервые с ней познакомился, потерял свой гортанный тевтонский призыв, стал плавным и отшлифованным, как галька, которая

постоянно подвергалась воздействию воды и ветра.

— Дженни еще не встала? — спросил он.

— Сейчас лето, — заметила Кэрин. — Пусть поспит.

— Я никогда не вижу эту девочку, — сказал он. — Мою собственную дочь.

— Преувеличение прокурора.

— Возможно, — ответил он. — Но у меня такое чувство, что однажды вечером я приду домой и увижу Дженни, сидящую за обеденным столом с молодым человеком, и она представит мне его как своего мужа.

— Хэнк, ей еще только тринадцать лет, — сказала Кэрин, вставая и подходя к краю террасы. — Посмотри на реку. Сегодня будет страшная жара.

Он утвердительно кивнул.

— Ты единственная известная мне женщина, которая в брюках не похожа на водителя грузовика.

— А скольких других женщин ты знаешь?

— Тысячи, — улыбнулся он.

И на какое-то мгновение лицо его омрачилось, словно на него набежало облачко, мимолетное, эфемерное, вызывая в нем раздражение тем пуританским фактом, что у Кэрин Брукер он был не первым. «Да, но тогда была война, — сказал он себе. — Какого черта, сейчас она моя жена, миссис Белл, и я должен быть благодарен, что такая невероятная красавица, как Кэрин, из всех соперников выбрала именно меня. Однако почему, черт возьми, должны были быть соперники? Да, но тогда была война, тогда... и все же, у Мэри их не было бы».

Мэри.

Это имя отчетливо вспыхнуло в его сознании, будто только и ждало момента, затаившись где-то в темном уголке памяти. Мэри О'Брайан. Сейчас она конечно, под другой фамилией, замужем. Но за кем? Как его фамилия? Если он когда-нибудь и знал ее, то сейчас забыл. К тому же для него она всегда останется Мэри О'Брайан, нетронутая, чистая... Черт возьми, ты не можешь их сравнивать! Кэрин жила в Германии, Кэрин была...

Внезапно он спросил:

— Ты меня любишь?

Вздрогнув от неожиданности, она повернулась к нему. В уголках светло-карих глаз затаились тоненькие смешливые морщинки, а ненакрашенные губы приоткрылись в легком удивлении. Очень мягко, с ноткой недоумения, словно получила выговор, она сказала:

— Я люблю тебя, Хэнк. — И казалось, с видом некоторого замешательства быстро вошла в дом. Он слышал, как она шумно возилась на кухне.

«Мэри, — думал он. — Боже, сколько прошло времени».

Вздыхнув, он посмотрел на Гудзон, в водах которого неясно отражалась раннее утреннее солнце, затем встал и пошел на кухню за портфелем.

Хэнк вышел из метро на станции Чамбрес (Стрит), окунувшись в ослепительную нарастающую жару города. Он знал, что есть остановка метро ближе к улице Леонарда и окружной прокуратуре, но предпочитал более длительную прогулку пешком каждое утро.

Здание окружной прокуратуры, подобно сиаемскому близнецу, соприкасалось стена к стене со зданием уголовного суда. Он вошел в здание прокуратуры и сказал полицейскому, сидевшему за столом при входе в вестибюль:

— Доброе утро, Джерри.

— Доброе утро, мистер Белл, — ответил тот. — Прекрасное утро, не правда ли?

— Прекрасное, — сказал Хэнк, удивляясь, почему люди ассоциируют летнюю жару с чем-то прекрасным.

— Если, не будет дождя, — с сомнением добавил Джерри, в то время как Хэнк направлялся к лифту. По причинам, Хэнку неизвестным, лифтами в окружной прокуратуре управляли женщины и все в пожилом возрасте. Фанни, которая окружного прокурора, его

помощников и даже судей называла по имени, хотя к коменданту здания обращалась холодно «мистер», остановила кабину лифта, с шумом открыла двери и сказала:

— Доброе утро, Хэнк, — и выглянула в коридор.

— Доброе утро, Фанни, — ответил он.

— Прекрасный день для убийства, не так ли, — заметила она, становясь у щитка управления, закрывая двери и приводя лифт в движение.

Хэнк улыбнулся, но ничего не ответил. Кабина бесшумно двигалась вверх.

— Шестой, — произнесла Фанни, словно объявляла номера в игре «бинго». Она открыла двери, и Хэнк вышел в коридор. За столом, расположенным между окнами, выходившими на улицу Центр, сидел служащий. Его стол терялся в просторном мраморном коридоре с высоким потолком. В остальной части коридора окон не было. В дальнем его конце находилось бюро по делам убийств. В него вел свой отдельный ход, где мрамор уступал место стенам, покрашенным в нейтральный цвет. Хэнк быстро прошел в холл. Длинный мрачный коридор производил безрадостное впечатление. Хэнк не любил думать о законе, как о чем-то холодном и угрожающем. Он рассматривал его как человеческое творение, созданное человеком для человека, а этот коридор иногда казался ему преддверием ада.

Прямо при входе в бюро сидел прикомандированный к прокуратуре детектив Дэйв Лифшиц.

— Хэнк, — поприветствовал он, и Хэнк также ответил:

— Дэйв, — и, не задерживаясь, повернул направо. Миновал дверь с надписью «Вход воспрещен», прошел в свой кабинет — прямоугольник размером двенадцать на пятнадцать футов. Перед окнами стояли стол, кожаное кресло. В одном углу кабинета — вешалка, а в другом — металлический шкаф с выдвижными ящиками. Напротив стола — два деревянных кресла.

Хэнк снял шляпу и повесил ее на вешалку. Затем открыл оба окна, чтобы впустить слабый ветерок, пробежавший по залитым солнцем улицам. Окна в бюро по делам убийств были сделаны из двойного стекла с проволочной решеткой между ними, и они были прикреплены к раме таким образом, что их можно было открыть наружу не более чем на шесть дюймов. Их невозможно было разбить, а также невозможно было протиснуться через узкое отверстие, оставляемое открытыми окнами. Пожалуй, в такой сверхосторожности не было необходимости. За восемь лет работы в бюро Хэнк никогда не слышал, чтобы кто-нибудь попытался выброситься из окна.

Открытые окна мало способствовали снижению температуры в его маленьком кабинете. Хэнк снял пиджак и повесил его на спинку кресла. Следуя летней привычке, которая нарушалась лишь тогда, когда он ожидал ранних посетителей, ослабил галстук, расстегнул ворот рубашки. Затем сел за стол и придвинул к себе телефон, намереваясь позвонить в машинописное бюро с просьбой прислать машинистку. Однако рука его задержалась, и вместо этого, совершенно импульсивно, он набрал номер приемной.

— Да?

— Дэйв?

— Да, кто говорит?

— Хэнк. Не мог бы ты позвонить вниз, чтобы принесли кофе?

— Так рано? Что случилось? Трудная ночь?

— Нет. Просто сегодня слишком жарко. Хочу войти в работу постепенно, а не впрягаться с ходу.

— Завтра идешь в суд по делу Тулли? Надеюсь, тебя оно не тревожит?

— Ничуть.

— Я слышал, что его адвокаты готовят ходатайство о квалификации его преступления как непредумышленного убийства.

— Где ты это слышал?

— Ха-ха, я же все-таки детектив! Так это верно?

— Верно, — ответил Хэнк.

— То-то же. Я позвоню, чтобы принесли кофе. Сливки и кусочек сахара. Пожалуй, я тоже выпью чашку кофе, раз уж я этим занимаюсь.

— Дэйв, будь добр, пусть кофе принесут прямо ко мне в кабинет без твоего предварительного звонка.

— Понятно, — сказал Дэйв и повесил трубку.

Хэнк положил трубку на рычаг и глубоко вздохнул. Он знал, что ему надо позвонить в машинописное бюро, чтобы прислали машинистку, хотя в этом и не было никакой срочности: как только его записи будут отпечатаны, день превратится в унылое ожидание завтрашнего судебного процесса.

Как достоверно сообщила Дэйву его внутренняя учрежденческая шпионская сеть, защитники Тулли готовили ходатайство о непредумышленном убийстве, поэтому судебное разбирательство закончится, не успев начаться. Завтрашний день, если только кто-нибудь не подложит бомбу в здание уголовного суда, будет таким же скучным, как сегодняшний, и, вероятно, таким же жарким. А после суда над Тулли ему дадут новое дело, и он будет готовить его и представлять в суде, где выиграет или проиграет от имени народа штата Нью-Йорк, а затем будет новое дело, затем новое, затем новое...

«Черт возьми, что со мной сегодня происходит? — подумал он. — Я веду себя как человек, который устал закручивать гайки на сборочном конвейере. На самом деле я вполне доволен своей работой. Я компетентный юрист, и мне не требуются газетная реклама и громкое признание. У меня нет политического честолюбия, и я работаю в окружной прокуратуре не потому, что я преданная посредственность, а потому, что мне нравится, как я полагаю, сама идея представлять народ этого штата. В таком случае, что же происходит? — подумал он и повернулся в кресле лицом к окнам, за которыми виднелось голубое небо. — Ничего плохого нет, кроме этого неба, — решил он. — Всему виной раскаленное небо. Оно заставляет человека думать о яхтах и пляжах».

Улыбнувшись, он снова повернулся лицом к столу, снял телефонную трубку, позвонил в машинописное бюро. До прихода машинистки он начал перечитывать свои записи, делая небольшие поправки на первых страницах, и по мере чтения понял, что вносит крупные изменения. Он взглянул на часы. Уже десять, а машинистки все еще не было. Он снова позвонил в бюро и попросил вместо машинистки прислать стенографистку. Вдруг оказалось, что до завтрашнего судебного процесса надо сделать уйму дел, и он усомнился, сумеет ли их завершить к пяти часам.

Он освободился только в шесть часов.

К тому времени небо уже угрожающе потемнело.

ГЛАВА II

Пахло грозой.

Весь день в городе, как в доменной печи, нарастала жара. Сейчас, в семь тридцать вечера, над горизонтом нависли зловещие черные тучи, создавая своего рода ночь без звезд. На темном небе мнимой ночи вырисовывались резко обозначенные силуэты, — величественное очертание Нью-Йорка.

В домах зажглись огни, и освещенные продолговатые проемы окон, словно зияющие раны, пронизывали силуэт города. С противоположного берега реки из штата Нью-Джерси доносились отдаленные раскаты грома. Слабые вспышки молний, словно трассирующие снаряды, прорезали небо в поисках несуществующей цели.

Когда пойдет дождь, он пронесется над Гудзоном, хлестнет по жилым домам на Риверсайд Драйв с их привратниками и лифтерами, с их непристойностями, нацарапанными на стенах вестибюлей, хлестнет по домам, в которых когда-то жили аристократы. Дальше дождь будет неудержимо двигаться на восток, беспрепятственно проносясь через негритянский Гарлем, затем через испанский Гарлем, мчась к противоположному берегу

острова, к реке Ист-Ривер, омывая на своем пути улицы итальянского Гарлема...

В итальянском Гарлеме люди сидели на ступеньках крылец, выходивших на улицу, и говорили о бейсбольной команде «Янкиз» и командах-ренегатах «Джайантс» и «Доджаз». На женщинах надеты цветастые домашние платья, а на мужчинах — спортивные рубашки с короткими рукавами.

Днем по улицам проезжали поливочные машины из санитарного управления муниципалитета, но солнце вновь раскалило асфальт, вернув на улицу невыносимую жару и духоту. Сейчас солнце скрылось, однако жара осталась, и люди, потягивая холодное пиво из запотевших жестяных банок, поглядывали на небо, желая, чтобы скорее пошел дождь. Прежде чем начнется дождь, подует прохладный ветер. Он промчится по улице, подхватывая брошенные газеты и поднимая подолы юбок. Прежде чем начнется дождь, в воздухе почувствуется свежий, чистый запах надвигающейся грозы, запах освежающей чистоты.

Прежде чем начнется дождь, будет совершено убийство.

Улица была длинной. Беря свое начало у реки Ист-Ривер, эта улица, прямая, как шашлычный шампур, устремлялась на запад, пересекая весь остров Манхэттен. На этой улице жили итальянцы, пуэрториканцы и негры, и их районы переходили из одного в другой так, что между ними терялись всякие географические границы. Это была очень длинная улица. Она проходила через самое сердце острова, с геометрической точностью устремляясь к дождевым облакам, нависшим над Гудзоном.

Трое вышли на улицу.

В полдень, передаваемый из уст в уста, пронесся слух: «Военные действия возобновляются». И вот трое высоких парней вышли на улицу. Они быстро и без опаски прошли Третью авеню, где была демонтирована эстакадная железная дорога, затем Легсингтон авеню, пошли более осторожно, приближаясь к парку и проходя под одной из арок, поддерживающих рельсовые пути надземки, и затем, подобно вихрю, ворвались на улицу. Их армейские ботинки стучали по мостовой, кулаки были крепко сжаты, и в каждом сквозило возбуждение, готовое взорвать их изнутри, чтобы выпустить накопившуюся ярость. Самый высокий из них выхватил нож, и его лезвие сверкнуло в слабом свете, а затем появилось еще два.

При виде этого какая-то девушка крикнула: «Берегись!», — и тогда один из парней гаркнул: «Заткнись, ты, грязная пуэрториканская шлюха!» Сидевший на ступенях парень повернул голову на звуки чистой без акцента английской речи и быстро встал. «Вот один из них!» — крикнул кто-то, а другой рявкнул: «Режь его!» Парень поднял невидящее лицо. Сверкнуло лезвие. Нож вонзился в живот, распарывая его снизу вверх. Теперь вонзились два других ножа, распарывая тело и нанося удары до тех пор, пока парень не упал на тротуар. Кровь, словно первые капли дождя, брызнула на мостовую. С противоположного конца улицы к пришельцам бежали четверо ребят.

«Бежим!» — раздался крик, и трое парней нырнули под железнодорожные пути и все бежали и бежали, и вдруг пошел дождь.

Он безжалостно барабанил по свернувшемуся около ступеней крыльца телу, размывая густую красную кровь, бегущую из распоротого живота, и унося ее в сточную канаву.

Когда меньше чем за четыре квартала от этого места полиция схватила убийц, парень был уже мертв.

Детектив лейтенант Ганнисон был высоким худым человеком с соломенного цвета волосами и серо-голубыми глазами. В юности он очень страдал от прыщей и лицо у него было изрытое, словно после оспы.

Он возглавлял сыскное отделение двадцать седьмого полицейского участка, через который тянулась эта длинная улица. Фактически его полномочия кончались на Пятой авеню, а точнее говоря, у белой линии, проходившей посередине Пятой авеню в испанском Гарлеме. В его отделении было восемнадцать человек, и он любил называть Гарлем «сточной ямой порока» — эту фразу он как-то услышал и постоянно повторял ее с непреклонной силой ложной убежденности. Лейтенант был не очень-то далеким человеком. Однажды он

приобрел книгу «Преступление и наказание», думал что это поможет ему в работе, но после недели утомительного и мучительного чтения отложил ее с еще большей уверенностью, что никто в мире не может сказать ему ничего нового о преступлении и наказании. Лучшим учителем, которого когда-либо мог иметь детектив, был сам Гарлем, а Ганнисон работал в Гарлеме уже двадцать четыре года. Он знал здесь все, что можно было знать об этой «сточной яме порока», все видел собственными глазами, ощущал и осязал. Трое парней, стоявшие сейчас перед ним в комнате сыскного отделения, были не хуже и не лучше сотен других преступников, которых ему пришлось видеть за свои двадцать четыре года службы. Для лейтенанта Ганнисона молодость не являлась аргументом для снисходительности. Преступник есть преступник, а молодой преступник отличался от взрослого преступника только меньшим опытом. Ганнисон стоял перед этими ребятами, испытывая только досаду, что его вызвали из дома и оторвали от газеты, которую он любил читать после ужина. Ребят привел в полицейский участок задержавший их офицер, и после того, как он вместе с дежурным офицером зарегистрировал фамилии ребят, тут же поднялся наверх в сыскное отделение, занимавшее весь верхний этаж. Он сообщил Майклу Ларсену, что было совершено убийство, и Ларсен, возглавлявший группу из трех детективов по задержанию преступников, которая находилась на дежурстве в сыскном отделении с шести вечера до восьми утра, вызвал лейтенанта, прежде чем позвонить в окружную прокуратуру.

Помощник окружного прокурора, молодой блондин, был уже в полицейском участке, когда пришел Ганнисон. Поскольку вопрос шел об убийстве, он предусмотрительно захватил с собой стенографиста из бюро по делам убийств при окружной прокуратуре. Ганнисон о чем-то шепотом посоветовался с Ларсеном и затем подошел к ребятам.

— Итак, — сказал он, глядя на листок бумаги, — кто из вас Дэнни Ди Пэйс?

Ребята замаялись. Позади них по оконным стеклам монотонно барабанил дождь. С первыми каплями дождя сразу же наступила настоящая ночь. На улице зажглись неоновые лампы, и их свет пятнами отражался в окнах. В комнате стояла необычная тишина, и слышно было только, как за окнами на улице хлестал по асфальту дождь.

— Вы меня слышите? — сказал Ганнисон.

Ребята молчали. Самый высокий из них — могучего телосложения стоял посередине, образуя, в силу своего роста, естественную вершину треугольника. Ганнисон подошел к нему поближе.

— Ты Дэнни Ди Пэйс?

— Нет.

— Тогда как тебя зовут?

— Меня зовут Артур Ридон, — ответил он.

— Сколько тебе лет, Артур?

— Семнадцать.

Лейтенант утвердительно кивнул. Затем повернулся рыжеволосому парню слева от Ридона.

— А тебя как зовут?

— Ди Пэйс.

— Почему ты не сказал об этом, когда я спрашивал?

— Мне еще пятнадцать лет, — ответил Ди Пэйс — Шестнадцать будет только в сентябре. Вы не можете держать меня здесь. Вы даже не имеете право меня допрашивать. Я малолетний преступник. Я знаю свои права.

Ганнисон с язвительной ухмылкой кивнул в сторону помощника окружного прокурора.

— Среди нас появился юрист, — сказал он. — У меня есть для тебя новость, сынок, и тебе следует выслушать ее внимательно. В штате Нью-Йорк максимальный возраст для малолетних преступников шестнадцать лет...

— А я что вам сказал...

— Помолчи и слушай! — оборвал Ганнисон. — Свод законов штата Нью-Йорк гласит, что малолетним преступником считается ребенок, нарушивший какой-либо закон или

постановление местного муниципалитета или совершивший любой другой проступок, который, если он совершен взрослым, считается серьезным преступлением, за исключением — и запомни это, сынок, — за исключением, если ребенок пятнадцати лет совершил проступок, за который взрослые караются смертной казнью или пожизненным заключением. А убийство, знаешь ты это или нет...

— Извините меня, лейтенант, — твердо вмешался помощник прокурора.

— Да? — упираясь руками в бедра, Ганнисон обернулся к молодому человеку.

— Я не хочу прерывать ваш допрос, но, по правде говоря, парень еще ни в чем не был обвинен.

С минуту Ганнисон молчал, сравнивая свои годы работы в полиции и неопытность молодого человека, а также разницу в своем и его чине. Затем спокойно сказал:

— Было совершено убийство.

— Совершенно верно. И парня привели сюда для допроса в связи с этим убийством. Он еще не был зарегистрирован ни как обвиняемый, ни как свидетель. Кроме того, вы упустили важную часть уголовного кодекса.

— Разве? — сказал Ганнисон, надеясь, что в его голосе не очень был замечен сарказм.

— Да. Вы забыли упомянуть, что судья может издать приказ о передаче дела в суд для несовершеннолетних.

— Факт остается фактом, — монотонно продолжал Ганнисон, — убийство является преступлением, которое карается смертной казнью или пожизненным заключением, и я не позволю, чтобы какой-то пятнадцатилетний сопляк поучал меня. — Он пристально взглянул на помощника окружного прокурора, словно желая дать понять, что он не потерпит этого и со стороны сопляков двадцати пяти лет. Казалось, это не произвело на молодого человека никакого впечатления.

— Могу я с вами поговорить минуту наедине, лейтенант? — спросил он.

— Конечно, — ответил Ганнисон. В его глазах был виден сдерживаемый гнев. Он важно прошел к одному из столов за барьерной перегородкой, отделявшей полицейскую комнату от коридора. — В чем дело? — спросил он.

Помощник окружного прокурора протянул руку.

— Мне кажется, мы не знакомы. Моя фамилия Соумз, — представился он.

— Рад познакомиться, — заученно сказал Ганнисон.

— В отношении процедуры допроса, — начал Соумз. — Я только хочу предвосхитить возможные возражения со стороны адвокатов, которые будут защищать ребят. Вы так же хорошо знаете, как и я, что пятнадцатилетний ребенок не подлежит допросу в полицейском участке.

— Мне это хорошо известно, мистер Соумз. Однако, с вашего позволения, я должен сказать, что только сию минуту узнал о том, что этому парню всего лишь пятнадцать лет. Я должен выяснить, сколько лет третьему парню, прежде чем отделить взрослых убийц от убийц-младенцев. С вашего разрешения, конечно.

— Продолжайте, — сказал Соумз.

— Благодарю вас.

Ганнисон вернулся к ребятам и остановился перед третьим из них, смуглым парнем с черными волосами и карими глазами, в глубине которых затаился страх.

— Твое имя? — спросил Ганнисон.

— Апосто, — ответил парень. — Антони Апосто.

— Сколько тебе лет, Антони?

— Шестнадцать.

— Хорошо, — сказал Ганнисон и повернулся к Ларсену. — Майкл, поговори с Ди Пэйсом в канцелярии, хорошо? Этих двоих я допрошу здесь. И пока к нам на голову не свалились представители общества защиты животных, тебе лучше позвонить его родителям и сказать, что их дорогой малютка арестован.

— Хорошо, — ответил Ларсен и увел Ди Пэйса из комнаты.

— Итак, — обратился Ганнисон к двум оставшимся ребятам, — вы кого-то убили, не так ли?

Ребята молчали. Высокий парень искоса взглянул на Апосто.

— Или вы не знали, что он умер? — Спросил Ганнисон.

Ридон, более высокий из них, сказал:

— Мы просто немного подрались, вот и все.

— На ножах, да?

— Вы не нашли у нас никаких ножей, — ответил Ридон.

— Нет. Потому что вы, вероятно, выбросили их в какую-нибудь сточную трубу или передали кому-нибудь из своих дружков на улице. Не беспокойтесь, мы их найдем. Но даже если мы их и не найдем, у вас вся одежда в крови. Когда вы запланировали это, Ридон?

— Мы ничего не планировали, — ответил Ридон и снова украдкой взглянул на смуглого испуганного Апосто.

— Нет, да? — сказал Ганнисон. — Вы просто случайно шли по улице, увидели этого парня и убили его, так?

— Он начал первый, — ответил Ридон.

— Неужели?

— Да, — сказал Ридон. — Правда ведь, Бэтман? Этот грязный пуэртиорикашка первый начал, верно?

— Точно, — подтвердил Апосто. — Он первый начал, лейтенант.

— Ну, тогда, интересно, послушать как он это сделал, — заявил Ганнисон.

— Как вы сказали, мы шли по улице. Нас было трое. Он остановил нас и стал странно на нас смотреть, — начал Ридон.

— На нем была шляпа-боппинг, — вставил Апосто.

— Что? — переспросил стенографист, отрываясь от своих записей.

— Боппинг, — повторил Ганнисон, — шляпа с высокой тульей и узкими полями. — Он снова повернулся к ребятам. — Итак, на нем была шляпа-боппинг, и он вас остановил. Дальше.

— Он начал смотреть на нас угрожающе, — продолжал Ридон.

— Верно, — подтвердил Апосто.

— И стал говорить, что мы не имеем права приходить на его территорию, что-то в этом роде. Затем выхватил нож.

— Вот так? Хм.

— Да. И бросился на нас. Так что мы должны были защищаться, разве не так? Иначе он убил бы нас. Вы что, не понимаете, что мы должны были защищаться?

— Ты знаешь этого парня?

— Впервые в жизни видел. Мы просто вышли немного прогуляться. Черт возьми, разве мы ожидали, что попадем «к япошкам», — ответил Ридон.

— Попадем к кому? — опять переспросил стенографист.

— «К японцам», — снова пояснил Ганнисон, — то есть — в засаду. Значит, этот парень устроил вам засаду, так?

— Конечно. Он остановил нас с ножом в руке. Послушайте, мы не хотели, чтобы нас убили, и, естественно, мы защищались. Всякий сделал бы то же самое на нашем месте.

— И вы убили его.

— Я не знаю, убили мы его или нет. Но, если и так, то это была самооборона.

— Конечно, — сказал Ганнисон, — это легко понять.

— Конечно, — согласился Ридон.

— Имя этого парня Рафаэль Моррез, вы знали это?

— Нет, — ответил Ридон.

— Нет, — подтвердил Апосто.

— И он остановил вас, стал смотреть угрожающе и предупредил, чтобы вы не ходили

по его территории, затем выхватил нож и бросился на вас. Это ваша версия, правильно?

— Правильно, — согласился Ридон.

— И вы не знали его до тех пор, пока он не остановил вас сегодня вечером, это тоже верно?

— Верно.

— Все ясно, — сказал Ганнисон.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ридон.

— Рафаэль Моррез был слепым, — ответил Ридон.

У каждого из ребят взяли отпечатки пальцев в трех экземплярах: один, чтобы послать в ФБР (Вашингтон), второй должен был быть отправлен в бюро уголовного розыска штата Нью-Йорк, а третий экземпляр сегодня ночью должны были доставить в городское бюро уголовного розыска, чтобы данные об отпечатках пальцев к утру следующего дня находились в здании уголовного суда на улице Сентр. На каждого были заведены личные карточки об аресте, по два экземпляра на каждого, а затем парней повели вниз в приемную полицейского участка, где официально оформили их арест.

Дежурный лейтенант записал в журнале фамилии и адреса, время ареста и время, когда было совершено убийство, а также фамилию задержавшего полицейского, номер заведенного дела, а в заключение написал: «Арестован и обвиняется в убийстве, совершенном обвиняемым в сообществе с другими обвиняемыми, задержан и арестован поблизости от места совершения вышеупомянутого преступления».

Ребят обыскали. Их личные вещи были изъяты, помещены в конверты и зарегистрированы в протоколе.

Все записи в журнале заканчивались одинаково:

«... и заключить под стражу».

В пятницу днем помощники окружного прокурора собрались в кабинете своего начальника. Неторопливо они давали краткий обзор дел, поступивших на этой неделе. Альберт Соумз изложил дело по поводу убийства Морреза. Все присутствовавшие проголосовали за то, чтобы просить бюро по вынесению обвинительных актов подготовить акт о преднамеренном убийстве.

Казалось, никто не сомневался в том, что большое жюри решит: было совершено преступление, и есть все основания полагать, что его совершили обвиняемые.

Обвинителем по этому делу был назначен Генри Белл.

ГЛАВА III

В понедельник все началось не так, как надо.

Или, возможно, подумал, он, не так, как надо, закончился воскресный вечер. В любом случае этот день обещал быть одним из тех дней, когда, стоит опустить руки, и все превращается в нагромождение ошибок и случайностей. Сидя за письменным столом в своем маленьком кабинете над кипой расшифрованных стенограмм, наконец-то, наконец-то, наконец-то!, лежащих перед ним, Хэнк пытался восстановить события, которые как компоненты дьявольской смеси, соединяясь, увеличивали неразбериху.

Одним из этих компонентов был вчерашний вечер в доме Бартонов. Во всяком случае, воскресный вечер — чертовски неподходящее время для вечеринок: мужчины много пьют, чтобы забыть о том, что ожидает их завтра; женщины отчаянно стараются продлить удовольствие от выходного дня, которое моментально развеется, как только завтра зазвонит будильник. К этому надо добавить, что именно в этот воскресный вечер Чарли Кук по-настоящему напился в стельку, грязно, позорно, мертвецки, а Алима Бентон, очевидно, под впечатлением лежавшего навзничь на полу посреди гостиной Чарли, начала в очередной раз слезно рассказывать, как восемь лет назад муж избил ее, что уже стало легендой. Все были сыты по горло этим и (за исключением Чарли, находившегося в бессознательном состоянии) отправились по домам задолго до полуночи.

Дома, за стаканчиком спиртного на ночь, Хэнк и Кэрин говорили о прошедшем вечере. И чем больше они говорили о нем, тем ужаснее он казался. Затем они, наконец, пошли спать, ища утешения от разочарования этим вечером в любовном акте. Но это, как оказалось, было еще одной ошибкой. Изнуренные и испытывая угнетающие последствия от чрезмерной выпивки и холодной, искусственно вызванной близости, они погрузились в беспокойный, не приносящий облегчения сон.

Утром, как всегда, зазвенел будильник. В распоряжении Хэнка было сорок пять минут, чтобы успеть умыться, побриться, одеться, позавтракать и в восемь часов пятнадцать минут уже выйти из дома. Однако и это утро началось плохо.

Ночью, очевидно, на полчаса было прервано электроснабжение, и когда в семь тридцать зазвенел электрический будильник, на самом деле было уже семь часов пятьдесят минут. Хэнк сделал это открытие только двадцать минут спустя, когда включил радио, чтобы послушать сводку погоды. Услышав точное время, он, не закончив завтрака, выскочил из-за стола и бросился в ванную бриться. Порезал щеку. Стал бранить Бартонов за их отвратительный вечер, свою жену за ее холодность, проклятую, плохо работающую электрокомпанию и даже радиостанцию, которая, наконец-то, сообщила точное время. Он пулей вылетел из дома, бросился бежать к станции метро и все равно прибыл на работу почти в десять часов. Только здесь он понял, что все происшедшее до этого (а к этому времени он начал более снисходительно относиться к Бартонам, к своей жене, электрокомпании и радиостанции) было только прелюдией к настоящей катастрофе, ожидавшей его на работе.

В пятницу ему было поручено вести дело об убийстве Рафаэля Морреза. Он получил расшифрованные стенограммы допроса ребят, сделанные в вечер убийства. Он принес их в кабинет и положил в верхний ящик стола. В это утро, в это исключительно отвратительное утро стенограммы исчезли. Было пятнадцать минут одиннадцатого, и жара, казалось, решила побить все рекорды, а проклятые стенограммы полицейского допроса исчезли. Он обыскал весь кабинет. К половине одиннадцатого, обиваясь потом, он готов был взломать железную решетку в одном из окон и выброситься на мостовую. Он позвонил коменданту здания, пытаясь выяснить, не выбросила ли их случайно уборщица в мусорную корзину. Он позвонил в машинописное бюро и спросил, не взяла ли их с собой по рассеянности какая-нибудь легкомысленная стенографистка. Позвонил Дэвиду Лифшицу, спросил его, не рыскал ли ктонибудь в это утро у него в кабинете. Во второй и в третий раз обыскал кабинет.

Было уже одиннадцать часов.

Он сел за стол, мрачно уставившись взглядом в стену и барабанил пальцами по столу, уже готовый сам совершить предумышленное убийство.

Тут в кабинет вошел Альберт Соумз, блестящий молодой негодяй, со стенограммами подмышкой. «Надеюсь, вы не возражаете, Хэнк, — сказал он. — Хотел лично их проверить, так как именно я присутствовал при допросе ребят в полицейском участке в день убийства. Вот, пожалуйста, все в целости и сохранности. Похоже, что это превосходное дело. Бьюсь об заклад, оно вам понравится. Могу даже вынести за вас приговор, прежде чем вы начнете это дело — смерть на электрическом стуле, мой друг, смерть на электрическом стуле».

Сейчас, просматривая стенограммы допроса и раздумывая над тем, что он мог бы сделать, чтобы предотвратить следующий удар судьбы, один из тех, которые сыпались на него в это совершенно сумасшедшее утро, Хэнк склонен был согласиться с предсказанием Соумза.

От имени народа штата Нью-Йорк возбуждается дело о предумышленном убийстве Морреза, что влекло за собой смертную казнь. Обвинительный акт, предъявленный бюро по делам убийств, казался Хэнку справедливым.

Предумышленным считалось убийство — либо заранее запланированное, либо совершенное во время какого-либо уголовного преступления. Дело, возбужденное от имени народа против Апосто, Ридона и Ди Пэйса, не вызывало у Хэнка почти никаких сомнений в том, что убийство было преднамеренным. Это дело не относилось даже к той категории, где

различие между предумышленным и непредумышленным убийством устанавливалось лишь с помощью тонких технических деталей. Например, такой: предумышленностью считалось, если стрелявший хватался за револьвер за двадцать и более секунд до выстрела.

Было похоже, что эти ребята пришли в испанский Гарлем намеренно и хладнокровно. Они убили не в состоянии аффекта и не с целью нанести только тяжелое увечье. Было очевидно, что они пришли, чтобы убить, злобно и слепо набросившись на первую попавшуюся жертву. Если когда-либо от имени народа штата Нью-Йорк возбуждалось дело о явном преднамеренном убийстве, так это был именно тот случай. Вот почему даже лейтенант, возглавляющий детективное отделение, обнаружил явную ложь в показаниях Апосто и Ридона.

Качая головой, Хэнк открыл первую страницу допроса Дэнни Ди Пэйса и начал читать.

Ди Пэйс: «Кто-нибудь собирается звонить моей матери?»

Ларсен: «Об этом позаботятся».

Ди Пэйс: «Что они собираются ей сказать?»

Ларсен: «А как ты думаешь, что они могут ей сказать?»

Ди Пэйс: «Не знаю».

Ларсен: «Ты убил парня и хочешь, чтобы они сказали, что ты герой?»

Ди Пэйс: «Это была самооборона».

На столе у Хэнка зазвонил телефон. Нехотя он отложил стенограмму и поднял трубку, охваченный недобрый предчувствием. В это прекраснейшее утро он не удивился бы, если бы узнал, что банк отказал ему в праве выкупа закладной, что Гудзон вышел из берегов и затопил его гостиную или что...

— Генри Белл слушает, — сказал он.

— Хэнк, это Дэйв, дежурный. Здесь какая-то женщина. Говорит, что хочет тебя видеть.

— Женщина? — предчувствие недоброго стало еще сильнее. Хэнк нахмурился.

— Ну, как, — спросил Дэйв, — пропустить ее?

— Зачем она хочет меня видеть? В связи с убийством Морреза. Как ее фамилия, Дэйв?

— Ди Пэйс, мать Дэнни Ди Пэйса.

Хэнк вздохнул.

— Хорошо. В любом случае я собирался повидать ее, так что это можно сделать и сейчас. Пропусти ее.

— Понятно, — сказал Дэйв и повесил трубку.

Хэнк не горел желанием увидеться с этой женщиной. В процессе подготовки дела хотя бы один раз он должен был вызвать ее к себе и только для того, чтобы установить прошлое парня. Но сейчас ее неожиданный приход взволновал его и он надеялся, она не будет плакать. Надеялся, она поймет, что он народный прокурор, нанятый жителями штата Нью-Йорк, чтобы защищать их права, и будет защищать их так же рьяно, как адвокаты ее сына будут защищать его права. И все же он знал, что она будет плакать.

Хэнк убрал стенограмму в стол и стал ждать мать Дэнни Ди Пэйса, слабо надеясь, что этот день, который так плохо начался, не продолжится еще хуже.

Она вошла в кабинет, и он увидел ее лицо. Хэнку показалось, что его ударили чем-то тяжелым и твердым, и сейчас он понял: все события прошлого вечера и сегодняшнего утра лишь подвели его к этой убийственной иронии судьбы.

Хэнк узнал ее. Онемев, он сидел за своим столом.

— Мистер Белл? — неуверенно сказала она.

Их взгляды встретились и она тоже узнала его. У нее слегка приоткрылся рот. Не веря себе, она потрясла головой и, запинаясь, сказала «Хэнк?» И затем более уверенно: «Хэнк».

— Да, — ответил он, удивляясь, почему это должно было случиться, и вдруг интуитивно понял, что его засасывает в водоворот, из которого он должен выплыть ради своей дальнейшей жизни.

— Ты... Мистер Белл?

— Да.

— Но я... ты... ты изменил фамилию? Да?

— Да. Когда начал заниматься адвокатской практикой.

Он изменил фамилию по многим причинам. Большинство из них глубоко коренилось в его подсознании, и он не смог бы разумно объяснить их, если бы даже и попытался. Сейчас он не пытался этого делать. Перемена фамилии было «совершившимся фактом», и постановление суда по гражданским делам гласило: «Постановлено, что в соответствии с положениями, содержащимися в данном постановлении, начиная с 8-го февраля 1948-го года и в дальнейшем, настоящие просители будут известны, каждый в отдельности, под фамилиями Генри Белл, Кэрин Белл и Дженифа Белл, которые им разрешается носить, и ни под какими другими фамилиями».

— И ты окружной прокурор? — спросила она.

— Да.

— И дело моего сына находится в твоих...

— Садись, Мэри, — сказал он.

Она села, а он внимательно смотрел на ее лицо. Когда-то он так хорошо его знал, держал в своих молодых руках, умоляя ее: «Жди меня, жди меня».

Это было то же самое лицо, возможно, более утомленное, но то же самое лицо, принадлежавшее девятнадцатилетней Мэри О'Брайан, те же карие глаза и огненно-рыжие с отливом волосы, тот же аристократический нос и чувственные губы, необыкновенные губы. Он целовал эти губы...

Много раз он думал об этой встрече в стиле американских кинофильмов, когда двое влюбленных, с неудачно сложившейся судьбой, встречаются на пронизываемой ветром улице. Он представлял себе, как в один прекрасный день он снова встретит Мэри О'Брайан, и их охватит прежняя любовь, которую они когда-то испытывали друг к другу, и, возможно, на минуту их руки соединятся, и они грустно вздохнут, что жизнь разъединила их и никогда уже не сведет.

И вот сейчас произошла эта встреча, и Мэри О'Брайан — мать Дэни Ди Пэйса, и он не знал, что ей сказать.

— Это... очень странно, — начал он. — Я не представляю...

— Я тоже.

— Я имею в виду, что я знал о твоём замужестве. Ты писала мне, что выходишь замуж и... и, может быть, даже упоминала фамилию, но это было так давно, Мэри...

— Я сообщала фамилию, — сказала она. — Джон Ди Пэйс — мой муж.

— Да. Я не помню.

Он помнил каждую деталь того дня, когда получил от нее письмо. В тот день над летным полем в Северной Англии моросил мелкий дождь; слышались звуки разогреваемых моторов, из выхлопных труб струился белый дым, растворяясь в раннем утреннем дожде; симметричные, идущие по диагонали, красные и синие линии на авиаконверте и торопливая, несколько небрежная надпись, сделанная ее рукой: «Капитану Генри Альфреду Белани, 714 5632, командование 31-й бомбардировочной эскадрильей, воздушный корпус армии США, военно-полевая почта, город Нью-Йорк, штат Нью-Йорк», и даже само письмо:

«Дорогой Хэнк. Когда ты просил ждать тебя, я ответила: не знаю, сказала, что еще очень молодая. Хэнк, дорогой, я встретила человека и собираюсь выйти за него замуж и надеюсь, что ты меня поймешь. Я не хочу причинить тебе боль. Я никогда не хотела причинить тебе боль...»

В этот момент раздался бешеный рев моторов бомбардировщиков, руливших через почерневшее поле к старту, чтобы взлететь в воздух.

— Я не запомнил фамилии, — повторил он.

Они замолчали.

— Ты... Ты очень хорошо выглядишь, Мэри.

— Спасибо.

— Я не знал, что ты все еще живешь на старом месте.

— Ты имеешь в виду Гарлем? Да. У Джонни там магазин, — она помолчала. — Хэнк...

— Мэри, я не знаю, зачем ты сюда пришла, но...

— О, Хэнк, ради бога... Ты ведь не собираешься убить моего сына?

Она не плакала. В этот момент ему хотелось бы, чтобы она заплакала. Вместо этого она выговорила эти слова, и ее лицо стало смертельно бледным.

— Мэри, давай попытаемся понять друг друга, — сказал он.

— Пожалуйста, давай.

— То, что было между нами, было очень давно. Сейчас ты замужем, я женат, и у нас есть дети.

— И ты обвиняешь моего ребенка в убийстве.

— Мэри...

— Ведь это так, Хэнк?

— Да, так, — ответил он. — Я работаю в этом округе, и моя обязанность защищать народ округа. Твой сын совершил убийство, и я...

— Мой сын не имеет никакого отношения к убийству. Это те, другие!

— Если это правда, я выясню это еще до суда.

— Он не был в банде!

— Мэри, поверь мне, прежде, чем дело передадут в суд, будет проведено самое тщательное расследование. Если найдутся какие-либо смягчающие обстоятельства...

— О, перестань, перестань, Хэнк, пожалуйста. Это не то, что я от тебя ожидаю. От незнакомого — да, но не от тебя, не от Хэнка Белани.

— Белл, — спокойно поправил Хэнк.

— Я Мэри, — тихо продолжала она, — девушка, которую ты когда-то знал. Мэри, которая когда-то любила тебя... очень нежно. — Она помолчала. — Не говори мне о смягчающих обстоятельствах.

— Каких же слов ты ждешь от меня, Мэри?

— Что моего мальчика не пошлют на электрический стул...

— Я не могу обещать тебе ничего...

— ...за то, чего он не сделал, — закончила она.

В комнате вновь водворилась тишина.

— Никто не платит своей жизнью за то, чего он не сделал, — ответил Хэнк.

— Ты действительно в это веришь, да? — спросила она.

— Да, я действительно в это верю.

Она долго, пристально смотрела на Хэнка.

— Я больше не знаю тебя, правда?

— Мы оба изменились, — ответил он. — Нельзя ожидать...

— Странно, — устало сказала она. — Я вошла в кабинет, ожидая встретить незнакомого человека, и я его встретила. Я совсем тебя не узнаю. Я даже не знаю, позволишь ли ты повлиять тому, что произошло между нами, на судьбу моего сына. Я знаю только, что...

— Не говори так, Мэри! — голос у него был резкий. — Я юрист, и я верю в правосудие, и твой сын получит его. Мне было больно, когда пришло твое письмо, да. Но это было так давно, а каждый становится взрослым.

— А мой сын станет взрослым? — спросила она.

Но на этот вопрос Хэнк не мог ответить.

В полдень он вошел в кабинет Холмза. Большинство газет называли Холмза, начальника бюро по делам убийств, «Шерлок», но все сотрудники звали его Ефραίим — настоящим именем. Это был низкорослый человек, седой и в очках. Круглое лицо придавало ему сходство с телевизионным комиком, впечатление, которое не могло быть более далеким от истины — Ефραίим Холмз был человеком, у которого почти полностью отсутствовало чувство юмора.

— В чем дело, Хэнк? — сразу спросил он. — Я занят.

— Дело Морреза, — без всякого предисловия сказал Хэнк.

— Что именно?

— Я хотел бы отказаться от этого дела. Хотел бы, чтобы ты поручил вести его кому-нибудь другому.

Холмз быстро взглянул на него.

— Какого дьявола? — спросил он.

— Личные мотивы.

— Боишься?

— Нет. Почему я должен бояться?

— Не знаю. Шумиха в прессе. Негодяи, они уже заранее предсказывают исход дела. Кричат о смертном приговоре. Возможно, это действует на нервы?

— Нет, не это.

— Тогда, что же? Думаешь, сомнительное дело?

— Я думаю, что это верное дело.

— Предумышленное убийство?

— Да, предумышленное убийство.

— Тогда, черт возьми, в чем дело? Кто-нибудь из этих ребят является тебе родственником или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— Тебя смущает просить смертный приговор для юнцов?

— Нет.

— У тебя есть предубеждение против пуэрториканцев?

— Что это за вопрос?

— Не будь таким величественным. Ненависть не выбирает себе юрисдикции. Кое-кто говорит, что город был бы чище без таких, как Рафаэль Моррез. Не считаешь ли ты, что это убийство оправдано?

— Абсурд, — сказал Хэнк, — и я не думаю, чтобы кто-нибудь действительно так считал.

— Нет, хм? Тебя ждет сюрприз. — Холмз помолчал. — Ты все еще не убедил меня в том, что я должен освободить тебя от ведения дела.

— Скажем просто: защита может распустить слух о невольной предвзятости прокурора.

— Какой?

— Ефраим, я не могу тебе этого объяснить. Отстрани меня. Я не хочу вести дело. Я едва начал работать над ним, так что фактически никакой потери во времени не будет. И я считаю, прокуратура только выиграет, если я оставлю это дело.

— Ты так считаешь? И кого ты предлагаешь вместо себя?

— Это твоя забота.

— Ты помнишь, чтобы я расхваливал тебя, Хэнк?

— Нет.

— Тогда, вот что. Если я скажу тебе, что ты лучший обвинитель среди других сотрудников, то ты поймешь, что это не просто пустые слова. Это очень серьезное дело, гораздо серьезнее, чем ты...

— Очередное убийство, Ефраим. У нас проходят сотни таких, и каждое...

— Это не просто очередное убийство, подумай, Хэнк. Это чертовски важное дело, и я хочу, чтобы его вел ты. И Босс тоже этого хочет. Я не отстраню тебя до тех пор, пока ты не представишь мне более веские причины, чем те, которые ты приводил до сих пор.

— Хорошо, — сказал Хэнк. — Я знаю мать одного из этих ребят, мать Ди Пэйса.

— Она твоя подруга?

— Нет, не совсем. Я знал ее, когда был мальчишкой... — до того, как ушел в армию.

— Как хорошо ты ее знал?

— Мы собирались пожениться.

— Да, понимаю, — сказал Холмз.

— Когда я уезжал, я просил ее ждать меня, но пока я был за морями, у нее появился дорогой Джон. До сегодняшнего утра я больше никогда ее не видел.

— Когда это было?

— Лет пятнадцать тому назад.

— Прошло много времени, Хэнк.

— Но защита может воспользоваться этим.

— Как?

— Предположим, они вызывают Мэри в качестве свидетеля. Предложим, она заявляет, что в 1943-м году она обманула меня. Тогда мотивом требуемого прокурором смертного приговора явится мелкая месть.

— Ты был с ней близок, Хэнк?

— Нет. Ничего подобного не было.

— Может она дать ложные показания в этом отношении?

— Чтобы спасти своего сына? Ради его спасения она может сказать и сделать все.

— Я все еще не уверен, что это может нам повредить.

— Мне хотелось бы думать так же, как и ты.

— Хэнк, ты сказал: «очередное убийство», а я тебе возразил, что это не так. Хотел бы ты знать, почему?

— Да, конечно.

— Хорошо. Знаешь сам, проклятая преступность малолетних для города — как кость в горле. Все кричат о ней: полицейские, школы, судьи, пресса... Весь город наполнился экспертами, сделавшими открытие: ежегодно два процента, если не больше, американских подростков попадает на скамью подсудимых. И ты знаешь, о чем все кричат? Станем непримиримыми! Надо исключать нарушителей порядка из школ! Штрафуйте родителей! Выносите суровые приговоры! Остановите убийц! Дайте им понять: мы переходим от слов к делу! Бог свидетель, все они уже переходят от слов к делу и все они уже в этом деле. Я говорю тебе это только для того, чтобы показать, какое давление оказывают на наше учреждение. Теперь нас вынуждают всевозможными способами использовать этих убийц как показательный пример. На нас оказывают всяческое давление, чтобы мы послали их на электрический стул, и чтобы другие остерегались грозного меча правосудия.

— Ефраим, наше учреждение никогда не шло на поводу...

— Я сказал не все, Хэнк. Думаю, через минуту ты поймешь, почему это важное дело требует самого лучшего юриста из числа всех наших сотрудников. Преступность малолетних, плюс дискриминируемые группы населения. В данном случае жертвой является пуэрториканец. В городе пуэрториканцы, пожалуй, наиболее угнетаемые люди, новые козлы отпущения, новые объекты для нападков со стороны невротического общества. «Всякий раз, когда какой-нибудь пуэрториканец совершает преступление, для всех газет — знаменательный день, и, играя на явно существующем предубеждении, они тут же создают из пуэрториканца законченного негодяя. Я не хочу вдаваться в психологический анализ природы преступлений национальных меньшинств, но я хочу сказать только одно: на этот раз жертвой является пуэрториканец, и дискриминируемые группы населения объединились, требуя, и я полагаю вполне обоснованно, равноправного правосудия и для убитого Рафаэля Морреза. Короче говоря, от нас требуют не просто быть непримиримыми без какой-либо дискриминации, то есть, чтобы мы продемонстрировали, что ни один убийца, будь он белым, черным, коричневым или смуглым, не останется безнаказанным. От нас требуют показать, что правосудие не только ужасно, но и справедливо...

— Понимаю, к чему ты клонишь, — сказал Хэнк. — И все же я думаю, что любой другой наш сотрудник...

— И последнее. Сердобольные сестры назвали бы это «гуманным аспектом». Мы предъявляем обвинение по данному делу в интересах граждан нашего округа. А ты знаешь,

что видят граждане? Граждане видят, как трое заранее сговорившихся убийц врываются на тихую улицу и ножами убивают слепого мальчика. Слепого мальчика, Хэнк! Разве ты не видишь, какое это вызывает негодование? Разве ты не видишь, что здесь брошен вызов человечности? Как могут быть наши улицы безопасными для кого-нибудь, если даже слепой, защищаемый и охраняемый с начала сотворения мира неписанными законами гуманности, может подвергнуться нападению и зверскому убийству?

— Понимаю, — сказал Хэнк.

— Понимаешь? Тогда должен понять и то, что для нашего учреждения крайне важно, чтобы мы вели это дело со всей энергией и талантом, на какие только способны.

— Я все же думаю...

— Нет. Твоя просьба официально отклонена. Бога ради, Хэнк, на суде будет решаться гораздо большее, чем судьба трех ребят. На суде будет отстаиваться честь нашего учреждения, — Холмз замолчал. — А если ты посмотришь с другой стороны, — продолжал он, — то, может быть, и честь всего этого проклятого города.

Он стоял на палубе парома. Справа был виден высокий, красивый в своем безобразии пролет моста Квинзборо. Далеко впереди на воде лежал, похожий на гигантского, наполовину погруженного в воду кита, остров Велфэр. Там в тюрьме для малолетних преступников пятнадцатилетний парень, по имени Дэнни Ди Пэйс, ожидает суда за убийство.

С реки Ист-Ривер дул прохладный ветерок, лаская затылок и разгоняя отупляющую жару середины лета. Вдалеке раскинулся светлый и строгий с изящными очертаниями на фоне иссиня-голубого неба мост Трайборо. Хэнк помнил, как воздвигался этот мост. Помнил, как четырнадцатилетним мальчишкой он бегал к котловану на 125 улице, пробираясь между бетонными блоками, грудями арматуры и кучами земли. Было лето 1934 года, и молодой парень мысленно представлял себе мост как ворота к сокровищам мира. Ему казалось, что если он перейдет мост, то сможет оставить Гарлем навсегда. Мост имел для него свой особый смысл и цель, и в тот день, наблюдая, как бульдозеры и паровые скреперы с шумом ворочали землю, он решил, что когда-нибудь он покинет Гарлем и никогда больше туда не вернется.

Хэнк тогда не знал, есть ли у него чувство ненависти к Гарлему или нет, но с проницательностью, свойственной очень молодым, четко представлял себе: в жизни можно добиться лучшего, и он намеревался добиться этого. Позднее он понял — к лучшему относилась и Мэри О'Брайан.

Он познакомился с ней, когда ему было уже семнадцать лет. Родившись в итальянской семье, имея дедушку, который еще накануне войны с державами фашистской оси объявил Италию культурным лидером мира и провозгласил Муссолини спасителем итальянского народа, Хэнку вначале было трудно поверить, что он влюбился в ирландку. Разве ему не говорили постоянно члены его семьи, что все ирландцы — пьяницы? Разве его национальные собратья по уличной жизни не утверждали, что все ирландские девушки потаскухи? Разве большинство уличных драк не происходило между итальянцами и ирландцами? Так как же могло случиться, что он влюбился в ирландку, чистокровную до корней рыжих волос?

Когда он с ней познакомился, ей было пятнадцать лет и она еще не красила губы. Он встречался с ней целый год, прежде чем она позволила ему поцеловать себя. Ее рот представлял что-то удивительное. Он и раньше целовался с девушками, но никогда не ощущал такой сладости женских губ, пока не поцеловал Мэри О'Брайан. И с этого дня он полюбил ее.

Любя, он все больше познавал ее, а познавая, еще больше любил, пока она не стала неотъемлемой частью его планов: когда он покинет Гарлем, она уйдет вместе с ним. Он унесет ее отсюда на руках, и ее рыжие волосы будут струиться по его плечам, а ее звонкий смех будет разноситься по ветру.

В 1941 году японцы напали на Пирл-Харбор. К этому времени Хэнку исполнился двадцать один год, он был выпускником университета. Его сразу же призвали в армию.

В доме бабушки устроили вечеринку. Все ели лазанью (фирменное блюдо его матери), пили хорошее красное вино, а бабушка, отведя Хэнка в сторону, спросил на ломаном английском языке:

— Ты будешь летать на аэроплане?

— Да, бабушка, — ответил он.

Старик закивал головой.

— Ты будешь бомбить Италию? — спросил он.

— Если прикажут, — ответил Хэнк.

Старик снова кивнул. Он посмотрел Хэнку в глаза:

— Они будут в тебя стрелять, Энрико?

— Да.

Его руки сжали плечи Хэнка. С большим трудом бабушка сказал:

— Тогда ты тоже будешь стрелять в ответ. — Он опять утвердительно кивнул. — Ты тоже будешь стрелять в ответ, — повторил он, продолжая кивать головой, и, подняв очки, провел рукой по глазам. — Береги себя. Возвращайся живым.

В этот вечер Хэнк пришел повидаться с Мэри. Они шли вдоль автострады Ист-Ривер Драйв. Гирлянда огней построенного три года назад моста, перекинулась через темные воды реки. Он поцеловал ее и спросил:

— Ты будешь ждать меня, Мэри?

— Я не знаю, — ответила она. — Я молодая, Хэнк. Ты уедешь надолго. Я не знаю.

— Жди меня, Мэри. Жди меня.

Никто его не ждал. На следующий год он получил от Мэри письмо, а через шесть месяцев после этого умер бабушка. Ему не разрешили поехать на похороны. Он всегда сожалел, что седоволосый человек со слабыми глазами и нежными руками так никогда и не увидел Кэрин. Интуитивно он почувствовал, что бабушка и Кэрин понравились бы друг другу...

Капитан пришвартовал паром легко и плавно. Хэнк сошел на берег, и быстро зашагал к зданию, где был заключен Дэнни Ди Пэйс.

Человек (его звали Уолш), к которому обратился Хэнк, отвечал на непрерывные телефонные звонки. Три телефона на его столе звонили с устрашающей последовательностью, Хэнк с трудом вклинивался со своим разговором между звонками.

— Видите? — сказал Уолш. — Мышиная возня, сплошная мышиная возня. Мы пытаемся поддерживать контакт с ребятами и девушками, направленными к нам из суда для несовершеннолетних преступников. Это все равно, что в ступе воду толочь. Это нам не по силам, мистер Белл. Это нам не по силам. Знаете, что мы бы хотели здесь делать? Знаете, что мы могли бы здесь делать, если бы у вас было достаточно сотрудников? — Он спокойно покачал головой и быстро взглянул на телефон, боясь, что их снова прервут.

— А чем именно вы здесь занимаетесь, мистер Уолш? — спросил Хэнк.

— Мы пытаемся выяснить, что заставляет ребят вести себя подобным образом. Мы докапываемся до причины. Но сколько вы можете выкопать, если у вас не хватает лопат?

— И что вам удалось сделать?

— Нам удалось провести ряд тестов. Мы пытаемся выяснить, что же в интеллектуальном развитии подростка или в его эмоциональном состоянии...

— Пытаетесь? — спросил Хэнк.

— Да, пытаемся. Мы не всегда достигаем успеха. Боже мой, мистер Белл, мы погрязли в...

Зазвонил телефон. Уолш снял трубку:

— Алло? Да, это мистер Уолш. Кто? О, привет, как поживаешь? — Он помолчал. — Да, заключение на него у меня. Одну минутку. — Уолш открыл папку, лежавшую на столе.: —

Алло? Да, мы это установили. Его отец — алкоголик. Нет, не может быть никакого сомнения. Заключение лежит прямо передо мной... Да. Хорошо. Спасибо за звонок.

Уолш повесил трубку и глубоко вздохнул.

— Неустроенные семьи... У нас большинство ребят из таких семей... Вы, конечно, в курсе всех тех исследований, которые были проведены? — спросил Уолш.

— Боюсь, что нет, — ответил Хэнк.

— Их так много, что я даже не знаю с чего начать, — сказал Уолш. — Например, исследование Глюксов. В основу их системы прогнозирования положено четыре фактора: поддержание дисциплины со стороны отца, наблюдение и забота со стороны матери, любовь к ребенку со стороны родителей и сплоченность всех членов семьи. Было вычислено, что если эти факторы неблагоприятны, то вероятность детской преступности составляет девяносто восемь и одну десятую процента. Вы не думаете, что это чертовски высокий процент?

— Да, если исследование было точным.

— Нет никаких оснований считать, что оно не было точным, — сказал Уолш. — Во всяком случае ни у кого, кто работает в этой области, результат не вызывает удивления: основная масса малолетних преступников выходит из неустроенных семей.

— Что вы подразумеваете под «неустроенными семьями»?

— Разбитые, безнравственные, преступные семьи.

— Ясно, Дэнни Ди Пэйс раньше был у вас?

— Нет. Из троих только Ридон некоторое время находился здесь.

— И что?

— Вы имеете в виду, что мы узнали о нем? Он показался нам крайне агрессивным. Мать слишком много позволяет ему, а отец слишком строг. Парень типичный импульсивный неврастеник.

— Боюсь, что я вас не совсем понимаю, мистер Уолш.

— Я хочу сказать, что преступные наклонности Ридона, вероятно, складываются из сильного чувства злобы к репрессивному отцу и желания вызвать у матери какую-либо эмоциональную реакцию, однако во всепрощение матери он не верит.

— Понимаю, — сказал Хэнк, хотя смысл услышанного остался для него смутным. — По какому поводу Ридон был здесь в первый раз?

— О, какие-то неприятности на улице. Я не помню. Это было несколько лет назад.

— Каково было постановление суда?

— Он был условно освобожден и взят на поруки.

— Даже несмотря на то, что ваше исследование показало, что он, скажем, потенциально опасен?

— Нам повезло, мы хотя бы сумели провести исследование, мистер Белл. У нас на каждого работника приходится по семьдесят пять ребят. Чертовски много, не так ли?

— Да, пожалуй. Как после этого вел себя Ридон?

— Ну, что вам сказать. Сотрудники, работающие с ребятами, отпущенными на поруки, находятся в том же самом положении, что и мы. У них тоже нет времени заниматься индивидуально с каждым подростком. В результате большой процент ребят, находящихся на поруках, снова попадает во всякого рода истории.

— Как, например, Ридон?

— Да, если вы хотите использовать его в качестве примера, хотя он один из сотен. — Уолш помолчал. — Мы могли бы столько сделать, мистер Белл, если бы у нас были деньги и сотрудники. Столько сделать...

Хэнк утвердительно кивнул.

— Однако вы не считаете, что несколько упрощаете суть дела? Ну, прикрываясь, что ли, всей этой психологией...

— Прикрываясь?

— Возможно, это не то слово. Но вы уверены, что вопрос о детской преступности

можно свести к простым психологическим формулировкам?

— Конечно, нет. В действительности, не существует такой категории, как чисто преступный тип. Вряд ли во всей стране можно найти в чистом виде преступника типа «импульсивный неврастеник», то есть такого преступника, который поддается влиянию социальной среды и в то же самое время не является личностью с нарушенной психикой. И мы, разумеется, не можем игнорировать влияние окружения, ненормального положения в школе и даже невежества многих полицейских сотрудников — в качестве факторов, способствующих росту преступности среди молодежи. Однако это не является психологической галиматией, мистер Белл.

— Эти парни, мистер Уолш, убили другого парня.

— Да, я знаю.

— Оправдали ли бы вы парней на том основании, что у их родителей имеются личные неурядицы?

— Оправдал бы я убийство? — переспросил Уолш.

— Да.

— Это ваша обязанность определять преступникам статью закона, мистер Хэнк, а не моя. Я имею дело с людьми.

Хэнк кивнул.

— Извините, могу я сейчас видеть Ди Пэйса?

— Разумеется, — ответил Уолш.

Когда он поднимался, снова зазвонил телефон.

— Проклятье! — не сдержался он. — Бетти, будь добра, ответь, пожалуйста. Сюда, мистер Белл.

У парня были такие же, как у матери рыжие волосы и карие глаза, такой же овал лица и такой же рот, который выглядел на лице мальчика, превращавшегося в мужчину, странно по-женски. Он был высоким парнем с неразвитой мускулатурой и огромными кистями рук, выдававшими уличного забияку.

— Если вы полицейский, то я не хочу с вами разговаривать.

— Я окружной прокурор, — ответил Хэнк, — и тебе лучше поговорить со мной. Я представляю обвинение по этому делу.

— Тем больше у меня оснований ничего вам не говорить. Вы думаете, я помогу вам отправить меня на электрический стул?

— Я хочу знать, что произошло в тот вечер, когда был убит Моррез.

— Да? Так спросите у Морреза. Может быть, он вам расскажет. Мне нечего вам сказать. Идите и говорите с этими важными шишками адвокатами, которых назначил мне суд. Только у меня одного их целых четыре. Идите и разговаривайте с ними.

— Я с ними уже говорил и они не возражали против того, чтобы я допросил тебя и твоих приятелей. Я полагаю, тебе известно, в каком серьезном положении ты находишься. Твои адвокаты уже говорили тебе об этом?

— Меня будет судить суд для несовершеннолетних.

— Нет, это не так, Дэнни. Тебя вместе с другими ребятами будет судить уголовный суд, третья секция.

— Да-а?

— Да. Дело будет рассматриваться в следующем месяце. Это будет справедливый суд, и никто не собирается с тобой нянчиться. Ты убил человека, Дэнни.

— Да-а? Вы еще должны доказать это, мистер. Я невиновен до тех пор, пока не будет доказана моя виновность.

— Верно. Теперь допустим, ты расскажешь мне, что произошло вечером десятого июля.

— Я уже рассказывал об этом сотни раз. Мы прогуливались, и какой-то грязный пуэрториканец напал на нас, и мы порезали его. Это была самооборона.

— Парень, которого вы зарезали, был слепым. Ты, конечно должен понимать, никакие присяжные не поверят, что он напал на вас.

— Меня не интересует, поверят они или нет. Я говорю, как все было. Можете спросить Бэтмана и Башню. Они скажут вам то же самое.

— Кто такой Бэтман?

— Апосто. Так его называют ребята из клуба.

— Что это за банда?

— Вы все уже знаете об этом. Кому, черт возьми, вы пытаетесь морочить голову?

— Я спрашиваю тебя, — сказал Хэнк. — Как называется эта банда?

— «Орлы-громовержцы». — Дэнни помолчал. — И это не банда. Это — клуб.

— Понимаю. А чем отличается банда от клуба?

— «Орлы-громовержцы» никогда не ищут неприятностей.

— Тогда что вы делали в испанском Гарлеме, если не искали неприятностей?

— Мы прогуливались.

— Ты, и Башня, имя которого, я полагаю, Ридон, и Бэтман. Правильно?

— Правильно, — ответил Дэнни.

— Почему вы называете его Башней?

— Не знаю. Думаю, потому что он высокий. К тому же он очень сильный.

— Как они зовут тебя?

— Дэнни.

— А у тебя нет прозвища?

— Для чего мне прозвище? Во всяком случае Дэнни — уже прозвище. Мое настоящее имя — Даннелъ.

— Почему ты присоединился к банде, Дэнни?

— Я не принадлежу ни к какой банде.

— Тогда к клубу?

— Я не принадлежу ни к какому клубу.

— Тогда что ты делал с двумя «Орлами» вечером десятого июля?

— Они спросили меня, не хочу ли я пройтись, и я ответил, что хочу. И пошел. Нет закона, запрещающего прогулки.

— Есть закон против убийства.

— Да, но это была самооборона.

— Дэнни, парень был слепым.

— Ну и что?

— А то, что если ты будешь придерживаться этой версии, то я могу гарантировать тебе только одно, что ты кончишь на электрическом стуле.

С минуту Дэнни молчал. Затем сказал:

— Это то, чего вы хотите, не так ли?

— Я хочу знать правду.

— Вы ее знаете. Башня, Бэтман и я прогуливались. Вшивый пуэрториканец напал на нас, и мы порезали его. Вот вам правда.

— Ты наносил Моррезу удары ножом?

— Конечно, наносил. Этот подлец напал на нас. Я ударил его ножом четыре раза.

— Почему?

— Потому, что я хотел ударить его ножом. Вы полагаете, я боюсь ударить кого-нибудь ножом? Я ударил бы ножом любого, кто посмел бы меня обидеть.

— И слепого?

— О, оставьте эту песенку о слепом парне. Он напал на нас.

— Как он мог напасть на вас, если он даже не мог вас видеть?

— Спросите его. Может быть, он слышал нас. Может быть, он и не был на самом деле слепым. Может быть, он только притворялся слепым.

— Дэнни, Дэнни...

— Откуда я знаю, черт возьми, почему он напал на нас? Но это он сделал! И мы проучили его!

— Хорошо, Дэнни. Вы придумали историю и, может быть, она и хорошая, однако в свете имеющихся фактов звучит неубедительно, и я рассчитываю, что ты придумаешь что-нибудь другое. Иначе тебе останется только молиться.

— Я рассказываю, как было. Вы хотите, чтобы я врал?

— Чего ты боишься, Дэнни? Кого ты боишься?

— Я ничего и никого на свете не боюсь, и не забывайте этого, мистер. И вот что я вам еще скажу: если вы думаете, что я отправлюсь на электрический стул, то вы ошибаетесь, я не отправлюсь на электрический стул. И если бы я был на вашем месте, мистер, я был бы осторожнее. Я просто не стал бы вечером ходить по темным улицам.

— Ты угрожаешь мне, Дэнни?

— Я просто вам советую.

— Ты думаешь, что я испугаюсь горстки несовершеннолетних хулиганов?

— Я не знаю, чего вы испугаетесь и чего вы не испугаетесь. Я знаю только одно, что лично я не хотел бы иметь дело с пятьюдесятью парнями, настроенными воинственно.

— Спасибо за предупреждение, — сухо сказал Хэнк.

— Между нами говоря, — продолжал Дэнни, — мне кажется, вы не смогли бы справиться и с женщиной, а не то что с пятьюдесятью парнями.

— Ты — просто талант, Дэнни, — сказал Хэнк.

— Да-а? А именно?

— Я пришел сюда потому, что твоя мать сказала мне...

— Моя мать? Зачем вы впутываете ее? Зачем вы вызывали ее?

— Я не вызывал ее. Она пришла сама. Она сказала мне: ты не принадлежишь к клубу «Орлы-громовержцы» и не имеешь никакого отношения к убийству. Когда я объяснил это твоим защитникам, они дали согласие на то, что я могу тебя повидать. Поэтому я и пришел. А сейчас, более чем когда-либо я убежден, что ты на самом деле принадлежал к банде и что ты убил этого парня хладнокровно и преднамеренно. В этом и заключается твой талант, Дэнни. Он окажет свое воздействие на присяжных.

— Я не убивал его. Я ударил его ножом в порядке самообороны. Пытался остановить его, чтобы он не ударил меня.

— Он был слепым! — гневно сказал Хэнк.

— Я не знаю, каким он был, и меня это не интересует. Он вскочил со ступенек, как сумасшедший и у него в руках был нож, и когда он двинулся на нас...

— Ты врешь!

— Я не вру. У него был нож. Бог свидетель, я видел нож! Вы полагаете, я хотел, чтобы меня зарезали? Башня и Бэтман пошли на него, я тоже. Я не трус, мистер. Когда начинаются неприятности, я смелый.

— Действительно, требуется много смелости, чтобы напасть на парня, который не видит.

— Не обязательно видеть, чтобы суметь всадить в кого-либо нож. Были случаи, когда ребята резали ножами в сплошной темноте. Что вы об этом знаете, черт возьми? Вы, слонтявая баба, вы, который, по-видимому, родились в богатом имении и...

— Замолчи, Дэнни!

— Не затыкайте мне рот. Вам повезло, что мои защитники разрешают вам хотя бы разговаривать со мной. Никто вас сюда не звал. Вы пришли по собственному желанию. Хорошо, раз вы уже здесь, то я вот что вам скажу: мы шли по улице, и вонючий пуэрториканец вскочил с крыльца, как сумасшедший, и бросился на нас с ножом, и мы порезали его. Было ясно: либо он нас, либо мы его. Если он умер, тем хуже для него. Не надо было бросаться на нас.

Хэнк поднялся.

— Хорошо, Дэнни. Это твоя версия. Желаю тебе удачи.

— И держитесь подальше от моей матери, мистер, — сказал Дэнни. — Да, держитесь, от нее подальше. Вы меня слышите?

— Я тебя слышу.

— Тогда вам лучше делать, как я вам говорю.

— Я собираюсь делать только одно, Дэнни. Я собираюсь за убийство невинного парня отправить тебя и твоих дружков на электрический стул.

Когда он вернулся в свой кабинет, на его столе лежала записка. Она была адресована мистеру Генри Беллу, окружному прокурору:

Слова небрежно написаны чернилами поперек конверта. Хэнк открыл конверт и вытащил листок почтовой бумаги. Тем же самым почерком были написаны следующие слова:

«Если «Орлы-громовержцы» умрут,
вслед за ними умрете вы».

ГЛАВА IV

На следующее утро Хэнк пришел в Гарлем и сразу понял, что его прежнее представление не соответствует действительности.

Он стоял на углу 120 улицы и Первый авеню, глядя на запад и пытаясь представить себя мальчиком, обнаружил, что с тех пор этот район изменился до неузнаваемости. Это всколыхнуло в нем воспоминания.

На северной стороне улицы, где раньше находилась бакалейная лавка и где в жаркие летние дни Хэнк играл в карты, — простирался пустой участок. Он был выровнен бульдозерами под строительство нового жилого дома. Дом, в котором он родился, все еще стоял в середине квартала на южной стороне улицы. Кондитерский магазин, стоявший рядом с ним, был уже заколочен досками, а дома напротив него уже начали сносить.

— Ребята живут не здесь, — сказал Майкл Ларсен. — Они живут двумя кварталами выше, сэр.

— Я знаю, — ответил Хэнк.

Он снова окинул взглядом улицу, ощущая перемену как что-то живое и думая, действительно ли изменения являются синонимом прогресса и если изменился внешний вид Гарлема, если город навязал ему новые постройки из чистенького красного кирпича и эти образцовые «пещеры» типа жилого массива «Милтоун Мен», то люди Гарлема тоже изменились.

Его прежнее представление о трех Гарлемах основывалось на чисто территориальном делении Гарлема на итальянский, испанский и негритянский районы. Мысленно он почти воздвигнул пограничные посты между ними. Сейчас он понял, что на самом деле не было никакой границы, разделявшей эти три района. Был только один Гарлем. Улицы итальянского Гарлема пестрели смуглыми и белыми лицами пуэрториканцев и темно-коричневыми лицами негров. В Гарлеме можно было изучить всю историю иммиграции в город Нью-Йорк. Ирландские и итальянские иммигранты первые подверглись медленной и неизбежной интеграции. Негры, прибывшие позже, весьма незначительно вкрапливались в респектабельную среду белых протестантов. Пуэрториканцы прибыли последними и, несмотря на культурный и лингвистический барьер, отчаянно стремились найти гостеприимно протянутую руку, но они нашли руку, в которой оказался нож с открытым лезвием.

Ему хотелось знать, чему научился за это время город, если вообще чему-нибудь научился. Он знал, что проводились бесконечные изучения жилищных условий, транспортных проблем, состояния школ, оздоровительных центров и проблем занятости. Специалисты, все знавшие об иммиграции, подготовили десятки исследований. И все же,

заглядывая не слишком далеко вперед — на двадцать, двадцать пять лет, — он представлял себе город наподобие гигантского колеса. Втулка этого колеса была центром города, где работали бы люди идей, рассылая по всей стране советы: ешьте хрустящие крекеры, умывайтесь мылом «уадли», курите сигареты «сахарас», тем самым определяя вкусы и мысли людей. А вокруг этого лагеря людей идей бродили бы кочевые племена, борясь друг с другом за бесплодную почву городских улиц, странствуя и скитаясь, все еще надеясь найти гостеприимно протянутую руку. На самом высоком небоскребе «Эмпайр Стейт Билдинг», расположенном в самом центре «втулки» и принадлежащем «людям идей», был бы установлен огромный громкоговоритель, который все время точно через час рывкал бы одно и то же слово. Оно разносилось бы над городом громко и четко, проникая на территорию варварских племен, странствующих по внешнему периметру «втулки».

И этим словом было бы: «терпимость!»

— Вы вообще знакомы с Гарлемом, сэр? — спросил Ларсен.

— Я родился здесь, — ответил Хэнк. — На этой самой улице.

— Вот как! — Ларсен посмотрел на него с любопытством, — Я полагаю, он очень изменился в тех пор.

— Да, очень.

— Знаете, — сказал Ларсен, — мы могли бы привести эту девушку к вам в кабинет. Вам не обязательно было приходить в Гарлем.

— Я сам хотел прийти сюда.

Идя с детективом, который догадался о его подлинные чувствах, сейчас он терялся в догадках, почему ему захотелось сюда прийти. «Может быть, причиной явилась та записка, — подумал он. — Может быть, это она бросила вызов его мужскому самолюбию. Или, может быть, просто захотелось понять, что было такого особенно в Гарлеме, который мог произвести и окружного прокурора, и трех убийц».

— Это и есть тот самый квартал, — сказал Ларсен. — Все трое жили именно здесь, а пуэрториканский парень жил на этой же улице, только немного западнее. Великолепно, а?

Хэнк взглянул на улицу. От жары асфальт стал мягким, как резина. Посреди квартала ребята отвернули вентиль пожарного гидранта и прямо в одежду, с прилипшими к телу мокрыми теннисками, бегали под его струей. Вода била вверх и, отразившись от консервной банки, прикрученной проволокой к крану, ниспадала вниз в виде водопада, который обходил город в копеечку. Дальше на этой же улице квартала шла игра в бейсбол. У обочины тротуара стояли мусорные баки, ожидая, когда их заберут машины из санитарного управления муниципалитета. На ступеньках сидели женщины в домашних платьях, обмахиваясь от жары. Перед кондитерским магазином, о чем-то болтая, стояла группа подростков.

— Если вас интересует, как выглядят «Орлы-громовержцы» во время досуга, то они сейчас перед вами, — заметил Ларсен.

Ребята выглядели совершенно безобидно. Они спокойно болтали между собой и смеялись.

— Девушка живет в доме рядом с кондитерским магазином, — сказал Ларсен. — Прежде, чем выйти из полицейского участка, я позвонил ей, она знает, что мы придем. Не обращайте внимания на косые взгляды этих зеленых юнцов. Они знают, что я полицейский. Я им не раз давал пинка в зад за тем углом.

Разговор между ребятами начал замедляться, а когда Хэнк и Ларсен подошли к ним ближе, совсем прекратился. Плотнo сжав губы, с непроницаемыми лицами, они наблюдали, как Хэнк и Ларсен входили в дом. Подъезд был темным и узким. В нос сразу же ударило зловоние: запахи человеческих тел и их испражнений, запахи приготовляемой пищи, запахи сна и движения — зловоние ограниченной и убогой жизни.

— Черт возьми, не знаю, как люди умудряются здесь жить, — возмутился Ларсен. — Некоторые из них даже неплохо зарабатывают, могли бы вы этому поверить? Казалось бы, они должны отсюда уехать, это неподходящее место для людей. Но когда живешь как

свинья, то начинаешь и чувствовать как свинья. Ее квартира на третьем этаже.

Они поднялись по узкой лестнице. Он вспомнил, как взбирался по точно такой же лестнице, когда был ребенком. Внешний вид Гарлема, возможно, и изменился, но его нутро осталось тем же самым. Даже зловоние было хорошо знакомым. В детстве он сам не раз мочился под лестничной клеткой на первом этаже.

Когда живешь как свинья, то начинаешь и чувствовать как свинья.

— Это здесь, — Ларсен остановился перед квартирой под номером 3 «Б». — Ее родители на работе. Девчонка одна. Ей шестнадцать, но выглядит она гораздо старше.

Он постучал в дверь. Дверь тут же открылась, как будто девушка стояла позади нее, ожидая, когда постучат. Она была черноволосой с широко открытыми карими глазами и правильными чертами лица. На ней не было никакой косметики за исключением губной помады. Одета она была в красную крестьянскую юбку и белую блузку, а волосы были завязаны сзади около шеи красной лентой.

— Здравствуйте, — сказала она. — Входите.

Они вошли в квартиру. Линолеум был старым, штукатурка потрескалась и отставала от стен, электрическая штепсельная розетка свободно свисала со стены, выставляя напоказ оголившиеся медные провода. Но сама квартира была скрупулезно чистой.

— Мисс Ругиелло, это мистер Белл, окружной прокурор.

— Здравствуйте, — повторила девушка. Говорила она низким шепотом, словно боялась, как бы ее не подслушали.

— Здравствуйте, — сказал Хэнк.

— Хотите кофе или еще чего-нибудь? Я могу поставить кофе. Через минуту он будет готов.

— Нет, спасибо, — поблагодарил Хэнк.

Девушка кивнула, словно заранее была уверена, что он откажется от ее гостеприимства, и сейчас убедилась в своем предположении.

— Тогда... присаживайтесь... пожалуйста.

Они сели за кухонный стол с пластмассовым покрытием. Девушка села у дальнего конца стола, а Хэнк и Ларсен расположились на стульях напротив нее.

— Как ваше имя, мисс? — спросил Хэнк.

— Анджела, — ответила она.

— У меня есть дочь приблизительно вашего возраста.

Да? — сказала девушка с кажущимся интересом, но продолжая наблюдать за Хэнком с недоверием. — Очень приятно.

— Мистер Белл хотел бы задать тебе несколько вопросов, — вмешался Ларсен. — Относительно того, что произошло в тот вечер, когда зарезали Морреза. Относительно ножей.

— Можете вы мне рассказать своими словами, что случилось? — спросил Хэнк.

— Ну, я не видела, как они его зарезали или что-нибудь подобное. Вы понимаете, да? Я не имею никакого отношения к убийству.

— Да, мы понимаем.

— Это плохо, что я взяла ножи? У меня могут быть неприятности?

— Нет, — ответил Хэнк. — Расскажите нам, как все это случилось.

— Ну, Кэрол и я сидели на улице на ступеньках. Кэрол — моя двоюродная сестра. Было довольно рано, тихо. Никого из ребят вокруг. Мы догадывались: они готовятся к драке. Понимаете, об этом было решено еще днем. Я имею в виду драку между ними и «Всадниками».

— С испанской бандой? — спросил Хэнк.

— Да, с пуэрториашками, — тихо сказала она, кивая головой. — До этого между ними и «Орлами» было перемирие, но в тот день встретились их военачальники и решили начать это... боевые действия. Мы знали, вечером должна произойти драка и им надо было к ней подготовиться. Друг Кэрол — военачальник «Орлов-громовержцев», так что она все знала об

этом.

— А у тебя есть друг в этом клубе?

— Как сказать. Нет, постоянного нет. Но они хорошие ребята. Я хочу сказать, что они кажутся хорошими ребятами, понимаете?

— Да, продолжай.

— Ну, мы сидели на ступеньках, было очень тихо. Похоже, собирался пойти дождь. Помню, как я сказала Кэрол, что, пожалуй, пойдет дождь...

Кэрол: «Очень хорошо. Именно этого нам сейчас и не хватает — небольшого дождя».

Анджела: «Я не против. Сегодня весь день стояла такая жара».

Кэрол: «Я тоже. Об этом я и сказала, не так ли?».

Анджела: «Я думала, что ты говоришь иронически».

Кэрол: «Нет. (Она молчит и вздыхает.) Послушай, давай пройдемся или сделаем что-нибудь. Я умираю от скуки».

Анджела: «Хорошо, пошли. Все равно ребята вернутся поздно».

Кэрол: «Они и не начинали. Еще даже не стемнело».

(Они встают. На обеих надеты голубые расклешенные книзу юбки и белые блузки без рукавов. Кэрол выше ростом и старше. Одеты они, как могло показаться, со вкусом, если бы не приподнятые бюстгальтерами высокие, торчащие вперед груди. Шли они тоже с преувеличенной женственностью, как бы желая подчеркнуть свою принадлежность к женскому полу в обществе, в котором, как, вероятно, им казалось доминируют мужчины. Они проходят Вторую авеню и держат путь на запад. Какие-то ребята на углу свистят им вслед, а они равнодушно задирают свои юные носики к небу, испытывая при этом самодовольное женское удовлетворение. Они симпатичные девушки, и это им известно. Кэрол также знает, что она хороша в постели. Так ей говорили. Анджела еще девушка, но она изо всех сил старается создать впечатление, что у нее огромные познания в области секса. Когда они подходят в Третью авеню, начинается дождь. Они бегут, и юбки хлопают по их ногам. Они ныряют в какой-то подъезд, выглядывая оттуда по направлению к Лексингтон авеню.)

Кэрол: «Эй! Что это? Вон там! Посмотри!»

Анджела (глядит на запад, где на горизонте нависли грозовые тучи): «Кажется, Башня. Кто это с ним?»

Кэрол: «Бэтман и Дэнни. Они бегут!»

Анджела: «Но я думала...

Кэрол: «О, боже, они все в крови!»

(Ребята большими прыжками пересекают Третью авеню. Позади них воеет полицейская сирена. На лицах ребят смесь страха и возбуждения. Их руки в крови. Каждый из них все еще держит в руке окровавленный нож.)

Башня (заметив девушек): «Эй, эй! Эй, сюда, быстро!»

Кэрол: «Что такое? Что случилось?»

Башня: «Неважно, за нами гонятся полицейские. Возьмите ножи! Избавьтесь от них! Живей! Живей, берите!» (Девушкам протянуты ножи, со стальных лезвий падают капли. Кэрол застыла в неподвижности.)

Кэрол: «Что случилось?»

Дэнни: «Грязный пуэрторикашка пытался напасть на нас. Мы его прирезали. Берите ножи! Берите!»

(Кэрол не двигается. Глаза ее широко открыты, и она, уставившись смотрит на протянутые к ней окровавленные кулаки. Анджела вдруг вытягивает руку, и вот она уже сжимает рукоятки ножей — один, два, три, — ребята снова бегут, устремляясь к безопасной территории, к месту своего жилья. Анджела бросается к ближайшему крыльцу и взбирается на самую верхнюю ступеньку, защищенную от дождя. Она быстро садится, засовывает ножи под юбку, натягивает ее, чтобы прикрыть их. Она чувствует прикосновение длинных

стальных лезвий к своему голому телу, ей кажется, она ощущает липкую кровь на каждом из них.)

Кэрол: «Я боюсь. О, боже, я боюсь!»

Анджела: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш!!»

(Дождь хлещет по длинной улице. Полицейскую машину с воющей сиреной резко заносит поперек Третьей авеню. Другая полицейская машина въезжает с другого конца улицы.)

Кэрол (шепотом): «Нож! Один нож виден. Натяни юбку!»

Анджела: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш. (Она засовывает руку под юбку и запихивает ножи дальше под бедра. На лице у нее такое выражение, будто она приняла наркотик. Сирена воем у нее в ушах. Раздаются ужасающие звуки двух выстрелов (полицейские стреляют в воздух), крики множества голосов. Затем снова около нее слышится шепот Кэрол.)

Кэрол: «Они поймали их. О, боже, они попались! Анджела, они зарезали парня!»

Анджела: «Да. (Сейчас она тоже говорит шепотом.) Да. О, да, они зарезали его».

Кэрол: «Что нам делать с ножами? Давай бросим их в сточную трубу. Сейчас. Пока полицейские не добрались до нас».

Анджела: «Нет. Нет, я унесу их домой».

Кэрол: «Анджела... »

Анджела: «Я возьму их с собой».

— Мы нашли их здесь, сэр, — сказал Ларсен. — В ящике ее туалетного столика.

— Почему ты взяла ножи, Анджела? — спросил Хэнк.

— Не знаю. Ребята были так взволнованы. Вы бы видели их лица. Они протягивали мне ножи, и я... и я их взяла. Все три, один за другим. И спрятала. Потом унесла их домой, положила в бумажный пакет и засунула в ящик туалетного столика, в самый дальний угол, чтобы отец не нашел. Он страшно бы рассердился, если бы увидел ножи. Начал бы укорять меня, что порядочная девушка не должна была брать ножи.

— Почему ты позвонила в полицию?

— Я поняла, что поступила неправильно. Поэтому я и позвонила в полицию и сказала, что они у меня. Я чувствовала себя ужасно виноватой.

— Ты говоришь, Дэнни сказал вам, что Моррез напал на них. Это его точные слова?

— Да. Грязный пуэрторикашка пытался внезапно напасть на них, и они его прирезали. Так он и сказал. Я думаю, так. Я была очень взволнована.

— Ты читала об этом деле в газетах?

— Конечно.

— Тогда тебе известно: эти ребята утверждают, что Моррез кинулся на них с ножом? Ты знаешь об этом, не так ли?

— Конечно. Я знаю об этом.

— А может быть так: Дэнни Ди Пэйс вообще ничего не говорил. Может быть, ты только ДУМАЕШЬ, что он так сказал после того, как ты прочитала об этом в газетах?

— Может быть... Не знаю. Нет, он говорил, я взяла и его нож... Знаете что? У меня на юбке есть пятна крови. Я не могу их вывести.

В этот вечер за ужином Хэнк взглянул через стол на свою дочь Дженифер, задавая себе вопрос, какой бы она стала, если бы жила в Гарлеме? Его дочь была красивой девушкой с такими же, как у матери светло-кариими глазами и великолепными светлыми волосами, а ее грудь с поразительной быстротой принимала зрелую форму. Аппетит дочери изумил его. Она ела быстро, запихивая пищу в рот, как водитель грузовика.

— Не торопись, Дженни, — сказал он. — У нас не предвидится голодовки.

— Я знаю, пап, но Агата будет ждать меня в восемь тридцать. Она достала несколько новых пластинок. К тому же, мам сказала, что ужин будет в семь, а ты опоздал, это твоя вина, что я так глотаю.

— Новые пластинки могут подождать, — сказал Хэнк. — Ешь помедленнее, пока не подавилась.

— Эту спешку вызывают на самом деле не пластинки Агаты, — вмешалась Кэрин. — Там будут мальчики.

— О, — удивился Хэнк.

— Ну, ради Святого Петра, пап, не смотри на меня так, словно я собираюсь в притон, где принимают опиум или что-то в этом роде. Мы только собираемся немного потанцевать.

— Кто эти мальчики? — спросил Хэнк.

— Несколько соседних ребят. Вообще-то все они ни рыба, ни мясо, за исключением Лонни Гэвина. Он замечательный парень.

— Ну что ж, по крайней мере, хоть это утешительно, — сказал Хэнк и подмигнул Кэрин. — А почему бы тебе не привести его как-нибудь домой?

— Пап, он был уже здесь сто раз.

— А где я был?

— О, ты, как я полагаю, готовил какое-либо резюме или бил струей из брандспойта по какому-нибудь свидетелю.

— Я не думаю, что это очень смешно, Дженни, — снова вмешалась Кэрин. — Твой отец не избивает свидетелей.

— Я знаю. Это — эвфемизм.

Она схватила салфетку, вытерла губы, отпихнула стул и чмокнула мать.

— Извините меня, пожалуйста, — сказала Дженни и выбежала из столовой.

Хэнк видел, как стоя перед зеркалом в прихожей, она красила губы. Затем машинально поправила бюстгальтер, помахала на прощанье родителям и, хлопнув дверью, выбежала из дома.

— Что ты скажешь на это? — спросил Хэнк.

Кэрин пожала плечами.

— Меня это беспокоит, — сказал Хэнк.

— Почему?

— Она уже женщина, — ответил он.

— Она еще девушка.

— Она женщина, Кэрин. Она привычно красит губы и поправляет бюстгальтер так, словно носила его всю жизнь. Ты уверена, что это хорошо, чтобы она ходила домой к этой Агате на танцы? С мальчиками?

— Я бы больше беспокоилась, если бы она ходила на танцы с девочками.

— Дорогая, не передергивай.

— Я не передергиваю. Для сведения окружного прокурора сообщаю, что его дочь начала расцветать в двенадцать лет. Она красит губы и НОСИТ бюстгальтер почти два года. И я полагаю, она уже целовалась.

— С кем? — спросил Хэнк, поднимая брови.

— О, боже. Я уверена, со многими мальчиками.

— Я не считаю, что это правильно, Кэрин.

— Как ты предлагаешь предотвратить это?

— Ну, я не знаю. — Он помолчал. — Но мне кажется, что это неправильно, чтобы девочка в тринадцать лет гуляла и обнималась со всеми соседскими ребятами.

— Дженни почти четырнадцать лет, и я уверена, что она целуется с теми мальчиками, которые ей нравятся.

— А что будет потом?

— Хэнк!

— Я говорю серьезно. Мне лучше побеседовать с этой девчонкой.

— И что ты ей скажешь?

— Ну...

Со спокойной улыбкой на губах Кэрин продолжала:

— Не скажешь ли ты ей, чтобы она держала ноги крест-накрест?

— В каком-то смысле, да.

— И ты думаешь, это поможет?

— Мне кажется, что ей следует знать...

— Она знает, Хэнк.

— Похоже, что тебя это не очень беспокоит, — сказал Хэнк.

— Нет, Дженни разумная девочка, и я думаю, что ты только поставишь ее в неловкое положение, если начнешь читать ей лекцию. Я считаю, что было бы гораздо важнее, если бы ты... — Она внезапно замолчала.

— Если бы я, что?

— Если бы ты приходил домой пораньше. Если бы познакомился с мальчиками, которые назначают ей свидания. Если бы проявлял больше интереса к ней и к ним.

— Я даже не знал, что ей НАЗНАЧАЮТ СВИДАНИЯ. Не слишком ли она молода для свиданий?

— Биологически она такая же старая, как и я.

— О, очевидно, следует по твоим стопам, — заметил Хэнк и тут же пожалел о сказанном.

— «Войди, берлинская сука», — отчетливо выговорила Кэрин.

— Извини.

— Не имеет значения... Одного мне хотелось бы, Хэнк, чтобы когда-нибудь у тебя хватило духу поверить в то, что я полюбила ТЕБЯ, а не плитку американского шоколада.

— Я верю в это.

— Так ли? Тогда почему ты постоянно возвращаешься к моему «ужасному» прошлому? Послушать тебя, так можно подумать, что я была главной проституткой в районе, который тянулся на многие мили.

— Я предпочел бы не говорить об этом, — сказал Хэнк.

— Я считаю, что нам следует поговорить об этом. — Мне хотелось бы раз и навсегда покончить с этим.

— Не о чем говорить.

— Нет, есть о чем поговорить. И лучше поговорить, чем намекать. Тебя очень беспокоит то, что я была близка с другим мужчиной до того, как встретила тебя?

Он промолчал.

— Я спрашиваю тебя, Хэнк.

— Да, черт возьми, очень. У меня вызывает бешенство, что нас познакомил бомбардир моего самолета и что он знал тебя гораздо дольше и, возможно, лучше, чем я.

— Он был очень добрым, — мягко сказала Кэрин.

— Я не хочу слышать о его проклятых добродетелях. Чего он делал? Привозил тебе нейлоновые чулки?

— Да. Но ты делал то же самое.

— И ты говорила ему то же самое, что и мне?

— Я говорила ему, что люблю его. И я действительно его любила.

— Прекрасно.

— Ты, может быть, предпочел бы, чтобы я легла в постель с мужчиной, которого презирала?

— Я предпочел бы, чтобы ты ни с кем не ложилась в постель.

— Даже с тобой?

— Ты вышла за меня замуж, — отрезал Хэнк.

— Да, потому что я полюбила тебя с первой минуты, как только увидела. Вот почему я вышла за тебя замуж. Вот почему я попросила Питера никогда больше со мной не встречаться. Это потому, что я полюбила тебя.

— Но вначале ты любила Питера.

— Да. А ты разве до меня никого не любил?

— Я не ложился с ней в постель!

— И, наверное, она не жила в Германии в военное время! — огрызнулась Кэрин.

— Нет, она не жила в Германии в военное время. А ты жила, но не пытайся убедить меня в том, что каждая немецкая девушка становилась законной добычей американского солдата.

— Я не могу говорить за каждую немецкую девушку, кроме себя, — отрезала Кэрин. — Я голодала. Я боялась. Я боялась, черт возьми. Ты когда-нибудь боялся?

— Я боялся всю свою жизнь, — сказал он.

За столом нависла тишина. Они сидели, глядя друг на друга с легким изумлением на лицах, точно впервые поняв, что они, в действительности, не знают друг друга.

Он отодвинул стул и встал.

— Пойду, пройду.

— Хорошо. Будь осторожен, пожалуйста.

Он вышел из дома, но слова «Будь осторожен, пожалуйста», продолжали звучать у него в голове. Это были те же самые слова, которые много лет назад она говорила ему каждый раз, когда он покидал ее, возвращаясь на базу.

Он все еще помнил, как вел «джип» по улицам разрушенного бомбами просыпающегося Берлина, готового встретить тихий рассвет. То были хорошие времена, а сейчас произошла глупая ссора.

О, проклятие, что же с ним происходит, черт возьми?

Он направился вверх по улице. Это была благоустроенная улица со старыми деревьями, хорошо спланированными земельными участками, тщательно подстриженными газонами и большими белыми домами с аккуратно выкрашенными переплетами окон — миниатюрный пригород, обосновавшийся в самом центре города. Нью-Йорк — город, где в пределах двух кварталов соседствуют ужасающие трущобы и самый аристократический район.

Он повернулся и пошел на запад по направлению к реке. Почему он поссорился с Кэрин? И что он имел в виду, когда сказал: «Я боялся всю свою жизнь!» Слова сорвались с его губ невольно, словно были произнесены каким-то другим таинственным человеком, живущим внутри него и о существовании которого он даже не подозревал.

Да, он боялся. Боялся, сидя за пультом управления бомбардировщика, когда вокруг его самолета бесшумно разрывались зенитные снаряды, боялся, когда однажды их сбили над Ла-Маншем и им пришлось сделать вынужденную посадку на воду, боялся, когда немецкий истребитель пикировал и вел ураганный огонь по воде, и он видел, как пулеметная очередь прошивала узкие полоски воды.

Но всю свою жизнь? Боялся всю свою жизнь?

Он вышел на тропинку между кустами в конце улицы, направляясь к большой скале, обращенной в сторону железной дороги и реки Гудзон. Они с Кэрин часто приходили сюда летними вечерами. Здесь можно было сидеть и смотреть на огни городка аттракционов, расположенного по другую сторону реки в центральной части города, на мост Джорджа Вашингтона, перекинутый через реку, словно нитка ожерелья, и на движущиеся огни речных судов. Здесь также можно было слушать тихий плеск воды. И, казалось, что в этом месте царила безмятежность, которая каким-то образом миновала остальную часть города и остальную часть мира.

Он нашел в темноте скалу и взобрался на ее вершину. Затем зажег сигарету и взглянул на воду. Какое-то время он сидел и курил, прислушиваясь к плеску воды внизу.

Затем отправился домой.

В конце его квартала под уличным фонарем стояли двое ребят. Они стояли совершенно спокойно, ведя, очевидно, безобидную беседу, но он почувствовал, как, при виде их, сердце его подступило к горлу. Он не знал этих ребят, но был уверен, что они не из этого района.

Хэнк сжал кулаки.

Его дом находился за полквартала от этого уличного фонаря, и поэтому, чтобы попасть домой, ему надо было пройти мимо ребят.

У него было такое же состояние, как тогда, когда он летел над Бременом с полным грузом бомб.

Не замедляя шага, со сжатыми в кулаки и опущенными вдоль туловища руками, он приближался к двум рослым парням, праздно стоявшими под фонарем.

Когда он проходил мимо, один из них взглянул на него и сказал:

— О, добрый вечер, мистер Белл.

— Добрый вечер, — ответил Хэнк, не останавливаясь и чувствуя на своей спине взгляды ребят. Когда он подошел к двери своего дома, он весь дрожал. Он сел на ступеньки крыльца и нащупал в кармане пачку сигарет. Трясущимися руками вытащил сигарету, закурил, резко выпустив струю дыма, и только тогда посмотрел в сторону фонарного столба. Ребят уже не было. Дрожь не прекращалась. Он вытянул перед собой левую руку, наблюдая за судорожным подергиванием пальцев, а затем со злостью сжал пальцы плотно в кулак и ударил им по колену.

— Я НЕ БОЮСЬ, — сказал он про себя, и эти слова прозвучали знакомо. Он плотно закрыл глаза и снова повторил, но на этот раз вслух: «Я НЕ БОЮСЬ». Слова эхом отдались на тихой улице, но дрожь не проходила.

«Я не боюсь».

«Я не боюсь».

Был один из тех августовских дней, когда жара и духота охватывают город и не выпускают его из объятий. Люди двигались по улицам с большим усилием. Черный асфальт плавился и перейти улицу было нелегко. Днем, когда солнце стоит в зените, в этом железобетонном каньоне городского квартала не было никакой тени. Под беспощадными лучами солнца блестела смола на проезжей части дороги, а тротуары отсвечивали белым цветом.

...Хэнку Белани было двенадцать лет. Это был долговязый и неуклюжий подросток, стоявший на пороге своей юности, представление которого о себе быстро стиралось и исчезало под воздействием изменений, происходивших с ним в результате его быстрого роста. Именно по этой причине, объяснить которую он не смог бы, даже если бы и попытался, он носил замок. Он купил его в магазине на Третьей авеню в доме под номером 510, заплатив двадцать пять центов. Это была миниатюрная вещь, покрытая хромом и черным орнаментом и предназначенная для декоративных целей, а не для практического использования. К нему было два крошечных ключика. Хэнк носил замок, пристегнув его к петле на поясе брюк с правой стороны. Каждый раз, меняя брюки, он благоговейно отмыкал его, снимал со старых брюк и перевешивал на другие, а затем снова замыкал, а ключик клал в верхний ящик своего стола рядом с запасным ключиком. До того памятного августовского дня замок не привлекал ничьего внимания. Для Хэнка важно было то, что замок находится при нем, так как для него он был своего рода отличительным знаком.

Жара разморила ребят. Некоторое время они играли в карты, на которых в те времена изображались сцены из китайско-японской войны, живо воспроизводившие зверства японцев, но скоро устали даже от такого немудреного занятия. Было слишком жарко даже для того, чтобы раздавать карты. Ребята растянулись у кирпичной стены бакалейного магазина и стали говорить о плавании. Вытянув обутые в кеды ноги, Хэнк лег на бок. Пристегнутый к петле брюк замок свободно свисал, отражая ослепительные солнечные лучи.

Одного из ребят звали Бобби. Ему было всего лишь тринадцать лет, но он принадлежал к числу тех ребят, которые были слишком крупными для своего возраста. У него были гладкие светлые волосы и множество прыщей по всему лицу. Он говорил: «Мне снова пора бриться», хотя все ребята знали, что он еще не бреется.

В то время ребята не были приучены к такой роскоши, как брюки. Зимой они ходили в бриджах и гольфах, а летом — в шортах. Летом колени у Хэнка, как, впрочем, и у всех других ребятах, всегда были покрыты струпьями, потому что живое человеческое тело и бетон — довольно несовместимые вещи. На Бобби были шорты. Он был крупным парнем, а

его мускулистые ноги были покрыты, как у гусеницы, густыми светлыми волосами. Ребята лежали, разговаривали о плавании. Вдруг Бобби неожиданно спросил: «Что это?»

Вначале Хэнк не понял, о чем он спрашивает. Хэнк пребывал в состоянии какой-то неопределенной мечтательности, ему было очень жарко и было приятно сидеть просто так с ребятами и говорить о плавании.

— Что у тебя на штанах, Хэнк? — спросил Бобби.

Хэнк сонно взглянул сначала на него, а затем на висевший на штанах замок.

— О, это замок, — ответил он.

— Замок! — удивился Бобби.

— Ага, замок.

— Замок! — Это сообщение потрясло и зачаровало Бобби. Он повернулся к другим ребятам и сказал:

— У него на штанах замок, — и засмеялся своим странным полумужским-полумальчишеским смехом, а затем снова повторил: «Замок!»

— Ага, замок, — ответил Хэнк.

Один из ребят начал объяснять, как надо нырять «щучкой», но Бобби не дал ему договорить. Он слегка повысил голос и спросил:

— Почему у тебя на штанах замок?

— А почему бы и нет? — ответил Хэнк. Он не сердился. Ему просто не хотелось, чтобы его беспокоили. Было слишком жарко, чтобы вникать в причину, почему у него на штанах замок.

— Чтобы ты запираешь? — не унимался Бобби.

— Я ничего не запираю.

— Тогда, почему у тебя замок?

— Потому, что мне так хочется.

— Это мне кажется довольно глупым, — заметил Бобби.

Парень, объяснявший, как нырять «щучкой», сказал:

— Весь секрет в том, как ты прыгаешь с вышки. Ты должен прыгать так...

Бобби повторил, но на этот раз более громко:

— Это мне кажется глупым.

— Эй, какое тебе до этого дело? — сказал парень. — Послушай...

— Хм, глупо носить на штанах замок, — продолжал настаивать Бобби. — Клянусь богом, впервые в жизни вижу человека, у которого на штанах замок.

— Так не смотри на него, — сказал парень и продолжал: — Если ты прыгаешь неправильно, то не сможешь коснуться руками пальцев ног. Иногда эти трамплинные доски...

— Ты носишь его на всех штанах? — спросил Бобби.

— Ага, на всех штанах.

— Снимаешь с одних и перевешиваешь на другие?

— Ага, снимаю с одних и перевешиваю на другие.

— Это глупо. Если ты хочешь знать правду, он и выглядит глупо.

— Так не смотри на него, — сказал Хэнк.

— Просто мне это не нравится, вот и все. Мне это не нравится.

— Это мои штаны и мой замок, и если тебе не нравится, то какое-кому дело? — Он почувствовал некоторый страх.

Бобби был сильнее, и Хэнк не хотел начинать драку с парнем, который мог убить его. Ему отчаянно захотелось, чтобы Бобби прекратил разговор, но Бобби был не в том настроении, чтобы прекратить его. Бобби получал он этого истинное удовольствие.

— Почему бы тебе не повесить замок и на рубашку?

— Я не хочу вешать замок на рубашку.

— Почему бы тебе не повесить его на нижнее белье?

— А почему бы тебе не заткнуться? — Хэнк начал дрожать. «Я НЕ БОЮСЬ», —

внушал он себе.

— Почему бы тебе не повесить его себе на клюв?

— Ну, хватит, — сказал Хэнк, — заткнешься ты, наконец, или нет?

— В чем дело? Ты нервничаешь из-за этого паршивого замка?

— Я вовсе не нервничаю. Я просто не хочу об этом говорить. У тебя есть возражения?

— А я хочу говорить об этом, — настаивал Бобби. — Во всяком случае давай поглядим на этот проклятый замок. — Он наклонился и протянул руку, собираясь дотронуться до замка, чтобы рассмотреть его поближе. Хэнк немного отпрянул назад.

— Убери руки! — огрызнулся он, в то же время удивляясь, почему все так происходит, почему его не могут оставить в покое. Он почувствовал внутреннюю дрожь и снова повторил про себя: «Я не боюсь», зная, что он боится. Он ненавидел свой страх и ненавидел Бобби, на лице которого заметил угрожающую ухмылку.

— В чем дело? Я не могу даже дотронуться до него?

— Да, ты не можешь даже дотронуться до него, — ответил Хэнк. — «Хватит, остановись, — думал он. — Ради чего мы должны драться? Перестань».

— В чем дело? Он золотой?

— Нет, платиновый. Убери руки.

Бобби, внезапно протянул руку, схватил замок и дернул, оторвав петлю на брюках. Бобби зажал замок в кулаке. Хэнк был так потрясен, что какое-то мгновение не мог двигаться. Бобби ухмылялся. Хэнк был в нерешительности. Вызов был брошен. Весь дрожа, с трудом сдерживая слезы, он вскочил на ноги.

— Отдай замок!

Бобби тоже встал. Он был на целую голову выше Хэнка и вдвое шире его.

— В чем дело? — невинно спросил он.

— Отдай мне замок!

— Я собираюсь выбросить его вместе с другим хламом в сточную канаву, — сказал Бобби и сделал шаг по направлению к решетке сточной канавы, не понимая, что сейчас, по существу, он держал зажатым в кулаке сердце Хэнка, его индивидуальность, его существование, его жизнь. Он правильно определил, что Хэнк боялся его. Он видел страх в его худом дрожащем теле, он читал этот страх в его напряженном лице и в повлажневших глазах, в его отчаянной попытке удержать слезы. Но он не знал, что держал в своем кулаке что-то очень ценное, что-то такое, что придавало смысл и значение жизни в этом лабиринте из бетона и асфальта, который угрожал лишить людей их индивидуальности. Он не знал этого, пока Хэнк не ударил его.

Он ударил Бобби так сильно, что у того сразу же из носа пошла кровь. Бобби почувствовал, как она хлынула у него из ноздрей, и глаза расширились от удивления.

Хэнк ударил его второй и третий раз, и Бобби, пытавшийся в это время зажать нос, вдруг упал на мостовую. Хэнк вскочил на него верхом, и его пальцы с такой силой сжали горло Бобби, что тот с ужасом понял: Хэнк задушит его насмерть.

— Отдай ему замок, Бобби, — сказал один из ребят, и Бобби, крутя головой и пытаясь освободиться от сжимавших его горло, как тиски, пальцев Хэнка, прохрипел: «Бери, на, бери». Он разжал кулак, и замок упал на тротуар. Хэнк быстро подобрал его, зажав в одной руке, а другой прикрыв кулак. Слезы, наконец, выступили у него на глазах и потекли по лицу. Заикаясь, он сказал: «П-почему, п-почему тебе н-н-надо было в-в-вмешиваться в чужие д-дела?»

— Иди домой, Бобби, — посоветовал другой парень. — Ты весь в крови.

Это был конец драки и последняя неприятность между Хэнком и Бобби. После этого он сразу же перестал носить замок. Однако с этого дня он стал носить кое-что другое: чувство своего собственного страха и понимание того, какой ценой он может воспрепятствовать тому, чтобы этот страх не прорвался наружу.

— Пап?

Хэнк поднял голову. С минуту он не мог узнать стоявшую перед ним молодую девушку

с длинными светлыми волосами, испытующим взглядом женщины, упругой грудью, тонкой талией и длинными ногами. «Моя дочь? — подумал он. — Давно ли ты сидела у меня на коленях, Дженни? Когда ты успела присоединиться к таинственному сословию женщин?»

— С тобой все в порядке, пап? — спросила она. В ее голосе чувствовалось беспокойство.

— Да, — ответил он. — Просто решил выкурить последнюю сигарету, прежде чем идти домой.

— Замечательный вечер, — сказала Дженни, садясь на ступеньку рядом с ним и натягивая на колени юбку.

— Да. — Он помолчал, а затем спросил: — Ты шла домой от Агаты?

— Да. Ребята еще там, а я ушла. Было ужасно скучно. — Она помолчала. — Лонни там не было. Несколько минут они сидели молча.

— Ты... ты не видела каких-нибудь ребят на улице, а? По дороге домой? — спросил он.

— Нет. Никого.

— Тебе не следовало бы ходить вечером одной, — заметил Хэнк.

— О, здесь нечего бояться, — ответила Дженни.

— И все же.

— Не беспокойся, — успокоила она.

Они снова замолчали. Он чувствовал — Дженни хочется поговорить с ним. Он понимал, что это было бы хорошо для них обоих, если бы они поговорили друг с другом, но вместо этого они сидели, как посторонние люди в зале ожидания железнодорожной станции маленького городка, необщительные, испытывая неловкость.

Наконец, дочь встала и оправила юбку.

— Мам дома? — спросила она.

— Да.

— Пожалуй, я пойду и выпью с ней стакан молока — сказала Дженни и вошла в дом.

Хэнк остался сидеть в темноте один.

На следующий день в девять часов утра он начал свой рабочий день с того, что попросил выделить группу детективов для круглосуточной охраны своего дома.

ГЛАВА V

В кондитерском магазине царила смешанная атмосфера беспорядка и домашнего уюта. Несмотря на то, что помещение нуждалось в покраске, что искусственная кожа, которой были обтянуты стены и скамейки кабин, была засалена, а выставленные в витрине дешевые сладости имели залежалый вид, магазин излучал атмосферу покоя и уюта. Остановившись в дверях, Хэнк понял, почему «Орлы-громовержцы» выбрали именно это место для своих сборищ. Он вошел в магазин как раз в тот момент, когда зазвонил телефон. Владелец магазина подошел к аппарату, чтобы ответить на звонок, и Хэнк на минуту вспомнил те дни в Гарлеме, когда далеко не во всех квартирах были телефоны. В те дни владелец кондитерского магазина обычно отвечал на звонок и затем посылал кого-нибудь из ребят позвать того, кого вызывали к телефону. При этом существовали неписанные правила, что посыльный получал чаевые — обычно пять, иногда десять центов. В соответствии с этими же правилами чаевые должны были тратиться в этом же магазине, поэтому, когда звонил телефон, ребята с улицы бросались к нему, как сумасшедшие. Сейчас ребята едва обратили внимание, когда раздался телефонный звонок.

Владелец магазина поговорил и повесил трубку. Он был низкого роста в безукоризненно чистом белом фартуке и совершенно лысый. Шел слегка прихрамывая, но эта хромота не только не портила его, а, казалось, подчеркивала в нем силу характера, которую невозможно было заметить, не видя его хромоты.

— Чем могу быть полезен, приятель? — спросил он Хэнка.

— Я ищу «Орлов-громовержцев», — ответил Хэнк. — Мне сказали, что они бывают здесь.

— Кто-то ввел вас в заблуждение, мистер.

— Тот, кто сказал мне об этом — детектив, лейтенант Ричард Ганнисон из двадцать седьмого полицейского участка, а он не из тех, кто ошибается.

— А вы кто такой?

— Помощник окружного прокурора Генри Белл.

— Да?

— Да.

Ребята в задней кабине взглянули на него. Один из них хотел встать, но другой жестом остановил его.

— Ну, ну, — сказал владелец магазина, — до сих пор нас никогда не посещал окружной прокурор. Это делает нам честь.

— Где я могу найти «Орлов-громовержцев»? — Хэнк указал на дальнюю кабину. — Те парни не из этой банды?

— Я абсолютно убежден, что не знаю этого, мистер, — ответил владелец магазина. — Мое дело — торговать в этом кондитерском магазине. — Он протянул руку через стойку. — Меня зовут Джо Манети. Рад с вами познакомиться.

Хэнк пожал ему руку.

— Мистер Манети, — сказал он достаточно громко, чтобы его могли слышать в дальней кабине, — лейтенант дал мне фамилии и адреса известных членов клуба «Орлы-громовержцы», и я могу сделать так, чтобы этих ребят взяли и привели на допрос в мой кабинет. Однако я подумал, что сэкономлю время, если поговорю с ними здесь, в Гарлеме. Так лучше, не правда ли?

Манети пожал плечами.

— Вы спрашиваете меня? Мистер, я торгую в кондитерском магазине.

Хэнк обернулся к дальней кабине.

— Ну, так как? — спросил он.

Парень с могучими плечами и большими бицепсами внимательно изучал Хэнка светлыми полуприкрытыми глазами. Он едва заметно кивнул головой.

— Подойдите сюда, — сказал он.

Хэнк прошел к кабине. Ребята, сидевшие там, были в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет. Тот, который подозвал его, был самым старшим в группе и самым крупным. Его черные волосы — гладко зачесаны, на щеках — длинные баки. С левого запястья свободно свисает серебряный опознавательный браслет. На несколько дюймов выше браслета шрам. Его густые черные брови затеняли голубые, почти серые глаза с тяжелыми веками. Когда он говорил, губы его едва шевелились.

— Присаживайтесь, — пригласил он. — Кончо, подай окружному прокурору стул.

Один из ребят выскользнул из кабины, тут же вернулся со стулом, поставил его во главе стола и снова занял свое место. Хэнк сел.

— Меня зовут Дайабло, — сказал старший. — Вы знаете, что это означает?

— Это означает — дьявол, — ответил Хэнк.

— Верно. — Губы его тронула едва заметная улыбка, и он взглянул на других ребят. Один из них кивнул головой.

— Ты испанец?

— Я? — удивился Дайабло. — Я? Бросьте шутить.

— Дайабло — испанское слово.

— Да? — удивился парень. — Я думал, оно итальянское. Я итальянец.

— Дайабло Дедженеро, — сказал Хэнк. — Твое настоящее имя Кармин. — Ты так называемый военачальник «Орлов-громовержцев»?

— Верно, — ответил Дайабло. — Ребята, это окружной прокурор. Это некоторые из наших ребят: Кончо, Ники и Бад. Чем можем быть полезны?

— Вы можете ответить на несколько вопросов, — сказал Хэнк. — В любом месте: здесь или в окружной прокуратуре. Это ваше дело.

— Мы ответим на них здесь, — ответил Дайабло, — если нам понравятся вопросы.

— Если они вам не понравятся, вы ответите на них в прокуратуре в присутствии стенографиста.

— Вы очень смелый, мистер окружной прокурор, — заметил Дайабло. — Приходите сюда без сопровождения полицейских.

— Мне они не нужны, — ответил Хэнк.

— Нет?

— Нет. А ты думаешь иначе?

Дайабло пожал плечами.

— Мистер окружной прокурор, я должен вам сказать...

— Меня зовут Белл, — поправил Хэнк. — Мистер Белл.

Дайабло с минуту молчал.

— Мистер окружной про...

— Мистер Белл, — повторил Хэнк.

Дайабло пристально посмотрел на него, а затем улыбнулся той же едва заметной улыбкой и пожал плечами.

— Разумеется, мистер Белл. Как вам будет угодно, мистер Белл. Какой ваш вопрос, мистер Белл?

— Денни Ди Пэйс — член вашей банды?

— Какой банды, мистер Белл?

— «Орлов-громовержцев».

— «Орлы-громовержцы» не банда, мистер Белл, — это общественный и атлетический клуб. Верно, ребята?

Ребята, сидевшие в кабине, утвердительно закивали. Они не спускали с Хэнка глаз.

— Дэнни — член вашего клуба? — повторил Хэнк.

— Дэнни Ди Пэйс. Минуточку, дайте вспомнить. А, да. Верно, он живет в этом же квартале, не так ли?

— Ты знаешь, что это так.

— Да, совершенно верно, он живет здесь. Очень хороший парень Дэнни Ди Пэйс. Но я слышал, он попал в неприятную историю. Говорят, он пошел в испанский Гарлем и на него набросился какой-то маленький грязный пуэрторикашка. Вы имеете в виду этого Дэнни Ди Пэйса, мистер Белл?

— Да, — ответил Хэнк.

— Итак, какой был ваш вопрос, мистер Белл?

Хэнк помолчал, а затем сухо сказал:

— Ты отнимаешь у меня время, умник, а мое время дорого. Или я получу прямой ответ, или вас приведут в мой кабинет. Итак, выбирайте.

— Ну, что вы, мистер Белл, — невинно сказал Дайабло. — Я отвечаю вам настолько прямо, как умею. Я просто забыл ваш вопрос, вот и все.

— Хорошо, — ответил Хэнк. — Поступай, как тебе нравится. — Он отодвинул стул. — Увидимся на улице Леонарда. Мы, возможно, задержим там тебя немного, так что не строй обширных планов. — Он повернулся и направился к выходу. За столом позади него послышался возбужденный шепот.

Затем Дайабло крикнул:

— Эй!

Хэнк не обернулся.

— Мистер Белл! Мистер Белл!

Хэнк остановился и медленно повернулся лицом к столу. Дайабло заискивающе улыбался.

— В чем дело? С вами нельзя немного пошутить?

— В рабочее время — нет. Ты готов со мной говорить?
— Конечно. Идите сюда. Не обижайтесь. Мы все время дурачимся. Это делает жизнь интереснее, понимаете? Идите сюда, садитесь.

Хэнк вернулся к столу и сел.

— Хотите кофе, мистер Белл? Эй, Джо, кофе для всех, а?

— Итак, в отношении Дэнни? — напомнил Хэнк.

— Я вот что могу вам сказать. Если вы отправите этого парня на электрический стул, то вы сделаете большую ошибку.

— Я никому не выношу приговора, — сказал Хэнк. — Я только обвинитель.

— Именно это я и имею в виду. Могу я говорить откровенно, мистер Белл?

— Настолько откровенно, насколько ты пожелаешь.

— Хорошо. Ребята невиновны.

Хэнк промолчал.

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжал Дайабло. — Они убили слепого парня. Но здесь кое-что побольше, чем посмотреть друг другу в глаза, мистер Белл. Я говорю серьезно.

— Например?

— Например, то, что в тот вечер была запланирована драка. Сейчас я говорю с вами, убей меня бог, как брат, выдавая вам нашу внутреннюю информацию, чего я не обязан делать, правильно?

— Продолжай.

— Мы собирались драться. Я сам вел переговоры с этим вонючим пуэрторикашкой, по имени Гаргантюа. Он военачальник «Всадников», вы знаете? Он принимает наркотики. Мне удалось узнать это точно. Половина ребят в их клубе принимают героин. Я полагаю, что именно поэтому они дали такое название своему клубу: под героином они чувствуют себя «на коне». Что касается «Орлов», то они не дотрагиваются до этой дряни. Мы переломаем парню руки, если узнаем, что он принимает наркотики. Верно я говорю, ребята?

Ребята утвердительно закивали.

— Мы решили, что не должно быть никакого тайного нападения. Предполагалось встретиться на Сто двадцать пятой улице. Там мы и собирались драться, понимаете? В десять часов.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу этим сказать вот что: есть какой-нибудь смысл в том, чтобы трое «Орлов» пошли в лагерь врага искать неприятность, когда на этот вечер у нас уже было запланировано достаточно неприятностей? Они прогуливались, вот и все. Просто прогуливались.

— Почему они пошли прогуливаться в испанский Гарлем?

— Откуда я знаю. Может быть, они забрели туда случайно. Может быть, они искали девочку для развлечений, понимаете? Много ребят волочатся за испанскими девочками. Они очень темпераментные люди, эти испанцы.

— Итак, они пошли в испанский Гарлем, чтобы просто побродить там, — сказал Хэнк, — а сами набросились на слепого парня и зарезали его насмерть. И ты говоришь, они невиновны.

— Не в том, что они зарезали его. Согласен, они убили маленького грязного пуэрториканца.

— В таком случае, в чем же они невиновны?

— В умышленном убийстве, — ответил Дайабло.

— Понимаю.

— Этот парень выхватил нож, разве вы не знали об этом?

— Так мне говорили, — устало согласился Хэнк.

— Это правда. Я расспрашивал ребят. Я имею в виду знакомых мне пуэрторикашек — кули. Они в общем-то, знаете, неплохие ребята.

— Кули?

— То есть те, кто не принадлежит ни к какому клубу.

— Как Дэнни?

Дайабло не ответил.

— Я говорил с некоторыми из этих ребят, — сказал он, игнорируя вопрос Хэнка, — и они сами видели нож. Что вы на это скажете?

— Это очень интересно, — ответил Хэнк. — Дэнни принадлежал к вашему клубу?

— Я вот что вам скажу, — продолжал Дайабло, снова игнорируя вопрос, — это была самооборона для Башни и Дэнни. Для Бэтмана... Он пожал плечами. — Ну, Бэтман немного тронутый, понимаете?

— Ты имеешь в виду, сумасшедший?

— Ну, не сумасшедший, но... тупой. Глупый. Знаете, он просто не отвечает за свои поступки.

Вот оно что! Не обладая юридическим умом, Кармин (Дайабло) Дедженеро только что подсказал Хэнку линию защиты, к которой прибегнут его оппоненты. Для Бэтмана Апосто они попытаются доказать умственную неполноценность — парень просто не знал, что он делал, и не мог отвечать за свои поступки. Для Башни Ридона и Дэнни Ди Пэйса они попытаются доказать, что это был случай убийства при оправдывающих обстоятельствах — ребята убили во время самообороны. Короче говоря, они попытаются спасти от наказания всех ребят.

«Спасибо тебе, Дайабло Дедженеро, — подумал Хэнк. — Я в это утро туговато соображаю».

— Ты хочешь помочь своим друзьям? — спросил Хэнк.

— Естественно. Они невиновны.

— Тогда расскажи мне о том, о чем мне хотелось бы знать.

— Валяйте.

— Дэнни является членом клуба?

— Какое это имеет значение?

— Это может иметь большое значение.

— Вы хотите сказать — для обвинения. Вы думаете, если он один из нас, вам будет легче посадить его на электрический стул?

— Если он виновен, он будет осужден, — ответил Хэнк. — И это не имеет никакого отношения к тому, является ли он одним из вас или нет. Может быть, тебя это удивит, но меня интересует правда.

— Это, действительно, неожиданность, — сказал Дайабло, ухмыляясь. — В самом деле, это всегда удивляет, когда кто-нибудь, связанный с законом, интересуется правдой. Здесь, в Гарлеме, они интересуются только тем, как бы вытряхнуть из тебя душу всякий раз, когда у них появляется такая возможность.

— Дэнни был членом клуба?

— И да, и нет, — ответил Дайабло.

— Что это за ответ?

— Я вам сказал. И да, и нет. Он не был в полном смысле слова ни кули, ни «Орлом». Он был вроде как бы... А черт его знает, как его назвать. Например, если начиналась драка, он шел с нами, а иногда и не шел, и мы никогда не принуждали его.

— Каким образом он добился такой привилегии? — спросил Хэнк.

— Ну... — Дайабло помолчал. — Не поймите меня неправильно. У нас достаточно смелости, даже много ее. Если бы мы захотели, то могли бы скрутить Дэнни в бараний рог. Но мы не хотели делать этого. Мы не сделали этого с самого начала, когда он ясно определил свою позицию, понимаете? Потому, что мы уважали ее. И потом, в некотором роде, он был один из нас.

— Но не совсем.

— Нет. Он так и не купил нашу отличительную куртку. У нас есть специальные куртки. Мы иногда носим их, но сейчас очень редко из-за того, что, как только «Всадники» увидят

нас в них, они свирепеют, и между нами начинаются военные действия. Даже полицейским не нравятся наши куртки. Они всех взбудораживают. Мы почти их не носим, а Дэнни даже и не покупал.

— Вы предлагали ему вступить в клуб?

— Конечно. Много раз. Я считаю, что практически он уже один из нас, но в то же время он не член клуба. Он просто хотел быть... — Дайабло пожал плечами. — Я не могу даже объяснить этого. Тем не менее он хороший парень, надежный парень. Мы поняли это сразу же, как только он сюда переехал.

— Когда это было? Я думал, он жил в Гарлеме всю жизнь.

— Нет, нет. Его мать и отец жили здесь, но переехали на остров Лонг-Айленд, когда Дэнни был еще совсем маленьким. Его отец работал там на одном из авиационных заводов. Затем он потерял работу, и они приехали в Нью-Йорк. Это случилось года полтора назад, я полагаю. Так что они снова вернулись в Гарлем.

— Ты помнишь, как все это было?

— Конечно. Понимаете, он был в нашем квартале новеньким. Кроме того, он сразу же определил свою позицию, так что я, конечно, это помню. Мы все помним, правда, ребята?

Те утвердительно закивали головами.

— Как он это сделал? — спросил Хэнк.

— Ну, была зима, — начал Дайабло. — Навалило много снега. Проехали снегоочистительные машины и сгребли снег к обочине тротуара, понимаете? Была такая скучища. Ведь кому нужен снег? И вот, в тот день мы сидели здесь, мне кажется, были даже те же самые ребята, что и сейчас. Нет, Ники не было тогда. Были я, Кончо и Бад, и парень по имени Боч. Его сейчас здесь нет. Мы сидели на этом же самом месте, в этой же кабине и пили горячее какао. Кажется, мы говорили о сексе...

Дайабло: «Послушайте, что я вам скажу. Мне безразлично, что вы болтаете об испанских девчонках, пока вокруг нет никого из наших дебютанток. Но, если я услышу, что кто-нибудь упомянет о какой-нибудь испанской шлюхе, когда я с Кэрл, то клянусь богом, я оторву тому голову. Клянусь богом. ».

Кончо (худощавый парень с глубоко посаженными карими глазами и черными вьющимися волосами. Вверху на лбу, в средней его части они растут клинышком вниз, образуя так называемый «вдовый хохолок». Он очень гордится им. Мать сказала — это признак выдающейся личности. Ему также рассказывали об одном знаменитом киноактере, который выщипывает свой «вдовый хохолок» пинцетом, чтобы придать ему более четкую форму. У него был соблазн тоже воспользоваться пинцетом для этой цели, но он боялся, что ребята узнают и сочтут это не мужским занятием. Он очень ревниво относится к вопросу мужественности. Отец у него пьяница, вся мужская сила у него уходит на то, чтобы регулярно и зверски избивать жену. Кончо очень беспокоит то, что он худой. Если бы он был больше и сильнее, он бы избивал отца всякий раз, как только тот осмеливался бы приблизиться к матери. Настоящее имя Кончо — Марио. Он стал называть себя Кончо после того, как посмотрел ковбойский фильм, где городской шериф, по имени Кончо, безоружный, очистил трактир от группы головорезов. В уличных драках Кончо ведет себя как бешеный. Он никогда не вступает в драку безоружным, не считаясь в этом отношении ни с какими условиями соглашения, выработанными военными советниками банд. Кончо знает — лично он в различных уличных драках нанес ножевые удары четырнадцати пуэрториканцам, но не знает, что виновен в том, что искромсал ножом связки правой руки своего противника, сделав ее навсегда безжизненной плетью. Если бы знал, то хвастался бы этим. Его речь изобилует словечками псевдомзыкального жаргона людей самого низкого пошиба. Он одевается очень аккуратно и тщательно и гордится тем, что всегда имеет при себе чистый носовой платок.): «Я хочу сказать вот что: можешь ли ты представить себе, чтобы кто-нибудь на самом деле женился на испанской девчонке? Я считаю это безумием».

Дайабло: «Какая разница? Девчонка есть девчонка. Испанские ребята женятся на них, не так ли?»

Кончо: «Конечно, но они выжимают из этих ребят все. Все они нимфы».

Дайабло: «Откуда, черт возьми, ты это знаешь?»

Кончо: «Знаю. Мне говорили об этом. Нельзя удовлетворить испанскую девчонку. Ей надо еще и еще».

Дайабло: «Ты не можешь удовлетворить даже свою руку, дурак. Какого черта ты знаешь об испанских девчонках?»

Кончо: «Поверь мне, я знаю. Правда ведь, Боч?»

Боч: «Правда, он знает». (Бочу семнадцать лет, и он наслаждается своей репутацией «дамского угодника». Он красивый парень с великолепным профилем и пухлыми губами. От них-то и пошло его прозвище, Боч — сокращенное от «Вас а ме», то есть «Поцелуй меня». Его отец работает в ресторане в районе Уолл-стрита. Мать умерла, и домом занимается его старшая сестра. У него есть младший брат, и Боч полон решимости «переломать ему руки», если мальчишка когда-нибудь впутается в дела банд. Его репутация любовника основывается на том факте, что однажды он сблизился с молодой замужней женщиной, живущей в их квартале. Члены банды избили ее мужа, когда тот стал повсюду разыскивать Боча. С тех пор Боч регулярно ее посещает. Он считает, что она боится отказать ему, но он никогда не говорил об этом членам своей банды. Они считают его светским человеком, и он ни за что на свете не стал бы разрушать этих иллюзий.)

Дайабло: «Ты когда-нибудь имел испанскую девчонку, Боч?»

Боч (с достоинством): «Я не люблю говорить о том, что я имел и чего я не имел».

Кончо: «Этот парень имел всех, кто ходит в юбке. Он скромный. Он джентльмен».

Боч (с тем же достоинством): «Будь ты девчонкой, тебе не понравилось бы, если бы какой-нибудь парень рассказывал всем, что он с тобой делал и чего не делал?»

Кончо: «Не понравилось бы, но, слава богу, я не девчонка. Кроме того, все знают о тебе и Элис. Даже простофиля муж».

Боч: «Малыш, есть вещи, о которых не принято говорить. Разъясни ему это, Дайабло».

Бад: «Эй, кстати о простофилях». (Он кивком головы указывает на дверь. В кондитерскую только что вошел Дэнни Ди Пэйс. Бад разглядывает его с внезапно возникшей и нескрываемой враждебностью. Внешне эти двое ребят резко отличаются друг от друга, и, возможно, это и явилось причиной внезапного антагонизма. Бад по-настоящему безобразен. В шестнадцать лет уже начинает лысеть. Лицо покрыто гнойными прыщами, и на нем огромный нос. Разбитая в драке переносица срослась неправильно. Он маленького роста, приземистый, и одно время мальчишки дразнили его гориллой, пока он не отбил у них охоту так его называть, избив троих членов банды. Сейчас все зовут его Бад. Это имя он считает более выразительным, чем его настоящее имя Чарльз или его детское уменьшительное имя Чарли. Он не любит говорить о сексе. За всю свою жизнь он ни разу не поцеловал ни одной девушки и знает, что это потому, что они считают его безобразным. Глядя на стоявшего в дверях кондитерского магазина Дэнни Ди Пэйса, высокого, стройного парня с аккуратно причесанными рыжими волосами, Бад был рад, что разговор о сексе прекратился, рад, что этот щеголеватый незванный гость пришел в место их сборищ, напрашиваясь на неприязни.)

Дайабло (шепотом): «Кто это?»

Бад: «Представления не имею. Похоже, случайный парень».

Боч: «Это новичок, поселившийся в 327-ом доме в конце квартала».

Дайабло: «Да?»

Боч: «Когда он был маленьким, он жил здесь на соседней улице. Он только что вернулся сюда с Лонг-Айленда. Откуда-то, где есть авиационные заводы. Его мать знает мою мать с тех пор, когда они были еще детьми. Они недавно заходили к нам».

Дайабло: «На Лонг-Айленде у нас есть свои подразделения, ты знаешь».

Боч: «Да, но этот парень, я полагаю, кули. Посмотри на него».

(Дэнни купил пачку сигарет. В то время, как он надрывает целлофановую обертку, открывает пачку, берет в рот сигарету и закуривает, к нему подходит Бад.)

Бад: «Эй, покурим?»

Дэнни (вытряхнув сигарету из пачки, протягивает ее Баду): «Конечно. Угощайся». (Он улыбается, явно пытаясь завязать дружеские отношения.)

Бад (беря пачку): «Спасибо. (Ударяет пачкой по руке, вытряхивает одну сигарету и закладывает ее за ухо. Затем таким же образом вытряхивает еще одну сигарету.) Это на будущее. (Он улыбается, затем вытряхивает в ладонь с полдюжины сигарет.) На случай, если кто-нибудь из ребят захочет. (Он уже готов вернуть пачку Дэнни, но передумывает и вытряхивает в ладонь еще несколько сигарет.) У меня очень большая семья, и все курят. (Передает Дэнни почти пустую пачку.)

Дэнни (смотри на пачку, протягивает ее Баду): «На, возьми остальное».

Бад (самодовольно улыбаясь): «Ну, спасибо, парень».

Дэнни: «И купи мне пачку «Пэлл Мэлл».

Бад: «Что?»

Дэнни: «Ты меня слышал. Я не содержатель кухни в «Армии спасения» для бесплатной раздачи супа. Сигареты стоили мне двадцать семь центов. Ты можешь раскошелиться точно на такую же сумму, купив новую пачку».

Бад: «Ты можешь убираться к дьяволу, малыш». (Он поворачивается, чтобы идти, но Дэнни хватается Бада за плечо, поворачивает его к себе лицом и тут же быстро отнимает руку, а затем широко расставляет ноги, и, сжав кулаки, опускает руки вдоль туловища.)

Дэнни: «Я все еще не получил сигареты».

Бад: «Ты дотронешься до меня еще раз, малыш, и тебе достанется чертовски больше, чем на сигареты. Поверь мне».

Джо Манети (выходя из-за прилавка, вытирая руки о тряпку): «Прекратите. Я не хочу никаких неприятностей у себя здесь, понятно? (к Дэнни). А ты убирайся отсюда, сопляк».

Дэнни: «Не раньше, чем он купит мне пачку сигарет».

Бад (отворачиваясь от него): «Не пыжься, малыш. Я не...»

(Дэнни во второй раз хватается Бада за плечо, но на этот раз не поворачивает его к себе, а тянет немного назад, лишая равновесия, и затем через открытую дверь магазина вышвыривает на улицу прямо в снег, наваленный около обочины. Бад падает, но тут же вскакивает, ошетиниваясь, с природным инстинктом уличного драчуна. На улице очень холодно. Она почти пуста. Двое ребят стоят друг против друга, а из их открытых ртов с шумом клубами пара вырывается дыхание. Первым делает движение Бад. Сжав кулаки, он бросается на Дэнни, но тот проворно отскакивает в сторону и, когда Бад пролетает мимо него, размахнувшись сцепленными вместе обеими руками, безжалостно бьет его, как молотом, по затылку. От такого удара Бад падает на мостовую. Он все еще лежит на земле, когда остальные ребята толпой вываливаются из магазина. Кончо делает движение по направлению к Дэнни, но Дайабло останавливает его.

Бад уже на ногах. На его лице нет ярости. На смену ей пришел холодный убийственный расчет. Теперь он знает, что Дэнни сильный противник. Он знает также, что за ним наблюдают все ребята из банды и что на карту поставлена его честь. Двигаясь интуитивно и осторожно, он без колебаний лезет в карман брюк, вытаскивает финку и с легким щелчком раскрывает ее.)

Бад: «Хорошо, приятель».

Дэнни: «Убери нож, пока я не воткнул его тебе в глотку».

Бад: «Посмотрим, кто кому воткнет!»

(Он бросается на Дэнни с выставленным вперед ножом, но моментально получает ужасный удар ногой в пах. Сила удара увеличивается от его собственного стремительного броска. От боли он сгибается вдвое, но нож все еще зажат в его руке. Дэнни нагибается, хватается его за воротник и резким движением поднимает на ноги, а затем сильным ударом снова валит в сугроб. Нож выпадает из руки Бада. Дэнни снова хватается его и снова наносит короткий и резкий удар, от которого тот падает на мостовую. Бад лежит очень тихо, а Дэнни в это время берет нож, наступает на него ногой и с треском отламывает лезвие от ручки,

затем склоняется над Бадом, переворачивает его, лезет к нему в карман, достает деньги и отсчитывает точно двадцать семь центов мелочью — ни больше, ни меньше. Ребята наблюдают за ним. Дэнни выпрямляется и смотрит на них.)

Дэнни: «Хотите урегулировать этот вопрос сейчас? Или мне ждать, когда однажды темной ночью кто-нибудь из вас всадит мне нож в спину?»

Дайабло: «Как тебя зовут, парень?»

Дэнни: «Дэнни Ди Пэйс. А тебя?»

Дайабло: «Я задаю вопросы».

Дэнни: «Да? Тогда спрашивай своего паршивого друга, лежащего на тротуаре. У меня есть дела поинтереснее, чем стоять здесь с вами» (Он пошел по улице.)

Дайабло: «Эй! Эй! Дэнни?»

Дэнни (останавливается и оборачивается): «Да?»

Дайабло (ухмыляясь): «Меня зовут Дайабло Дедженеро. — Он помолчал. — Почему бы тебе не зайти и не выпить с нами горячего какао?»

Дэнни (молчит, а затем улыбается в ответ): «Хорошо, с удовольствием».

— Почему вы спустили ему это? — спросил Хэнк.

— Не знаю, — ответил Дайабло. — Может быть, потому, что Бад погорячился, а парень на самом деле не напрашивался на неприятности. Верно, Бад?

Сидя в кабинете рядом с Дайабло, Бад утвердительно кивнул и сказал:

— Да, я погорячился. Дэнни хороший парень. Между нами нет вражды.

— Но он избил тебя, — изумился Хэнк.

— Ну и что? Я прижал его окурки, разве не так? Он имел право рассердиться. Я на его месте сделал бы то же самое.

— Он зашел сюда выпить с вами какао?

— Конечно, — ответил Дайабло. — Мы долго разговаривали. Он рассказывал нам все о том месте, откуда приехал.

— И что потом?

— Потом он ушел домой. Но в тот же вечер мы подкараулили его и выбили из него дурь, чтобы он знал свое место.

— Но я думал...

— О, конечно, — сказал Дайабло, — мы не стали бить его днем. Это разные вещи. Что правильно, то правильно. Бад зарвался, и Дэнни имел право проучить его. Вечером же мы избили его только для того, чтобы ему не пришла в голову мысль, что он может ходить вокруг и избивать «Орлов-громовержцев», когда ему вздумается.

— И что он сделал?

— Когда? Когда мы его накрыли?

— Да.

Ничего. Что он мог сделать? Он дрался, как зверь, но нас было двенадцать ребят. Мы здорово его избили. Мы чуть не оторвали ему руки.

— А что потом?

— Потом на следующий день я пошел навестить его. Я предложил ему вступить в клуб. Он заявил, что не хочет вступать в клуб, где полно «япошек». Я объяснил ему, что мы только пытались показать ему, что к чему в этом районе. Я сказал, мы поняли, — он здорово работает кулаками и хотели бы видеть его в нашем клубе.

— И что от ответил?

— Ответил, что он плевать хотел на наш клуб, а также сказал, если когда-нибудь еще мы нападём на него, то нам лучше убить его. Если мы этого не сделаем и, к примеру, только отправим его в госпиталь, то он постарается выйти оттуда как можно скорее, чтобы убить первого попавшегося на улице «Орла-громовержца». И знаете что?

— Что?

— Я ему поверил. Я рассказал об этом Доминику — это наш президент. Доминик

сказал: он настоящий парень и нам не следует его больше трогать. После этого мы никогда его не трогали. Но много раз Дэнни участвовал в наших драках с другими клубами. Он хороший парень.

— Значит, в сущности, это правда, что он не член клуба «Орлы-громовержцы»?

— Да, это правда. Я так полагаю.

— В таком случае, что он делал с двумя членами клуба вечером десятого июля?

— Вам лучше спросить об этом его самого, мистер Белл, — ответил Дайабло. — Я думаю, что он единственный человек, кто знает об этом.

— Понимаю, спасибо. — Хэнк встал и направился к выходу.

— Дэнни по-настоящему смелый парень, — сказал Дайабло. — Двенадцать человек избивали его. Двенадцать человек! И мы били его бутылками и всем, чем попало. Вы знаете ребят, которые могли бы выдержать такое?

— Нет.

— Подумайте об этом, мистер Белл. Этого достаточно, чтобы вызвать дрожь. Двенадцать парней с бутылками. Вы только подумайте об этом.

— Я подумаю.

— Может быть, вам следует начать думать и о том, что эти трое ребят невиновны?

— Ты так считаешь?

— Да. — Дайабло помолчал, улыбаясь. — Нехорошо, что вы не можете остаться и выпить с нами кофе. Я получил удовольствие от нашей беседы. Она напоминает мне ту беседу с Дэнни в тот полдень, когда я угощал его горячим какао. Вы помните о том, как я угощал его горячим какао, и в тот же самый вечер двенадцать парней избивали его. — Улыбка Дайабла стала шире.

Они посмотрели друг другу в глаза. Хэнк ничего не ответил и не спеша вышел из кондитерского магазина.

Вдогонку ему, все еще улыбаясь, Дайабло сказал:

— До встречи, мистер Белл.

ГЛАВА VI

Как только Хэнк вернулся, к нему в кабинет вошел Холмз.

— Как дела? — спросил он.

— Прекрасно, — ответил Хэнк.

— У меня есть кое-что для тебя. Хочешь послушать?

— Я предпочел бы, чтобы нам принесли какие-нибудь бутерброды в кабинет. Меню в одном из ящиков стола.

Пока Хэнк снимал пиджак, закатывал рукава и расслаблял галстук. Холмз нашел меню.

— Я возьму бутерброд с ветчиной и шоколадный коктейль, — сказал Хэнк.

Холмз утвердительно кивнул и начал набирать номер телефона.

— Как я понимаю, нескольким полицейским поручено следить за твоим домом. Что случилось?

— На днях я получил письмо с угрозой. Я не хочу, чтобы моя семья стала объектом мести.

— М-м, — промолвил Холмз и заказал бутерброды. Повесив трубку, он спросил:

— Узнал что-нибудь новенькое от матери мальчишки?

— Нет. Но я получил подтверждение одному факту, о котором она мне говорила. Дэнни Ди Пэйс действительно не был членом банды.

— Это мало ему поможет.

— По каким-то своим собственным соображениям Денни Ди Пэйс предпочитал считать себя обособленным, хотя и принимал участие в деятельности банды, и по существу был ее членом.

— Понимаю. Как ты полагаешь, какой будет линия защиты?

— Для Ридона и Ди Пэйса они постараются найти оправдательную причину для убийства. Для Апосто — установить умственную неполноценность.

— Ты готов бороться с ними?

— Что касается самообороны, то мы все еще не разыскали нож, который, как предполагается, выхватил Моррез, хотя его слепота, казалось бы, исключает версию о том, что он напал первым. Апосто надо обследовать в госпитале «Белльвью». Ты организуешь это?

— Буду рад это сделать. Какой твой следующий шаг?

— Завтра я пойду в испанский Гарлем. Хочу напасть на след ножа Морреза. Если защитники собираются использовать его в деле, то я должен быть к этому готов. Что ты хотел мне сказать?

— Прежде всего — судить будет Самалсон.

— Да?

— Я знал, что ты удивишься. Защита подняла шум по этому поводу. Она заявила: он твой друг, и ты учился у него в университете, и он предрасположен к тебе...

— Чепуха.

— Разумеется. Но это не помешало им просить перенести слушание дела в другой судебный округ.

— Это, должно быть, очень хорошо настроило Абе.

— Абе Самалсон — самый справедливый судья, который когда-либо у нас был. Короче говоря, Самалсон отклонил это прошение защиты.

— Молодец Самалсон.

— Это их не остановило. Они продолжали настаивать на перенесении дела, заявляя, что местная пресса сделала ряд предвзятых заявлений, вызвав враждебность населения к подсудимым. Абе и здесь послал их к черту. Он сразу же раскусил, почему они на этом настаивали: это была еще одна — третья по счету — попытка выиграть время. Первая попытка заключалась в том, что они выступили с ходатайством позволить им изучить протокол большого жюри на том основании, что оно выдвинуло свое обвинение, якобы, без достаточных юридических доказательств. Это ходатайство было отклонено. Вторая попытка сводилась к тому, что они затребовали документ, конкретно удостоверяющий свидетелей и дающий описание места преступления и рода оружия, но на этом они выиграли только неделю. Суд все равно назначен на следующий месяц, и слушать дело будет Самалсон. Ты доволен?

— Да. Мне нравится Абе, он хороший человек.

На столе Хэнк зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Да?

— Хэнк, это Дэйв, дежурный. Здесь двое людей спрашивают тебя. У одного — картонка с едой.

— А кто другой?

— Парень по имени Бертон. Репортер.

— Скажи ему, мы собираемся перекусить. Если его устроит, что я буду бормотать, жуя бутерброд, пожалуйста, пусть входит. И пропусти человека с картонкой, я умираю с голоду.

Разносчик и Майк Бартон вошли в кабинет одновременно. Бартон был высоким, плечистым, с широкой грудью и скорее походил на водителя грузовика, чем на репортера. У него были толстые губы, внимание к ним привлекали густые черные усики, которые выглядели словно пятно типографской краски под носом. Войдя, он тут же протянул руку.

— Мистер Белл? — спросил он.

— Здравствуйте, — сказал Хэнк и пожал ему руку. — Ефраим Холмз, начальник бюро. Ефраим, мистер Бартон.

— Мы знакомы, — сухо сказал Холмз.

— Что у вас на уме, мистер Бартон? — спросил Хэнк.

— Хороший вопрос, — улыбаясь, ответил Бартон. Когда он улыбался, его зубы на фоне

черных усиков сверкали белизной, а его темнокарие глаза на широком лице, казалось, светились острыми лучиками.

— Что на уме у всех в эти дни? — продолжал Бартон.

Хэнк развернул свой бутерброд и начал жевать.

— Ну, я не правомочен говорить за всех. Только за себя.

— А что у вас на уме? — спросил Бартон.

— Дело Морреза.

— То же самое и у меня на уме, мистер Белл. Поэтому я и пришел. Вы читали нашу газету за последнее время?

— Простите, — ответил Хэнк, — но я не читаю бульварных газет.

— Снобизм государственного служащего?

— Ничуть. Просто у меня никогда не было такой привычки.

— Между прочим, НАША бульварная газета — довольно хорошее издание, — сказал Бартон.

— Ваша газета смердит, — решительно заявил Холмз, — это дешевая, сенсационная, желтая, бульварная газета, которая прикрывается знаменем либерализма, чтобы продать лишние экземпляры и заполучить больше заказчиков на публикацию рекламы. Что вам здесь нужно?

— Я пришел поговорить с мистером Беллом, — ответил Бартон, мрачно насупив брови.

— Я начальник бюро, — сказал Холмз, принимая брошенный вызов. — Я имею право слышать все, что вы собираетесь сказать мистеру Беллу.

— Хорошо, — ответил Бартон. — В каком сейчас состоянии ваше дело? Вы думаете, их осудят?

— Я поддерживаю обвинение по делу о преднамеренном убийстве, — ответил Хэнк. — Это то, о чем говорится в обвинительном акте.

— Ваше отношение к истории, которую они состряпали, что Моррез с ножом напал на них?

— Пока я еще не до конца расследовал это обстоятельство.

— Когда вы планируете начать расследование?

— Боюсь, что это мое личное дело, мистер Бартон.

— Я думал, что вы слуга народа.

— Так оно и есть.

— В таком случае, это и общественное дело.

— Если бы народ был способен судить, то я, возможно, согласился бы с вами, мистер Бартон. К сожалению, народ не изучал юриспруденции, а я изучал, и я буду расследовать и готовить дело так, как считаю правильным.

— Независимо от того, чего хочет народ?

— Что вы имеете в виду?

— Народ хочет, чтобы эти трое ребят умерли на электрическом стуле. Я это знаю, и вы тоже знаете это.

— Вы хотели бы, мистер Бартон, чтобы завтра я лично препроводил их в тюрьму «Синг-Синг» и включил рубильник электрического стула? Они имеют право на справедливый суд.

— Но в этом деле есть только одна справедливость, и это очевидно каждому. Они хладнокровно убили слепого парня. Народ требует возмездия.

— Вы говорите за народ или за себя?

— Я говорю и за народ, и за себя.

— Из вас получился бы хороший главарь линчующей толпы, мистер Бартон, — сказал Хэнк. — Я все еще не пойму, зачем вы сюда пришли?

— Узнать, как вы относитесь к этому делу.

— Это не первое дело об убийстве, которое мне когда-либо приходилось вести. Я отношусь к нему так же, как я относился ко всякому другому делу. Я намерен выполнять

свои обязанности как можно лучше.

— И в эти обязанности входит отправка убийц на электрический стул?

— В эти обязанности входит преследование судебным порядком виновных в предумышленном убийстве. Я не выношу приговора. Если присяжные признают ребят виновными, судья Самалсон вынесет приговор.

— В деле о предумышленном убийстве смертный приговор является обязательной мерой, и вы знаете об этом.

— Верно.

— Таким образом, если вам удастся доказать, что это было предумышленное убийство, вы сумеете послать этих ребят на электрический стул.

— Присяжные заседатели могут просить и добиться смягчения приговора, и в этом случае смертный приговор может быть заменен пожизненным заключением. Такие случаи бывали и раньше.

— Это вы и попытаетесь сделать? Пожизненное заключение?

— Этот вопрос исключается! — рявкнул Холмз. — Не отвечай на него, Хэнк!

— Позвольте разъяснить вам, мистер Бартон, — сказал Хэнк. — В этом деле я буду добиваться обвинительного приговора. Я представлю присяжным заседателям и суду факты так, как я их понимаю. Присяжные заседатели решат, являются ли эти факты достаточными для того, чтобы вне всякого сомнения прийти к заключению, что было совершено предумышленное убийство. Моя работа заключается не в том, чтобы искать мщения или возмездия. Моя работа заключается в том, чтобы показать: было совершено преступление против народа округа, и подсудимые, которых я преследую судебным порядком, виновны в этом преступлении.

— Другими словами, вам безразлично, умрут они или нет?

— Я буду поддерживать обвинение...

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Он не заслуживает ответа.

— В чем дело, Белл? Вы боитесь смертной казни?

— С тех пор, как я стал прокурором, я послал на электрический стул семь человек, — ответил Хэнк.

— Вы когда-нибудь посылали на электрический стул ребят?

— Нет, мне никогда не приходилось вести дело об убийстве, в которое были бы вовлечены ребята такого возраста.

— Понимаю, — Бартон помолчал. — Когда-нибудь слышали о девушке по имени Мэри О'Брайан, мистер Белл?

Секунду Хэнк был в нерешительности. Холмз поймал его взгляд.

— Да, — ответил он.

— Я разговаривал с ней вчера. Из этого разговора я понял, что вы флиртовали, когда оба были подростками.

— Я думаю, что вам лучше уйти, мистер Бартон.

— Не является ли Мэри О'Брайан — в настоящее время Мэри Ди Пэйс — причиной вашего нежелания...

— Убирайтесь вон, Бартон!

— ...вести дело так, как того хочет народ?

— Вы хотите, чтобы я вышвырнул вас отсюда, Бартон?

— Для этого потребовался бы человек посильнее, чем вы, — ответил Бартон и усмехнулся. — Но я все равно уйду. Не пропустите завтрашнюю газету. От нее у вас волосы встанут дыбом.

— Сукин сын, — сказал ему вслед Холмз.

В этот день после полудня, Хэнк пошел к Мэри. Он позвонил ей из кабинета, чтобы предупредить о своем приходе, и она ответила, что после трех будет его ждать.

На улице безумно жарко. «В мире нет места более жаркого, чем Гарлем, — подумал он.

— Назовите такое место, и все равно Гарлем будет жарче, потому что Гарлем — это огромный бетонный гроб, и ничто не шевелится в этом гробу, в нем нет ни малейшего дуновения ветерка. В июле и августе...

В июле...

Он вспомнил празднование Дня независимости в Гарлеме 4 июля, когда ему было восемь лет. Тогда еще не существовало закона, запрещавшего фейерверки. Они с матерью сидели у окна в квартире на шестом этаже и глядели на улицу, слушая, как взрывались пороховые хлопушки и шашки, наблюдая за возбуждением, царившим внизу на улице. В гостиной его отец слушал по радио транслируемую со стадиона «Янкиз» игру в бейсбол.

В шесть часов мать Хэнка обнаружила, что у них нет хлеба. Отец, поглощенный нависшей угрозой проигрыша команды «Уайт Сокс», не мог оторваться от радио.

— Сходи вниз, Генри, — сказала мать. — Я послежу за тобой из окна.

Он взял деньги на хлеб и сбежал по лестнице. Бакалейный магазин (единственный на этой улице, который все еще был открыт) находился через три двери от их подъезда. Шум и возбуждение на улице ошеломили его. С широко открытыми глазами он подошел к бакалейному магазину, купил хлеб и стал возвращаться домой, когда ребята постарше окружили его.

Вначале он подумал, что это игра, но, увидев в их руках горящие куски веревок, сразу понял: это не игра, зажженными веревками они поджигают запалы хлопушек. И вдруг у него под ногами и над головой раздался взрыв. Он хотел убежать от них и избавиться от сотрясавшего его всепоглощающего страха, но ребята не выпускали из кольца, не давали ему вырваться из круга красных и желтых взрывов, не давали убежать от страха и огня. Он пытался кричать, но голос его тонул в ужасном грохоте взрывов и в запахе пороха. Высоко над ним слышался вопль матери: «Генри! ОСТАВЬТЕ ЕГО! Генри!», а он в диком ужасе пронзительно визжал, в то время как вокруг него рвались пороховые хлопушки.

Его отец вылетел из дома, как сумасшедший, и с такой силой ударил первого попавшегося на его пути мальчишку, что тот растянулся на мостовой. Он схватил сына и взбежал с ним по лестнице, а Хэнк так вцепился в буханку хлеба, что превратил ее в бесформенную массу. Дома его мать негодовала: «Я не должна была его посылать. Надо было тебе слушать этот проклятый бейсбол! Я знала, что ему не надо было выходить сегодня на улицу. Я знала это! Я не должна была посылать его».

Отец ответил: «С ним все в порядке, с ним все в порядке. Они ничего ему не сделали».

И, может быть, они действительно ничего не сделали. Но с этого дня он начал заикаться и заикался до тех пор, пока ему не исполнилось одиннадцать лет. Когда он стал юношей, заикание стало реже, но возвращалось всякий раз, как только что-нибудь расстраивало его, и тогда он снова вспоминал четвертое июля в Гарлеме с фейерверками, рвущимися вокруг него, с дьявольским адом у своих ног, над своей головой, вокруг себя.

Он поднялся по лестнице дома, где жила Мэри Ди Пэйс. Ее квартира находилась на четвертом этаже. Пружина для замка на ящике для бутылок с молоком была сбита, и замок свободно висел на дверце. Его первой мыслью, было, что в Гарлеме ВСЕ ЕЩЕ продолжают воровать молоко. Он мрачно усмехнулся. Люди могли изобрести искусственные спутники, чтобы запустить их в космос, могли послать ракеты на Луну, могли создать межконтинентальные баллистические снаряды, способные уничтожить города, а здесь, в Гарлеме, если вы не установите проволочный предохранительный крюк на дверцу ящика для молочных бутылок, с помощью которого его можно запирать изнутри вашей квартиры, молоко все равно украдут. Вздыхнув, он постучал в дверь.

— Хэнк? — раздался ее голос.

— Да.

Дверь открылась.

— Привет, Хэнк, — сказала Мэри. — Входи.

Выражение ее глаз было усталым, а скорбные морщинки в уголках рта явно выдавали

напряжение последних нескольких дней. Но тут же он понял, что она, как всякая женщина, преодолев ужас и состояние истерии, вызванные первоначальным потрясением, теперь с удивительным самообладанием готова была предстать перед тем, что ожидало ее впереди. В ее взгляде (а он знал этот взгляд, он часто видел его на лице Кэрин) было сочетание силы, достоинства и решимости. Этот взгляд испугал его. Это был взгляд тигрицы, охраняющей вход в логово со своими детенышами.

— Входи, Хэнк, — повторила она. — Я только что пришла. Я разговаривала с защитниками Дэнни... На этот раз не будет никаких сцен, — заверила она. — Я обещаю.

Он прошел за ней по короткому коридору в гостиную, обставленную мебельным гарнитуром, купленным в одном из магазинов на Третьей авеню. В одном углу комнаты на столике стоял телевизор. На единственном окне, которое открывалось в узкое, похожее на шахту пространство между домами, висели шторы. За окном спускалась пожарная лестница.

— Присаживайся, Хэнк, — пригласила Мэри. — Здесь не так уж плохо. Через это окно и окно в спальне напротив, которое выходит на улицу, немного продувает.

— Спасибо, — ответил он и сел на диван. Несколько минут царил неловкое молчание. Затем он сказал:

— У тебя неплохая квартира, Мэри.

— Не обманывай, Хэнк, — ответила она. — Я переехала сюда с Лонг-Айленда и знаю, что такое хорошая квартира.

— Почему вы вернулись в Гарлем, Мэри?

— Они сократили производство, и Джонни потерял работу. Мы скопили немного денег и, я думаю, мы могли бы продолжать там жить, но один из наших друзей открывал обувной магазин здесь, в Гарлеме, и предложил Джонни стать его компаньоном. Джонни решил, что нам следует принять предложение. Я тоже так думала. — Она покачала головой. — Тогда это казалось правильным решением. — Она помолчала. — Если бы мы могли предвидеть, если бы мы могли знать... Она не закончила фразу и погрузилась в молчание.

Он сидел, наблюдая за ней и гадая, действительно ли произошло первоначальное потрясение. Она вдруг подняла глаза, и какое-то время они смотрели друг на друга через широкую бездну прошедших лет. В течение нескольких минут ни один из них не проронил ни слова. Затем, словно борясь с внутренним тайным решением, Мэри спросила:

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Нет, если это связано с какими-нибудь хлопотами. Я пришел только...

— Мне немного стыдно, Хэнк, — сказала она, опустив глаза, — я так вела себя в твоём кабинете. Я хочу извиниться.

— Мэри, нет необходимости...

— Такое... понимаешь, никогда не думаешь, что подобное может случиться именно с тобой. Все время читаешь об этом в газетах, но для тебя это ничего не значит. И вдруг это случается с тобой. С твоей семьей. С тобой. Требуется... требуется некоторое время, чтобы... осознать это. Так что... пожалуйста, прости за то, что я так себя вела. Я была сама не своя. Я просто... Она быстро встала. — У нас есть только виски и джин. Что ты предпочитаешь?

— Джин, — сказал он.

Она ушла на кухню. Он слышал, как она открыла дверцу холодильника, слышал дребезжание подноса со льдом. Вернувшись в гостиную, она подала ему бокал и села напротив него. Они не произнесли тоста, а молча пили маленькими глотками. Внизу, во дворе, кто-то загремел крышкой, закрывая мусорный бачок.

— Люди очень странные, не правда ли? — неожиданно сказала она. — Вот, например, двое людей, которые когда-то так хорошо знали друг друга, могут встретиться и... быть совершенно чужими. — С ее губ сорвался странный смех, выражавший смущение и горечь. — Странно, — повторила она.

— Я пришел сказать тебе...

— Мне хочется верить, что люди, которые когда-то значили что-то друг для друга... что, если ты знал кого-то очень хорошо... — Она молча боролась с какой-то мыслью, а затем

сказала просто. — Ты очень много для меня значил, Хэнк.

— Я рад это слышать.

— Когда мы были детьми, ты... многое для меня сделал.

— Я?

— Да. Понимаешь, я всегда считала себя безобразной...

— Безобразной? Ты?

— Да, да. А затем появился ты, и ты считал, что я была очень красивой, и все время повторял мне это до тех пор, пока я не начала верить. Я всегда буду благодарна тебе, Хэнк.

— Мэри, из всех людей на земле ты едва ли принадлежишь к тем, кто может сомневаться в своей привлекательной внешности.

— Да, но я сомневалась. Я сомневалась.

Сейчас каким-то чудом создалась непринужденная обстановка. Наконец-то они перешагнули через разделявший их барьер времени и почувствовали себя легко и свободно, как это было раньше, когда они очень серьезно обсуждали большие и малые животрепещущие проблемы своей молодости. Оглядываясь назад, он испытывал особую нежность к этим двум юным существам, которые, держась за руки, разговаривали друг с другом доверительным шепотом. Люди, сидевшие сегодня здесь, в этой гостиной, мало походили на тех двух юных созданий, и все же он узнал их и почувствовал, как по его телу разлилась приятная теплота. На минуту он забыл, зачем пришел сюда. Сейчас важно было только то, что они снова могли говорить друг с другом.

— Ты тоже многое для меня сделала, — сказал он.

— Надеюсь, что это так, Хэнк. — Она помолчала. — Хэнк, позволь мне рассказать тебе, как все произошло, потому что... я всегда немного сожалела, что отправила тебе то письмо. Мне всегда было немного стыдно, что я выбрала такой трусливый путь, чтобы выйти из создавшегося положения. Знаешь... Понимаешь... Я надеюсь, ты понимаешь, что... я любила тебя?

— Я так думал. Но потом это письмо...

— По ночам я обычно лежала с открытыми глазами и пыталась представить, что ты делаешь. Не стреляют ли они в тебя? Не ранен ли ты? Не сбит ли твой самолет? Не взят ли ты в плен и не пытаются ли тебя? Я часто плакала по ночам. Однажды ко мне зашла мать и спросила: «Мэри, Мэри, в чем дело?» И я ответила ей: «Может быть, он уже мертв?» А она сказала: «Ты дурочка, тебе следовало выйти за него замуж и взять от любви все, что можно, потому что любовь — это не что-то такое, что ты можешь найти на улице». И я снова начала плакать и молиться... Я никогда по-настоящему не была религиозной, несмотря на то, что меня воспитывали как католичку... Но я так молилась за тебя, Хэнк. Я молилась, чтобы ты остался цел и невредим, чтобы... ты вернулся ко мне. А затем я встретила Джонни.

— Да? — спросил он.

— Может быть, это покажется глупым, но я не стала бы с ним встречаться, если бы не ты. И я не полюбила бы его, если бы вначале не любила тебя. Только благодаря твоей нежности, твоей... любви ко мне, я смогла полюбить другого человека. Вот почему мое письмо было таким жестоким. Мне совсем не надо было писать его. Я должна была приплыть в Англию, приползти к тебе на коленях и благодарить тебя, целовать твои руки, Хэнк. Я не должна была посылать это письмо.

— Мэри, ты...

— И на днях в твоём кабинете я была страшно несправедливой к человеку, который был справедливым всю свою жизнь. Я понимаю, что это твоя работа. Я понимаю, что ты будешь ее выполнять так, как считаешь правильным. И сейчас я отношусь к этому с уважением. Я уважаю это так же, как я всегда уважала тебя. Я не смогла бы полюбить тебя, если бы ты был другим, и я не думаю, чтобы человек очень менялся. Ты все тот же, Хэнк.

— Я очень изменился, Мэри.

— Внешне! О да, ты не тот неловкий юноша, который однажды нарвал мне в парке цветов. А я не та рыжеволосая, худая, юная...

— Ты никогда не была худой! — запротестовал он.

— ...девчонка, которая приняла эти цветы так застенчиво. Но, я думаю, что по существу мы те же самые, Хэнк. Я думаю, что если мы снимем маски, то окажется, что по существу мы те же самые глупые подростки, считавшие, что мир полон драконов и блестящих благородных рыцарей. — Она помолчала. — Правда, ведь?

— Возможно.

Она кивнула, погрузившись в свои мысли, а затем спросила:

— Ты здесь не для того, чтобы говорить о Дэнни, правда?

— Правда.

— Это хорошо. Мне не хотелось бы сейчас говорить об этом. Понимаешь, я чувствую, что у нас с тобой одна цель — правосудие, и я не хочу смешивать это с эмоциями. В тот день я была совершенно неправа. Надеюсь, ты простишь меня.

— Я давно тебя простил, — ответил Хэнк, и на одно мгновение они снова посмотрели друг другу в глаза. Мэри кивнула и, вздохнув, отпила из бокала.

— Зачем ты пришел, Хэнк?

— Сегодня, в обеденное время, я разговаривал с репортером Майком Бартоном.

— И что?

— Он сказал, что вчера беседовал с тобой.

— Да, это верно.

— Что ты ему сказал?

— Я сказала, что Дэнни невиновен.

— Ты что-нибудь говорила ему о нас?

— Да, говорила. Я сказала, что мы знали друг друга, когда были молодыми.

— В какой связи ты упомянула об этом?

— Он спросил меня, встречала ли я когда-нибудь человека, ведущего это судебное дело. Я ответила, что встречала и что мы знали друг друга, когда были молодыми.

— И это все?

— Думаю, что да. А что?

— Он намекал... на большее.

— На большее? Ты имеешь в виду?..

— Ну, он намекал, что мы по-настоящему знали друг друга.

— Я понимаю. — Она помолчала. — Но, конечно, этого никогда не было.

— Конечно.

— Мне жаль, что этого не было. Я должна была на это пойти. Когда ты отдаешь все, кажется таким мелким цепляться за... Я должна была разрешить тебе. Тебя шокирует, что я так говорю?

— Нет.

— Это хорошо. Я считаю, ради справедливости ты должен знать о том, что я хотела тебя так же сильно, как ты хотел меня.

— Я рад слышать об этом.

— Я была глупой маленькой девчонкой.

— Может быть, и нет.

— Нет, это так. В любви человек не должен устанавливать границ. Любить — это значит отдавать все. Мне следовало отдать тебе все, я должна была это сделать.

На минуту Хэнк подумал о Кэрин и летчике-бомбардире, и брови его озадаченно сдвинулись.

— В отношении Бартона, — сказал он. — Он собирается написать статью. Бог знает, что он в ней напишет, но можно биться об заклад, что она не будет лестной для нас. Конечно, в ней не будет ничего такого, за что мы могли бы привлечь его или его газету к ответственности, но там будет масса намеков на то, что мы были не просто друзья и что наши прежние отношения могут повлиять на исход дела. Я подумал, что мне следует предупредить тебя.

— Спасибо. Я благодарна тебе за это.
— Я подумал, что твоему мужу не следует...
Она посмотрела на него с удивлением.
— Не беспокойся, я рассказала Джонни о наших отношениях. Я даже сказала ему, что немного сожалела, что мы с тобой не были близки.
— И... что он ответил?
— Он ответил — я помню это очень хорошо, — она улыбнулась, — он ответил, что для него это не имело бы никакого значения, но это могло бы иметь большое значение для нас с тобой. Вот что он ответил.
— Похоже, он замечательный человек.
— Мне кажется, он бы тебе понравился.
— Хорошо, значит эта статья не причинит тебе никаких неприятностей.
— Нет. Совсем нет. Во всяком случае, не с Джонни.
— Слава богу. У меня гора с плеч свалилась.
— Ты мог бы сказать мне об этом по телефону.
— Знаю... — ответил он.
— Тогда, почему ты пришел?
Он с минуту молчал, а затем, улыбнувшись, сказал:
— Полагаю, я еще хотел убедиться в том, что не был дураком, когда влюбился в девушку по имени Мэри О'Брайан.

ГЛАВА VII

Днем, когда Хэнк вернулся домой, в гостиной его ожидала компания. Кэрин встретила его в дверях и сказала:
— У нас Джон и Фрэд. Думаю, это не просто светский визит.
— Что ты имеешь в виду?
— Ты увидишь. У них такой вид, словно на лужайке своего соседа они обнаружили многолетнее растение из семейства сложноцветных.
— Не будет поцелуя для вернувшегося воина? — спросил он.
— А как же. Обязательно.
Она быстро поцеловала его, а он сказал:
— Увидимся позже. Где Дженни?
— Она ужинает у подруги и вернется около одиннадцати.
— Это сулит нам кое-то хорошее, — сказал Хэнк.
— Вот как? Меня пока еще никто не спрашивал.
— Я не считаю нужным спрашивать своих женщин. Я просто беру их за волосы и волоку в пещеру.
— На твоём месте я вначале пошла бы поговорить с этим «комитетом» по охране зеленых лужаек в Инвуде.
— Я как раз собираюсь это сделать. Ты приготовила мартини? Я не прочь выпить стаканчик.
— Коктейль в баре. Я присоединилась бы к тебе, но кто-то должен приготовить ужин.
— Охлади бутылочку вина, — попросил он.
— Ого, — удивилась Кэрин, — что навяло неожиданный романтизм?
— Один твой вид, голубка, — ответил он, подмигнув и прошел в гостиную.
— Ну, ну, — сказал он, — вот так сюрприз.

Как только он вошел, мужчины встали. Джону Макнелли, высокому и мускулистому человеку с преждевременной сединой в волосах, было едва за тридцать. Он работал на химическом исследовательском предприятии. Фрэд Пирс работал в области рекламы и был художественным директором фирмы, которая специализировалась на фотомакетах. В противоположность Макнелли он был низкого роста и полный, с неряшливым видом

художника из богемы. Они пожали Хэнку руку, и затем Макнелли сказал:

— Домой с поля битвы, а?

— Тяжелый день, — ответил Хэнк, — Кто-нибудь хочет мартини?

У Пирса был такой вид, будто он готов был принять предложение, но Макнелли быстро сказал за обоих: «Нет». Хэнк подошел к бару, взял кувшин с мартини и налил в бокал хорошую порцию. Он подцепил из открытой банки, стоявшей на баре, две маслины и опустил их в бокал.

— За удачу, — сказал он.

— На здоровье, — ответил Пирс.

Хэнк ослабил галстук и сел.

— Чем могу вам служить, друзья? — спросил он. — Пожертвование в пользу ассоциации родителей и преподавателей? Субсидирование детской бейсбольной команды? Что на этот раз?

— Ну, ничего серьезного, — ответил Макнелли.

— Просто дружеский визит, вот и все, — подхватил Пирс.

— Что ж, всегда рад вас видеть, — Хэнк внимательно наблюдал за ними поверх бокала.

— Соседи должны периодически встречаться, — сказал Макнелли.

— Особенно в таком районе, как этот, — снова поддержал его Пирс, — где все знают друг друга и где люди живут на одной и той же улице годами. Это хороший район, Хэнк.

— Разумеется, — ответил Хэнк. По правде говоря, ему не очень-то нравился Инвуд. Когда он впервые получил эту работу, они хотели переехать в Гринвич Виллидж, но Кэрин справедливо настояла на том, что Инвуд обеспечит более подходящее окружение для Дженни. Девочке в то время было только пять с половиной лет. И все же он никогда по-настоящему не чувствовал глубоких корней, которые бы связывали его с живущим в Инвуде обществом.

— Нам хотелось бы поддерживать его в нормальном состоянии, — продолжал Макнелли.

— Это разумное желание, — ответил Хэнк, потягивая мартини.

У него было хорошее настроение. Таким оно стало с того момента, как он поговорил с Мэри. Он надеялся, что эти двое соседей, у которых был какой-то странный вид, уйдут домой ужинать, и он сможет пойти поцеловать свою жену.

Ни с того ни с сего Пирс спросил:

— Как тебе понравилось бы, если бы твоя дочь вышла замуж за одного из пуэрториканцев?

Хэнк заморгал глазами.

— Что? Что ты сказал?

— Одну минутку, Фрэд, — сказал Макнелли. — Ты создашь у него неправильное представление.

— Неправильное представление о чем, Джон? — спросил Хэнк.

— О нашем районе и городе.

— Что ж, я считаю, что это хороший район и хороший город, — ответил Хэнк.

— Я не сомневаюсь, что ты так считаешь, — сказал Макнелли.

— Видишь, я говорил тебе, что он с нами согласится, — вмешался Пирс.

— Согласится с чем?

— Поддерживать наш район в нормальном состоянии. И город.

— Я не понимаю, о чем вы? — спросил Хэнк.

— Ну, в таком случае, давай немного поговорим об этом, Хэнк, — начал Макнелли. — Ты знаешь, что Фрэд, я и все остальные наши соседи — люди без предрассудков. Мы нормальные американские граждане, которые верят, что все люди созданы равными и что каждый человек имеет право на место под солнцем. Верно я говорю, Фрэд?

— Абсолютно верно, — поддержал его Пирс.

— И мы не верим в то, что существуют граждане второго сорта, — продолжил

Макнелли. — Но мы считаем, что определенным элементам, живущим в городе, больше подходит сельская культура, чем городская. Людей, привыкших резать тростник и ловить рыбу, нельзя просто взять и бросить в гущу самого большого в мире города, надеясь, что они адаптируются. Эти элементы...

— Какие элементы? — спросил Хэнк.

— Ладно, Хэнк, не будем придирааться к словам. Я уверен, что мы сходимся во взглядах и знаю, что ты не считаешь меня человеком с предрассудками. Я говорю о пуэрториканцах.

— Понимаю, — сказал Хэнк.

— Они, без всякого сомнения, прекрасные люди. Я знаю, что на самом острове Пуэрто-Рико очень низкий процент преступности и что там безопасно ходить повсюду, как в палате для новорожденных. Но там — это не здесь. Здесь далеко небезопасно ходить по испанскому Гарлему. В кварталах, заселенных испанцами и раскиданных по всему городу, процент преступности очень высокий. И довольно скоро везде будет не безопасно ходить, не боясь получить удар ножом. Это распространяется и на Инвуд тоже.

— Понимаю, — повторил Хэнк.

— Сейчас, ясно, мы не можем сказать этим проклятым людям, где они должны жить. Они американские граждане, такие же, как ты и я, Хэнк, точно такие же, как ты и я. Они свободные люди и имеют право на место под солнцем. Я не стал бы отрицать этого, но мне кажется, что им следовало бы внушить мысль, что они не могут просто прийти в цивилизованный город и превратить его в джунгли, пригодные лишь для жизни зверья. Я думаю о своей жене и детях. Хэнк, а ты должен подумать о своей восхитительной маленькой дочери. Я абсолютно уверен, ты не захочешь, чтобы ее изнасиловал какой-нибудь фермер с Пуэрто-Рико.

— Понимаю, — опять повторил Хэнк.

— Это и привело нас сюда. Сейчас никто из нас на этой улице не может простить убийства, уверяю тебя, и я надеюсь, ты понимаешь, что все мы жаждем торжества правосудия. Но скажи — никто ведь не идет в джунгли и не вешает охотника за то, что он убил опасного зверя. Никому и в голову не придет сделать что-либо подобное, Хэнк.

— Понимаю, — снова сказал Хэнк.

— Хорошо, итак, трое молодых белых парней случайно забрели в испанский Гарлем, который является — ты со мной согласишься — частью джунглей, и это дикое животное набрасывается на них с ножом и...

— Подожди одну минутку, Джон, — прервал Хэнк.

— ...это кажется только разумным... Что ты хотел сказать?

— Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы учить меня, как надо вести дело Рафаэля Морреза.

— Мы не сделали бы ничего подобного Хэнк, и ты знаешь это.

— Тогда, зачем вы пришли ко мне?

— Спросить тебя, серьезно ли ты намерен добиваться вынесения смертного приговора трем белым ребятам, которые во время самообороны, чтобы не дать возможности этому пуэрториканцу...

— Этот пуэрториканец был таким же белым, как и ты, Джон.

— Хорошо, пусть это будет твоей маленькой шуткой, — сказал Макнелли, — но мы относимся к делу серьезно, а мы твои соседи.

— Допустим. Дальше?

— Итак, что ты собираешься делать?

— Я собираюсь поддерживать обвинение в преднамеренном убийстве, как говорится в обвинительном акте большого жюри.

— Почему?

— Потому, что они виновны.

— Это будет означать, что всякий паршивый пуэрториканец в этом городе будет думать, что ему может сойти с рук убийство!

— А ты не перепутал факты? Ведь убит был пуэрториканец.

— Он бросился на них с ножом! Ты пытаешься убедить меня, что граждане должны нести наказание за то, что они защищают свою жизнь? Или свою собственность? Хэнк, ты прокладываешь дорогу животным из джунглей, чтобы они могли захватить цивилизованный мир!

— В центре города над южным входом в здание уголовного суда есть надпись, Джон. В ней говорится: «Где кончается закон, там начинается деспотизм».

— Какое это имеет отношение к тому, о чем мы говорим?

— Ты говоришь о цивилизованном мире. Закон и есть цивилизованный мир. Без закона у нас будут деспотизм и анархия, и животные из джунглей. А ты просишь меня нарушить закон ради...

— Я ничего не прошу тебя нарушать. Я прошу правосудия.

— Какого правосудия?

— Есть только одно правосудие, — сказал Макнелли.

— Совершенно верно. И оно слепо: оно не знает разницы между мертвым пуэрториканцем и мертвым уроженцем этого города. Оно знает только одно, что был нарушен закон.

— Как тебе понравилось бы, если бы твоя дочь вышла замуж за одного из этих пуэрториканцев? — снова спросил Пирс.

— О, проклятье, — рассердился Хэнк.

— И все же, как тебе это понравилось бы?

— Перестань ты, черт возьми, так уж беспокоиться о превосходстве своих сексуальных способностей. Я уверен, что пуэрториканские мужчины такие же, как и ты, не лучше и не хуже.

— Нет смысла говорить с ним, Джон, — сказал Пирс.

— Ты можешь поступать, как хочешь, — зловеще заявил Макнелли. — Я только хочу предупредить тебя, Хэнк, что мнение людей, живущих в этом районе...

— Плевать я хотел на мнение людей, живущих в этом районе, — взорвался Хэнк, вставая и ставя со стуком стакан. — И плевать я хотел на мнение газет, прямо противоположное мнению людей, живущих в этом районе! Я буду вести это дело так, как считаю правильным, без всяких уступок в сторону кого бы то ни было! По-моему — ясно!

— Не может быть яснее. Пошли, Фрэд.

Не сказав больше ни слова, оба ушли. Из кухни появилась Кэрин.

— Что-нибудь из ряда вон выходящее? — спросила она.

— Да. Я хочу еще martini. Тебе налить?

— Да, — Она покачала головой. — Я не имела представления... газеты тоже доставили тебе неприятности?

— Сегодня днем у меня был репортер. Кэрин, есть кое-что, о чем тебе следовало бы знать.

— Что именно?

— Он подал ей бокал.

— Мать одного из ребят. Мэри Ди Пэйс... девушка, которую я...

— Девушка, которую ты любил?

— Да. — Он помолчал. — Газеты попытаются что-нибудь из этого раздуть. Я подумал, что тебе следует знать об этом.

Она внимательно наблюдала, как он поднимал свой бокал. Его рука дрожала. Он быстро выпил и снова налил.

— Я даже не читаю этих сочинений, — ответила она.

Он пожал плечами и провел рукой по лицу. Небо неожиданно потемнело, покрывшись непонятно откуда взявшимися летними тучами. Он подошел к большому, во всю стену окну и рассеянно сказал:

— Будет дождь.

— Да.

Она смотрела на его лицо и видела, как начал подергиваться в нервном тике уголок его рта.

— Не позволяй им беспокоить себя, — сказала она, — ни Макнелли, ни Пирсу, ни кому-либо другому. Просто делай свое дело.

— Да, — ответил он, утвердительно кивнув головой.

В отдалении сверкнула молния, а за ней тут же последовал глухой раскат грома. Он повернулся к ней.

— Кэрин? Можем... можем мы пойти наверх?

— Да, милый, — ответила она и, взяв его за руку, повела к лестнице. Его напряжение волнами, словно электрический ток, передавалось ей через его пальцы. Молния сверкнула ближе, и она почувствовала, как он бессознательно вздрогнул, когда где-то рядом вслед за ней прогрехотал гром. Он вдруг с силой притянул ее к себе. Стоя ступенькой ниже, он прижался лицом к ее груди. Его тело напряглось, челюсти были крепко сжаты, дрожь стала заметнее.

— Ты нужна мне, — сказал он. — Кэрин, ты так мне нужна.

Она ничего не ответила, взяла его за руку и повела в спальню.

Кэрин вспомнила, как много лет назад он впервые сказал ей эти слова, когда она только начала понимать человека, которого так горячо любила. Это было в пятницу днем. Они ехали из Берлина. В карман его рубашки была засунута увольнительная записка на конец недели, на целых три дня. Джип подпрыгивал на изрытых взрывами бомб дорогах, а над головой у них было яркое, как лазурь, небо. Хэнк выглядел очень красивым в своем капитанском кителе. На погонах поблескивали серебряные нашивки, а в глазах отражалась голубизна безупречно чистого неба.

За сто километров от города они нашли небольшую гостиницу, над входом которой висела знакомая вывеска «Zimmer». Подъезжая к гостинице, он шутил над этим словом, считая забавным, что эта «семья» по имени Zimmer расплодилась по всей Германии. Они обедали одни в маленькой столовой, хозяин гостиницы суетился вокруг них, наливая из бутылки французское вино, которое ему удалось сохранить с «лучших времен». Затем они ушли в номер, и Хэнк начал распаковывать свой небольшой чемодан, а она в это время раздевалась. Он вынимал пижаму, когда она позвала шепотом:

— Хэнк.

Он повернулся к ней. Она стояла совершенно нагая, одной рукой прикрывая грудь, а другую вытянув вперед.

— Дай мне куртку, — сказала она. — Я хочу надеть твою пижамную куртку.

У нее был странный взгляд. Он подошел к ней, чувствуя, что для нее было очень важно, чтобы он дал ей свою пижамную куртку. Он протянул ей куртку, она надела ее и запахла, крепко обхватив себя руками.

— Очень приятно, — сказала она. — Я знала, что будет приятно.

Став ниже ростом без туфель на высоких каблуках и выглядя очень маленькой и уязвимой в слишком большой для нее пижамной куртке, она протянула руки, чтобы обнять его за шею.

— Можно мне поблагодарить тебя? — спросила она.

— За что?

— За то, что ты меня нашел. За то, что ты увез меня из Берлина на выходные дни. За то, что одолжил пижамную куртку.

— Кэрин...

— Ты очень устал? — спросила она с легкой улыбкой на губах.

— Устал?

— После того, как столько времени вел машину.

— Нет, я не устал.

— Я подумала, что ты, должно быть, устал, — сказала она.

— Нет, — ответил он, улыбаясь в ответ, — Я совсем не устал.

И она поцеловала его.

После она не могла вспомнить, сколько раз в течение этой ночи она будила его. Ей не спалось. Лежа в его объятиях, она была уверена, что все это неправда: и эта неразрушенная гостиница со средневековыми фронтонами и окнами в тяжелых рамах, и чистые белые простыни, и Хэнк рядом с ней. Утром ему не надо было спешить на базу. Это не могло быть правдой. Она лежала в темноте, а над городом стояли тишина и покой, только изредка нарушаемые рокотом самолета, направляющегося в Берлин.

Первый раз она разбудила его, чтобы спросить:

— Ты настоящий?

В темноте он заморгал глазами.

— Да, — сонно ответил он. — Я настоящий.

— Почему ты не ласкаешь меня? — спросила она.

— Сейчас?

— А ты можешь предложить лучшее время?

— Да. Утром.

— Это хорошее время, — сказала она. — Но сейчас тоже хорошее время.

После этого она снова лежала без сна, думая, что он очень устал от того, что столько времени управлял джипом, и что она должна дать ему поспать. Она встала с кровати, подошла к туалетному столику, вынула из пачки сигарету и закурила, подошла к окну и стала глядеть на поля. В лунном свете они казались серебристо-белыми. Пол был холодным. Она немного постояла у окна, придерживая одной рукой пижамную куртку, а другой поднося ко рту сигарету, затем выбросила окурки и снова легла.

Дверь из ванной открылась, он вышел с полотенцем, завязанным на поясице, и направился к туалетному столику, очевидно, за расческой. Она разглядывала его широкие плечи, узкие бедра, трогательные капельки воды на теле, влажные волосы, прилипшие ко лбу, блестящее от воды лицо и освещенные солнцем голубые глаза. Она молча наблюдала за ним и думала: «Этот мужчина и не подозревает, что я за ним наблюдаю. Это тот мужчина, которого я люблю».

Она издала слабый звук.

Он обернулся, слегка удивленный, брови его поползли вверх, а на губах появилась улыбка: «О, ты проснулась?»

С минуту она молчала. В эту минуту она так любила его, что не могла говорить и только утвердительно кивнула, продолжая наблюдать за ним.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказала она, наконец, невпопад.

Он подошел к кровати, встал на колени, взял ее лицо в свои руки и поцеловал.

— А ты выглядишь восхитительно, — ответил он.

— Я выгляжу ужасно. Я уродка, — сказала Кэрин.

— Ты самый красивый урод, которого я когда-либо видел.

Она зарылась головой в подушку.

— Не смотри на меня, пожалуйста. У меня не накрашены губы.

Тем приятнее целовать тебя, моя дорогая, — сказал он и повернул ее лицо к себе. Его губы коснулись ее губ, когда они услышали гул пролетающих самолетов. Она подняла голову. Гул заполнил небо, а затем и всю их маленькую комнату. Его глаза были обращены к окну. «Эскадрилья самолетов, направляющихся в Берлин», — подумала Кэрин и только теперь заметила, что он дрожит, и ее моментально охватила тревога.

— Что такое? — спросила она.

— Ничего.

Она села и сжала его руки.

— Что такое, Хэнк? Ты весь дрожишь. Ты...

— Ничего. Ничего. Я... Я...

Он прошел к туалетному столику, и быстро закурил и затем подошел к окну, следя за полетом эскадрильи в небе.

— Транспортные самолеты, — прошептал он.

— Да, — сказала она тихо. — Война кончилась, Хэнк.

— В Германии, да, — ответил он и затянулся сигаретой.

С минуту она наблюдала за ним, а затем сбросила покрывало, спустила ноги с кровати, подошла к нему и встала рядом с ним у окна. Самолеты уже скрылись из виду и слышался только их отдаленный рокот.

— Что такое? — настойчиво спросила она. — Скажи мне, Хэнк.

Он мрачно покачал головой.

— Я в понедельник улетаю. Вот почему я получил отпуск. Мне поручено доставить несколько высших офицеров на...

— Куда?

Он заколебался.

— Куда?

— На один из островов в Тихом океане. — Он смял сигарету.

— Там будут... стрелять?

— Возможно.

Они помолчали.

— Но ты не уверен в этом? — спросила она.

— Половина острова все еще находится в руках японцев, — ответил он. — Стрелять будут. И, вероятно, будут их самолеты.

— Почему они выбрали именно тебя? — сердито спросила она. — Это несправедливо.

Он ничего ей не ответил. Она повернулась к нему лицом и, глядя на него снизу вверх, тихо сказала:

— С тобой ничего не случится, Хэнк.

— Конечно.

— С тобой ничего не случится, милый. Будут они стрелять или нет, с тобой ничего не случится. Ты вернешься в Берлин. Ты должен вернуться, понимаешь? Я очень люблю тебя и не вынесу такой потери.

И вдруг он притянул ее к себе, и она почувствовала, как все его тело напряглось.

— Ты мне нужна, — прошептал он, — ты мне нужна, Кэрин. Кэрин, ты так мне нужна, ты так мне нужна.

ГЛАВА VIII

Это было то, что Макнелли называл джунглями.

Хэнк шел по длинной улице из итальянского Гарлема, следуя на запад, повторяя путь трех молодых убийц в тот июльский вечер.

У него было ощущение, словно он оказался в чужой стране, и тем не менее Хэнк не испытывал страха.

Он снова понял и совершенно определенно, что идея о существовании трех Гарлемов, как отдельных территорий, на самом деле — миф. Несмотря на то, что пуэрториканцы говорили на другом языке, — несмотря на то, что они отличались цветом кожи, а она была у них белой, смуглой и даже коричневой; несмотря на необычные овощи, разложенные на прилавках, и на религиозно-мистические брошюры, напечатанные на испанском языке, — эти люди ничем не отличались от своих соседей, живущих к западу и востоку. Их связывало одно общее — нищета.

И все же, в какой-то мере, он понимал страхи Макнелли. Здесь, если судить только внешне, жили чужаки. Какие угрожающие слова произносились тут по-испански? Какие злобные мысли скрывались за этими карими глазами?

Здесь был другой мир, не джунгли, конечно, но мир, такой далекий от мира Инвуда, как

и сам остров Пуэрто-Рико. Здесь, в каком-то смысле, была неизвестность. И этот пещерный Макнелли, сидящий на корточках поближе к своему защитному костру, смотрел в темноту и представлял себе, какие ужасные призраки скрывались за каждым кустом, и делал это до тех пор, пока не начинал дрожать от страха.

Хэнк направился к выходу в конце длинного тоннеля и снова вышел на солнечный свет. На углу улицы на первом этаже жилого дома приютилась мясная лавка. Ее вывеска «Carniceria»¹ рекламировала различные сорта мяса, разложенного на подносах в витрине. Рядом с ней был винно-бакалейный магазин. В его витрине были выставлены гастрономические продукты, а над головами висели связки перца. Он прошел мимо бакалейного магазина и вышел на улицу, где был убит Рафаэль Моррез.

Люди моментально поняли, что он представитель закона.

Они чувствовали это инстинктом людей, каким-то образом сделавших открытие, что закон является не защитником, а их врагом. Они уступали ему дорогу на тротуаре, молча наблюдая за ним со ступенек жилых домов. С пустырей, заваленных строительным мусором, на него смотрели дети, когда он проходил мимо.

Он нашел крыльцо, на котором сидел Моррез в тот вечер, когда его убили.

Хэнк проверил адрес и прошел мимо старика в нижней рубашке с пятнами от пота. Он сидел перед домом на ящике из-под молочных бутылок и курил длинную черную сигару. Хэнк задержался в коридоре, изучая при свете спички почтовые ящики. На четырех из них были взломаны замки, и ни на одном не было таблички с указанием фамилии. Он снова вышел на ступеньки крыльца.

— Я ищу девушку по имени Луиза Ортега. Вы не знаете, где я...

— No, hablo, Ingles², — ответил старик.

— Porfavor, — запинаясь сказал Хэнк по-испански. — Donte esta Sa muchalha Louiza Ortega?³

— No, entiendo⁴, — ответил старик, качая головой.

Хэнк пристально посмотрел на него. Он говорил по-испански медленно, запинаясь, но, безусловно, понятно. И затем сообразил, что старик просто не хотел отвечать на его вопрос.

— Ей не грозят никакие неприятности, — заверил Хэнк. — Это в отношении Рафаэля Морреза.

— Рафаэля? — переспросил старик. Он взглянул на Хэнка. Его карие глаза ничего не выражали. — Rafael esta muerto⁵, — сказал он.

— Si, yo comprendo⁶. Я веду исследование. Soyinvestidator⁷, — неуверенно произнес он, сомневаясь, испанские ли это слова. — Habla Italiano⁸. — спросил Хэнк в отчаянной попытке установить с ним контакт.

¹ Мясная лавка (исп.)

² Я не говорю по-английски (исп.)

³ Пожалуйста, где живет девушка по имени Луиза Ортега? (исп.)

⁴ Не понимаю (исп.)

⁵ Рафаэль мертв (исп.)

⁶ Да, я знаю (исп.)

⁷ Я следователь (исп.)

⁸ Говорите по-итальянски? (исп.)

— Нет, — тряся головой, ответил по-испански старик и затем добавил на ломаном английском: Уходите. Не беспокойте меня.

— Кого вы ищите, мистер? — раздался за спиной Хэнка голос, и он обернулся. Внизу у ступенек крыльца, упершись руками в бедра, стоял парень. На нем были брюки из грубой ткани и сверкающая белизной тенниска. Парень был смуглый, с карими глазами и коротко подстриженными волосами. Кисти его рук были квадратные, с большими суставами, а на среднем пальце правой руки — перстень с печаткой.

— Я ищу Луизу Ортега, — сказал Хэнк.

— Да, а кто вы такой?

— Окружной прокурор, — ответил Хэнк.

— Что вам от нее нужно?

— Я хочу задать ей несколько вопросов по поводу Рафаэля Морреза.

— Если у вас есть какие-либо вопросы, можете задавать их мне, — заявил парень.

— А кто ты такой?

— Меня зовут Гаргантюа.

— Я слышал о тебе.

— Да? — на губах у парня появилась едва заметная улыбка. — Да, может быть, вы и слышали. Несколько раз обо мне печатали в газетах.

— Я узнал о тебе не из газет, — сказал Хэнк. — Мне говорил о тебе один из членов клуба «Орлы-громовержцы», парень по имени Дайабло.

— Не говорите мне об этом вонючем пресмыкающемся. Если я когда-нибудь снова увижу его, он — мертв. — Говоря это, он издал звук, подобный выстрелу. — Мертв! — повторил он, сжимая кулаки, а его лицо выражало такую ненависть, словно в данный момент он действительно убивал Дайабло. Весь его вид не оставлял никакого сомнения в том, что он на самом деле желал Дайабло смерти.

— Где я могу найти Луизу Ортега?

— Я вам сказал, говорите со мной.

— Это очень любезно с твоей стороны, — ответил Хэнк, — но мне действительно нечего тебе сказать. Разве если ты, случаем, не сидел на этом крыльце в тот вечер, когда убили Морреза.

— О, вы признаете, что его убили, да?

— Перестань, — нетерпеливо оборвал Хэнк. — Я на вашей стороне. В этом деле я обвинитель, а не защитник.

— Полицейский на стороне моего народа? — удивился Гаргантюа. — Ха!

— Не отнимай у меня время, — сказал Хэнк. Ты знаешь, где она, или я должен буду послать детектива, чтобы разыскать ее? Я гарантирую, что он найдет ее.

— Не нервничайте, — ответил Гаргантюа. — Что обо мне говорил Дайабло?

— Ничего, кроме того, что ты военачальник «Всадников».

— Он был нормальным?

— Что ты имеешь в виду?

— А вы не знаете? Большинство из этих «Орлов-громовержцев» принимают наркотики. Одного вы не найдете в нашем клубе — парня, который бы глотал это зелье. Мы тут же с треском вышибем его из клуба.

— Это очень интересно, — заметил Хэнк. — Где живет девушка?

— Квартира четырнадцатая на первом этаже. Ее наверняка нет дома.

— Я все-таки найду, — сказал Хэнк.

— Послушайте, я подожду вас. Я хочу с вами поговорить.

— Я могу немного задержаться.

— Ничего. Мне все равно нечего делать.

— Прекрасно, — ответил Хэнк и вошел в дом.

Гарлем есть Гарлем. И жилые дома итальянцев, пуэрториканцев или негров — все они одинаковы, и все одинаково смердят. Вонь начинается с вестибюлей со сломанными

почтовыми ящиками и разбитыми лампочками. Она преследует вас в то время, как вы поднимаетесь по узкой темной лестнице, освещаемой только на лестничных площадках слабым светом, идущим сквозь окна.

Запах освежающей жидкости «Лизол» был таким же устоявшимся, как и вонь мочи, которую пытались заглушить. Из каждой двери шел запах готовящейся пищи.

Из полсотни квартир исходили запахи рыбы, мяса, спагетти, риса с цыпленком, капусты и бекона. Они смешивались в одну отвратительную вонь, не имевшую уже ничего общего с пищей. Эта вонь, как ядовитый газ, распространялась по коридорам, поражала ноздри и горло и вызывала приступы тошноты.

Он нашел четырнадцатую квартиру и покрутил звонок.

Луиза открыла ему дверь. Она была босиком, в цветастом розовом халатике, повязанном на талии пояском, а длинные черные волосы распущены по плечам. На лице не было косметики, и оно выглядело худеньким, но тело было хорошо развитым. Она смущенно улыбнулась:

— Входите. — И Хэнк вошел в квартиру.

— Присаживайтесь, — пригласила Луиза.

Он оглядел комнату. У одной стены стояла незаправленная кровать со смятой постелью. У противоположной стены рядом с газовым холодильником и раковиной примостился шаткий деревянный стол и два деревянных стула.

— Кровать удобнее всего, — сказала она. — Садитесь на нее.

Он подошел к кровати и сел на краешек. Девушка, поджав под себя ноги, села с другого конца.

— Устала. Я не могла заснуть всю ночь. Он беспокоил меня каждые пять минут, — пояснила она на ломаном английском языке и, помолчав, с полной откровенностью добавила. — Я проститутка, вы знаете.

— Догадываюсь.

— Si⁹, — она пожала плечами. — В проституции нет ничего плохого. Я лучше буду продавать свое тело, чем наркотики или еще что-нибудь. Verdad¹⁰?

— Сколько тебе лет, Луиза? — спросил Хэнк.

— Девятнадцать, — ответила она.

— Ты живешь с родителями?

— У меня нет родителей. Я приехала сюда с острова к своей тетке. Потом я ушла от нее. Я предпочитаю быть свободной, entiendo¹¹?

— Да, понимаю.

— В проституции нет ничего плохого, — снова повторила она.

— Это твое личное дело, — заметил Хэнк, — и меня это не касается. Я только хочу знать, что произошло вечером десятого июля, когда был убит Рафаэль Моррез.

— Si, si. Pobresito¹². Он был хороший парень. Я помню, как однажды он был здесь, когда у меня был «друг». Он играл на губной гармошке. В комнате было очень темно, и мы с «другом» лежали в кровати, а Ральфи играл, — она хихикнула, — Я думаю, он немного возбуждился. Я имею в виду Ральфи.

Хэнк слушал и думал, какое впечатление произведут на присяжных показания явной проститутки.

⁹ Да (исп.)

¹⁰ Правда? (исп.)

¹¹ Понимаете? (исп.)

¹² Да, да. Бедняжка. (исп.)

— Однажды я разрешила ему провести со мной время бесплатно, — сказала Луиза. — Я говорю о Ральфи. Он был хорошим парнем. Он не виноват, что родился слепым.

— Что произошло в тот вечер, когда его убили?

— Ну, мы сидели на крыльце — я, Ральфи и еще одна девушка, Терри, тоже проститутка. Она, как и я, испанка, но старше меня. Я думаю, ей около двадцати двух лет. Позднее она собиралась встретиться с одним из своих «друзей». Было похоже, что скоро пойдет дождь. Мы сидели и разговаривали. Ральфи сидел на нижней ступеньке и просто слушал. Он был хороший парень.

— О чем же вы разговаривали?

— Ну, Терри рассказывала мне о том, что у нее произошло днем с полицейским из отделения по делам проституции.

— Что же она рассказывала?

— Ну, дайте вспомнить. Помню, вдруг сразу потемнело...

(Тучи высоко нависли над Гудзоном, раскинувшись темным пологом над жилыми домами испанского Гарлема. Ветер, возникая в ущелье, проносится по улице, задирая подолы юбок двум девушкам, стоящим на крыльце и разговаривающим по-испански. Сейчас на Луизе много косметики, но она не выглядит дешевой или вульгарной. То же самое можно сказать и о Терри. Обе хорошо одеты и, пожалуй, в Гарлеме они одевались лучше всех других девушек. Черноглазые и черноволосые, они красивы своей экзотической красотой и полны жизни и страсти. На этой улице всем хорошо известно, что они проститутки.

У парней мало общего с Терри и Луизой, разве только иногда поболтают с ними о сексе. Они считают ниже своего достоинства спать с проституткой, и даже непорочные ребята среди «Всадников» предпочли бы скорее притвориться, что у них уже есть опыт в этих делах, чем приобрести его с проституткой. Обычные клиенты девушек — мужчины, которые приходят в эту часть города, так как слышали о том, что в испанском Гарлеме можно найти девушек типа Луизы и Терри. Очень часто они возвращаются домой не только с чувством сексуальной удовлетворенности, но и еще кое с чем. Ограбление на улицах Гарлема — обычное явление. Человек, пришедший сюда за сексом, вряд ли потом пойдет жаловаться в полицию на преступное нападение. Девушки не поощряют этих ограблений и не входят в контакт с грабителями. Для них проституция — это чисто деловые отношения: тело за деньги. Иносказательно и не по-деловому они называют своих партнеров просто «друзьями». Это относится к любому, с кем они имеют близость, за исключением того мужчины, с которым они живут в настоящее время, если таковой действительно имеется. Этот мужчина, живя за их счет, является наполовину любовником и наполовину сводником. Его они называют «мой старик». Некоторые «друзья» девушек — уважаемые бизнесмены, живущие в Нью-Рошеле или в пригородах на Лонг-Айленде. Но сами они никогда не приходят в Гарлем, и девушки встречаются с ними в различных местах для тайных любовных встреч, разбросанных по всему городу. Один из «друзей» Луизы — книгоиздатель. Он содержит для этих целей квартиру в Гринвич Виллидж, подальше от своего большого дома в Рослине. В Луизе ему нравятся молодость и свежесть. Терри может вспомнить, как она ходила на вечеринку, состоявшую в складском помещении завода по производству деталей машин в Бронксе. Там не было кровати, и на одеяле, расстеленном на полу, она обслужила одного за другим двенадцать мужчин.

Случайные клиенты подходят к девушкам в барах. Они обычно удовлетворяют свои потребности в Гарлеме. Для этих целей девушки используют квартиру, арендуя ее на вечер или на час у какой-нибудь старой карги. Луиза содержит свою собственную квартиру и не живет со «стариком». Но она боится, что когда-нибудь ее накроет полиция из отделения по делам проституции. Это держит ее в постоянном страхе. У нее еще не было неприятностей с полицией, но она знает, что рано или поздно этот день наступит. Она свободно говорит о своей профессии с обычными полицейскими, которых знает, и даже с теми, которых не знает. Однако полицейский из отделения по делам проституции всегда стоит перед ней

черной тенью, и она безумно боится подцепить одного из них, привести его в свою квартиру, а затем быть арестованной им в критический момент, когда она, как говорится в законе, «предстанет обнаженной».)

Терри: «Он выглядел, как все. На нем был летний костюм и соломенная шляпа. Он сказал, что хочет хорошо провести время и что я, похоже, из тех девушек, с кем это можно сделать».

Луиза: «И что ты ему ответила?»

Терри: «Я спросила: а что он понимает под «хорошо провести время»?

(Рафаэль Моррез сидит на нижней ступеньке крыльца, краем уха слушая исповедь Терри. Ему шестнадцать лет. На худом лице невидящие черные глаза. Звуки улицы гипнотизируют его. Он слепой от рождения, но все другие органы чувств чрезвычайно развиты, и он остро воспринимает все, что вокруг него происходит. Он тоже знает, что скоро пойдет дождь, он ощущает его запах и чувствует его приближение.

Некоторые утверждают, что Моррез может чувствовать даже опасность. Однако через несколько минут появится опасность, а он, похоже, и не подозревает об этом.)

Луиза: «Ну, и что дальше?»

Терри: «Мама Тереза находит мне квартиру. Я прошу у него деньги вперед. Он дает их мне. На самом деле он казался славным малым. До того, как я сняла платье».

Луиза: «И что он сделал?»

Терри: «Он сказал, что он из отделения по делам проституции и что собирается отправить меня в тюрьму. Затем забрал свои деньги и положил их к себе в бумажник».

Луиза: «И ты не спросила у него удостоверение?»

Терри: «Он показал его. Я страшно испугалась. Потом он сказал мне, что, возможно, мы сможем договориться».

Луиза: «Что значит «договориться?»»

Терри: «А ты как думаешь?»

Луиза (потрясенная): «И ты пошла на это?»

Терри: «Конечно. Ты думаешь, я хочу идти в тюрьму?»

Луиза: «Я никогда бы этого не сделала. Никогда».

Терри: «Он поймал меня! Что, по-твоему, я должна была делать?»

(Девушки замолчали. Улица тоже затихла в ожидании грозы. На ступеньках, запрокинув голову к небу, словно к чему-то прислушиваясь, сидит Моррез. Луиза оборачивается к нему.)

Луиза: «Ральфи, сыграй нам что-нибудь».

(Моррез лезет в карман, и в тот же самый момент на улице появляются трое ребят. В их быстрой походке есть что-то угрожающее, и Луиза тут же понимает это. Она начинает спускаться с крыльца и видит, что парни заметили Морреза.)

Луиза: «Mira! Cudado!»¹³

Башня: «Заткнись, ты, грязная шлюха!»

(Рафаэль поворачивает голову по направлению к голосам и быстро встает. У него в руке, которую он вынимает из кармана, что-то сверкает. Его невидящий взгляд обращен к ребятам.)

Башня: «Вот один из них!»

Бэтман: «Режь его!»

(Сверкает лезвие, пронзая тело. Нож глубоко распарывает живот снизу вверх. Теперь вонзаются другие ножи, нанося глубокие раны до тех пор, пока Моррез, согнувшись, не опускается на тротуар. Словно первые капли дождя, кровь брызгает на мостовую. С противоположного конца улицы по направлению к пришельцам уже мчатся четверо ребят.)

Башня: «Рвем!»

¹³ Посмотри! Осторожно! (исп.)

(Трое парней бросаются бежать, устремляясь в Парк авеню. Луиза сбегает с крыльца к упавшему Моррезу.)

Луиза: «Ральфи! Ральфи!» (И тут полил дождь.)

— И что потом? — спросил Хэнк.

— Я положила его голову к себе на колени. Кровь... кровь лилась отовсюду: они изрезали его всего. Потом приехали полицейские. Одни погнались за теми тремя ребятами, а другие стали задавать вопросы.

— У Морреза был нож? — прямо спросил Хэнк.

— У Ральфи? Зачем ему нож? Нет, не было. Кто вам это сказал?

— Те парни заявили, что он выхватил нож и бросился на них.

— Это ложь. Он встал, когда я закричала, и повернулся к ним. Они набросились на него. Нет, у него не было никакого ножа.

— Тогда скажи мне вот что, Луиза. Что он вытащил из кармана? Что сверкнуло?

— Сверк... О! О! Вы имеете в виду губную гармошку, на которой он играл?

Когда Хэнк вышел на улицу, Гаргантюа ждал его у крыльца. С ним был еще один парень в темных очках и шляпе с высокой тульей и узкими полями. Глаз его за очками не было видно. Над верхней губой у него росли неряшливые усики, а под нижней виднелся едва заметный треугольничек редкой бородки. Кожа была очень светлой, почти цвета алебаstra, как у испанцев знатного происхождения. На нем была белая рубашка с короткими рукавами и узким голубым галстуком и темно-синие брюки. На правом предплечье — татуировка. Кисти рук большие, а на левом запястье — часы. Он стоял, обозревая тротуар и улицу. Когда Хэнк подошел к ним, он даже не повернулся.

— Это окружной прокурор, Фрэнки, — сказал Гаргантюа, но парень продолжал стоять, не оборачиваясь. — Вы нашли ее?

— Да, нашел, — ответил Хэнк. — Она оказала большую помощь.

Он остановился перед ребятами.

Фрэнки не проявлял никакого интереса, продолжая оглядывать улицу. Темные очки хорошо скрывали его глаза.

— Это Фрэнки Анариллес, — представил Гаргантюа. — Он президент «Всадников». Это он дал название нашему клубу. Я не знаю вашего имени, мистер.

— Белл, — сказал Хэнк.

— Фрэнки, это мистер Белл.

Фрэнки кивнул.

— Рад познакомиться, мистер Белл. Что вас привело к нам?

— Рафаэль Моррез. Я веду расследование этого дела.

— О, да. Умер. Им повезло. Казнить их надо, приятель.

— Мы можем вам такое рассказать об эти проклятых «Орлах-громовержцах», что вы упадете и не встанете, поверьте мне, — вставил Гаргантюа.

— Послушайте, я не знаю, как вы, а я не прочь выпить кружку пива, — сказал Фрэнки. — Идем. Я плачу.

Они направились к Пятой авеню. Оба парня шли особой вихляющей походкой, сунув руки в карман, расправив плечи, высоко держа голову и устремив взгляд прямо перед собой. В обоих чувствовалась такая же небрежная уверенность в себе, как у голливудских кинозвезд. Они знали, кто они такие, и носили свою дурную славу с привычным безразличием, хотя и не без некоторой гордости.

Пытаясь завязать разговор, Хэнк спросил:

— Вам нравится Гарлем?

Фрэнки пожал плечами.

— Конечно.

— Почему?

— Что значит — почему? Я здесь живу. Все меня здесь знают.

— Разве тебя не знают в каком-нибудь другом месте?

— О да, знают, когда я проломлю кому-нибудь башку. — Он, довольный, хохотнул. — Да, меня знают эти итальяшки. Но я не это имею в виду. Здесь все меня узнают, когда я прохожу по улице. Все знают, что я — Фрэнки. Все знают, что я — президент «Всадников».

Пройдя Сто одиннадцатую улицу, они подошли к маленькому бару на Пятой авеню. В двух окнах бара красовалась вывеска, написанная золотыми буквами: «Las Tres Guitak»).

— «Три гитары», — перевел Фрэнки. — Мы называем его «Las Tres Putas», что значит: «Три шлюхи». Здесь вы всегда можете подцепить девочку. Приятное место. Здесь подают хорошее пиво. Вы любите пиво?

— Да, — сказал Хэнк.

— Прекрасно. Проходите.

Они вошли. Слева во всю длину стены тянулась стойка бара. Напротив располагались кабины. Трое мужчин стояли у стойки и пили, но как только Хэнк с ребятами вошел в бар, они тут же поставили свои кружки и вышли на улицу.

— Они думают, что вы спецгент, — пояснил Фрэнки. — Все в Гарлеме начинают нервничать, когда дело касается наркотиков. Как только они видят незнакомца, они тут же автоматически считают, что он федеральный агент, который ищет, кого бы арестовать за наркотики. В Гарлеме знают в лицо всех переодетых полицейских, а хорошо одетый незнакомец — бац! — обязательно должен быть агентом. И они не хотят быть вблизи того места, где может произойти арест, так как иногда парень, которого арестовывают, пытается отделаться от этой дряни, вы понимаете?

— Понимаю, — ответил Хэнк.

— Хорошо. Он выбросит эту дрянь, и она может оказаться около вас, у ваших ног, или что-нибудь в этом роде. А следующее, о чем вы узнаете, это то, что вас арестовывают за владение наркотиком, а то и за намерение продать его. Поэтому, если вы замечаете агента, то самое лучшее для вас — бежать без оглядки. Давайте сядем в этой кабине. Эй, Мигель, подай три кружки пива! Здесь хорошее пиво, вам понравится.

Они сели. Фрэнки положил руки на стол. Они казались огромными.

— Итак, вы работаете на Ральфи? — спросил он.

— Допустим, так, — ответил Хэнк.

— Для меня это дело абсолютно ясное, — заявил Фрэнки. — У «Орлов» нет никакого шанса. — Он помолчал, а затем, как бы между прочим, спросил: — А вы как считаете?

— Я считаю, что против них достаточно улик, — ответил Хэнк.

— Ну, тогда, я надеюсь, вы хорошо ими воспользуетесь. Между «Орлами» и черномазыми не такая уж большая разница, чтобы можно было выбрать, кого больше ненавидеть. Однако в этом соревновании «Орлы», я думаю, одерживают верх.

— У вас бывают неприятности с цветными бандами тоже? — спросил Хэнк.

— Неприятность — это наше отечество. Мы находимся прямо посередине. Итальяшки смотрят на нас сверху вниз, черномазые тоже смотрят на нас сверху вниз. Где же наше место? Мы оказываемся в униженном положении, как будто мы не принадлежим к человеческой расе, усекаете? Мы что-то такое, что выползло из канализационной трубы. Черномазые считают, что они что-то из себя представляют, потому что вдруг стали носить белые рубашки и галстуки вместо того, чтобы бегать в джунглях с копьями. Приятель, мой народ — гордая раса. Пуэрто-Рико — не африканские джунгли. А что дает повод итальяшкам думать, что они такие величественные и могущественные? Чем они могут гордиться? Муссолини? Великое дело! Этим парнем Микеланджело? Ну, он еще куда ни шло. Но, черт возьми, что они сделали за последнее время? — Фрэнки помолчал. — Вы слышали когда-нибудь о Пикассо?

— Да, — ответил Хэнк.

— Пабло Пикассо, — повторил Фрэнки. — Он самый выдающийся художник, который когда-либо жил на земле. Я ходил в музей посмотреть на его картины. Приятель, это музыка! И знаете что? У него в венах течет та же кровь, что и у меня.

— Ты ходил в музей смотреть выставку Пикассо? — удивился Хэнк.

— Конечно. Со мной был Гаргантюа. Помнишь?

Конечно, помню. В тот день у нас была драка с «Крестоносцами».

— Да, верно. Когда мы вернулись из музея.

— Кто такие «Крестоносцы»?

— Банда из Вест-Сайда, — ответил Фрэнки. — Цветные парни. Связка бананов. В тот вечер мы отправили их домой со слезами.

— Я скажу тебе правду, — признался Гаргантюа, — большую часть картин Пикассо я не понял.

— Ты болван, — сказал Фрэнки, — Кто говорит, что ты должен их понимать? Ты должен чувствовать. Этот парень рисует сердцем. Он вкладывает все свое сердце в каждую картину. Ты чувствуешь это. Черт возьми, этот парень — испанец!

С любопытством разглядывая Хэнка, буфетчик поставил на стол пиво, а затем вытер руки о фартук и вернулся к стойке.

— Ты знал ребят, которые убили Морреза? — спросил Хэнк.

— Я знаю Ридона и Апосто, — ответил Фрэнки, — Я по-настоящему доволен, что Ридон попал к вам в руки.

— Почему ты так говоришь?

— Ну, Апосто... понимаете... у него не все дома. Я имею в виду, это такой парень, что скажи ему столкнуть в реку свою собственную мать, и он это сделает. Он немного... слабоумный, недоразвитый... Вы понимаете. — Фрэнки согнутым пальцем постучал себя по виску. — Это совершенно точно, потому что мой младший брат учится с ним в училище, так что он знает.

— Что это за училище?

— Авиационное училище в Манхэттене.

— Значит, твой брат говорит, что Апосто умственно отсталый, так?

— Да. Но Ридон другое дело. Ридон — хитрая сволочь.

— Почему ты его ненавидишь?

— Потому, что я ненавижу ничтожества, которые ведут себя как важные персоны, вот почему. Этот парень — пустое место, но он все время пытается завоевать себе имя. Он вбил себе в голову, что к нему присматриваются крупные гангстеры. Он завоевывает себе имя в уличном клубе и думает, что на следующей неделе он будет контролировать профсоюз портовых грузчиков. Уличные драки — глупость, настоящая глупость, понимаете, а он с помощью их пытается создать себе репутацию. И вот теперь он создал ее. Теперь он создал репутацию, которая приведет его прямо на электрический стул. Хотите, я вам кое-что расскажу?

— Что именно?

— В тот вечер, когда убили Морреза, у нас было запланировано сражение. «Орлы» знали об этом. Гаргантюа встречался с их военачальником Дайабло. Испанское имя, как вам это нравится? Итак, все было обговорено: встречаемся на Сто двадцать пятой улице в десять часов вечера. «Орлы» знали об этом, а раз «Орлы» знали, то Ридон знал тоже. И что же получается? Рано вечером он берет идиота Апосто и Ди Пэйса, о котором я никогда не слышал, и устраивает свой собственный пиратский налет на нашу территорию. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Он искал личной славы?

— Конечно, что же еще? Он пытается создать себе репутацию. Естественно, он не предполагал, что его схватят полицейские. Никто не предполагает, что его схватят. Он рассчитывал, что устроит здесь небольшой ад, а затем вернется к «Орлам» и будет избран президентом или что-то в этом роде. Держу пари на сто долларов, что именно так все и произошло. Ридон убедил этих двух дураков пойти сюда. Эй, вы не пьете свое пиво.

Хэнк взял кружку и отпил глоток.

— Хорошее, правда?

— Да, очень хорошее, — согласился Хэнк. — Ты говоришь так, словно знаешь Ридона

очень хорошо.

— Однажды я проломил ему череп. Держу пари, что у него до сих пор есть шрам, — сказал Фрэнки.

— Когда это было?

— В одной из уличных драк. Я ударил его, и он свалился, а затем я двинул его ногой по башке. На мне были армейские ботинки. Я считаю, что всякий, кто идет в уличную драку без армейских ботинок, — не в своем уме. Так что я, должно быть, здорово раскроил ему череп.

— Почему ты ударил его ногой?

— Потому, что он лежал на земле, и я не хотел, чтобы он поднялся.

— Ты бьешь ногой всякого, кто лежит на земле?

— Всякого.

— Почему?

— Потому что я знаю, если я окажусь в таком же положении, они сделают со мной то же самое. Вас когда-нибудь били ногами, мистер?

— Нет.

— Ну, я вам должен сказать, в этом мало приятного, разве только если вам нравится, когда вас топчут ногами. Мне это не нравится, и я делаю это первым. Когда человек лежит и продолжает лежать, он не может причинить вреда. Однажды Ридон ударил меня битой для игры в крикет, вы знаете это? Он чуть не сломал мне ногу, эта сволочь. У меня на него зуб. Можете поверить, если вы не убьете этого сукиного сына, то в один прекрасный день я сделаю эту работу за вас.

— Чтобы тебя схватили? — спросил Хэнк.

— Только не меня... А вообще-то, если бы меня схватили, это было бы не так уж и плохо. Тогда я мог бы положить конец дракам между бандами. Возможно, быть схваченным или еще быть призванным в армию — это единственный выход. Драки — совершенная глупость.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Вы должны жить, не так ли? Вы должны защищать свои права.

— Какие права?

— Свою землю, приятель, свою территорию. В противном случае они все время будут приходить сюда и делать то, что они сделали с Ральфи. Вы должны их остановить, не так ли? Вы не можете позволить им топтать вас.

— Похоже, они думают, что вы пришельцы, — сказал Хэнк.

— Да, страшные пришельцы, — ответил Фрэнки. — Мы только и делаем, что стараемся ладить с ними, а получаем одни неприятности. С такими парнями, как Ридон, вы не можете спокойно даже высморкаться. Он настоящий задира, эта сволочь, и он всегда такой, с самого первого момента, как только стал членом клуба «Орлы-громовержцы». Все они пользуются плохой репутацией, все до одного. Вы когда-нибудь встречались с президентом их клуба?

— Нет. Кто он? — спросил Хэнк.

— Парень по прозвищу Большой Доминик. На самом деле он маленькая креветка и мог бы поместиться у вас в боковом кармане, — Фрэнки покачал головой. — Клянусь богом, я не знаю, где они его выкопали. Разве президент не должен обладать качеством руководителя? Я не хочу сказать, что я большой вождь, но этот тип Доминик годится только для воробьев. И вообще они никакой не клуб, эти подонки.

— Вы сделали бы хорошее дело, если бы отправили всех троих на электрический стул, мистер Белл. — вставил Гаргантюа.

— Да, — согласился Фрэнки. — Вы сделали бы действительно хорошее дело. — Он повернулся лицом к Хэнку. Глаза его все также были спрятаны за темными очками, но вдруг он уже перестал быть поклонником Пикассо с гордой испанской кровью. Его лицо стало суровым, а голос, хотя он и говорил монотонно, звучал угрожающе: — Вы сделали бы действительно хорошее дело, мистер Белл.

— Для них не будет ничего хорошего, если это сойдет им с рук, — сказал Гаргантюа.

— Да, подтвердил Фрэнки. — Многим это может не понравиться.

С минуту они сидели молча. Оба парня в упор смотрели на него, словно пытаясь без лишних слов заставить его понять смысл того, о чем они говорили.

Наконец Хэнк поднялся.

— Ну, спасибо за информацию, — сказал он и полез в карман за бумажником.

— За пиво плачу я, — сказал Фрэнки.

— Ну, в таком случае, спасибо, — сказал Хэнк и вышел из бара.

Мать Рафаэля Морреза приехала в Гарлем из маленького городка Вега Байя, находящегося в Пуэрто-Рико. Там Виолета Моррез должна была работать с восьми утра и до шести вечера. Это верно, что в Нью-Йорке условия были лучше и выше заработок, но в Пуэрто-Рико после работы она шла бы домой к своему сыну, а здесь, в Нью-Йорке, она не могла больше этого делать. Ее сын мертв.

Она приехала в Нью-Йорк по настоянию мужа. Он работал мойщиком посуды в ресторане на Сорок второй улице и обосновался здесь годом раньше, живя у родственников и откладывая деньги, чтобы в конце концов снять квартиру и привезти жену и сына. Она переехала к нему против своего желания. Она знала, что Нью-Йорк — город больших возможностей, но очень любила Пуэрто-Рико и страшилась покидать знакомые и безопасные места. Спустя шесть месяцев после их приезда в Нью-Йорк муж ушел к другой, предоставив ей и сыну самим находить способы к существованию в огромном городе.

Сейчас, в тридцать семь лет (на два года старше жены Хэнка), — Виолете Моррез можно было дать все шестьдесят лет. Она была худая, с изможденным лицом, и только глаза и губы говорили о былой красоте. Квартира ее находилась на четвертом этаже в доме без лифта.

Они молча сидели в маленькой гостиной, и она так смотрела на Хэнка, что он чувствовал себя неловко, понимая: это то же самое, что смотреть в глаза огромному горю, которое требовало одиночества и не нуждалось в сочувствии.

— Что вы можете сделать? — сказала она. — Что вы сможете сделать?

— Я позабочусь, чтобы восторжествовало правосудие, миссис Моррез, — ответил Хэнк.

— Правосудие? В этом городе? Не смешите меня. Правосудие существует только для тех, кто здесь родился. Для других нет ничего, кроме ненависти. Это — город ненависти, сеньор.

— Я пришел искать помощи для дела вашего сына, миссис Моррез. Все, что вы можете рассказать мне...

— Помочь его делу, да. Но не ему. Вы никогда уже не сможете помочь Рафаэлю. Слишком поздно. Мой сын мертв, а те, кто убил его, все еще живут. И, если они останутся жить, они еще будут убивать, потому что это не люди, это — звери. Это — звери, полные ненависти. — Она помолчала, глядя прямо ему в глаза. Затем, словно ребенок, задающий вопрос отцу, почему небо синее, спросила: — Почему в этом городе ненавидят, сеньор?

— Миссис Моррез, я...

— Меня учили любить, — продолжала она, и в голосе ее вдруг послышалась тоска и в то же время нежность, которая на мгновение подавила горе. — Меня учили: самое прекрасное в жизни — любовь. Меня учили этому в Пуэрто-Рико, где я родилась. Там легко любить. Там тепло, люди не спешат и здороваются с тобой на улице. Они знают, кто ты, знают, что ты Виолета Моррез. Они говорят: «Привет, Виолета, как здоровье? Что слышно от Хуана? Как сын?» Это очень важно — чувствовать себя человеком, как вы считаете? Важно знать, что ты — Виолета Моррез и что люди на улице узнают тебя. Здесь совсем иначе. Здесь холодно, все торопятся, и здесь нет никого, кто бы сказал: «Привет, Виолета» или поинтересовался, как ты себя чувствуешь сегодня. В этом городе нет времени для любви. Есть только ненависть. И эта ненависть отняла у меня сына.

— Правосудие восторжествует, миссис Моррез. Я здесь, чтобы позаботиться об этом.

— Правосудие? Есть только одно правосудие, сеньор. Убить убийц так, как они убили его. Надо отнять у них зрение и броситься на них с ножами, как они сделали это с моим Ральфи — это и будет правосудием. Для зверей есть только одно правосудие. А они звери, сеньор, не ошибитесь в этом. Если вы не пошлете этих убийц на электрический стул, больше не будет безопасности. Я говорю вам это всем своим сердцем. Будет только страх. Страх и ненависть, и они вместе будут править городом, а порядочные люди будут прятаться в домах и только молиться богу. Мой Рафаэль был хорошим мальчиком. Он никогда в жизни не сделал ничего плохого. Он был нежным и добрым. Его глаза не видели, сеньор, но у него было большое сердце. Знаете, легко думать, что слепой нуждается в постоянной заботе. Это ошибка, которую мы совершаем. Я сделала ту же самую ошибку. Я постоянно следила за ним, заботилась о нем, постоянно, постоянно, до тех пор, пока мы не переехали сюда. Затем его отец ушел от нас, и я должна была пойти работать. Каждый должен есть. Пока я работала, Рафаэль был на улице, на улице его и убили. Хороший мальчик. Умер.

— Миссис Моррез...

— Вы можете сделать только одно для меня и моего Рафаэля. Только одно, сеньор.

— Что именно, миссис Моррез?

— К ненависти в этом городе вы можете прибавить и мою ненависть, — сказала она, и в ее голосе по-прежнему не чувствовалось горечи, а только пустота и непреходящая озабоченность бездушными фактами, слишком сложными для ее понимания. — Вы можете прибавить и эту ненависть, которую я буду носить в себе до конца моих дней. И вы можете убить ребят, которые убили моего Рафаэля. Вы можете убить их и очистить улицы от зверей. Вот это вы и можете сделать для меня, сеньор. Да простит меня бог, вы можете убить их.

Когда в этот вечер он вернулся домой, Кэрин была в гостинной и разговаривала по телефону. Он прошел прямо к бару, налил martini: чмокнул жену в щеку и стал прислушиваться к концу ее разговора.

«Да, Филлис, конечно, я понимаю, — сказала она. — Приходящую нянюку всегда трудно найти, и к тому же, я знаю, мне надо было предупредить тебя раньше. Мы надеялись, что ты все же сможешь прийти. Нам хотелось познакомить тебя... Да, я понимаю. Ну, ничего, в другой раз. Конечно. Спасибо за звонок и передавай привет Майку, хорошо? Пока».

Она повесила трубку, подошла к Хэнку.

— Ну, как прошел день? Мне можно martini?

Он налил ей, вздохнул и сказал:

— Дело все больше запутывается. Когда я иду в Гарлем, я чувствую себя так, словно запускаю руки в трясину. Я не могу достать дна, Кэрин. Все, что я могу сделать, — это ощупывать вокруг руками и надеяться, что не напорюсь на острые камни или осколки от разбитых бутылок. Я разговаривал с девушкой, которая была с Моррезом в тот вечер, когда его зарезали. Ты знаешь, что он вытащил из кармана, что защита называется ножом?

— Что?

— Губную гармошку. Как тебе это нравится?

— Адвокаты все равно будут настаивать, что их подзащитные приняли ее по ошибке за нож.

— Что ж, вполне возможно... Похоже, что этот Башня-Ридон — настоящая находка, если верить его врагам. — Он помолчал. — Кэрин, невозможно понять обстановку в Гарлеме, пока не увидишь все собственными глазами. Там почти все чертовски нелогично. Эти группы ребят напоминают армии, готовые к бою. У них есть свои военные советники, арсеналы, слепая ненависть к врагу, форменные куртки. Причины, побуждающие к военным действиям, такие же бессмысленные, как и причины, используемые для оправдания большинства войн. У них нет даже объединяющего лозунга. Их войны — это просто образ жизни, и это единственный образ жизни, какой они знают. Понимаешь, Гарлем был гнилым местом, когда я жил там, а сейчас он стал еще более гнилым, так как к этой гнили

прибавилось все то, что принесли с собой трущобы и нищета. Создается впечатление, словно эти ребята вынуждены жить в тюрьме, которую они еще и сами разделили на множество маленьких тюрем, произвольно установив границы, — это моя земля, это твоя земля, ты придешь сюда — я тебя убью, я приду туда — ты меня убьешь. Получается так, будто жизнь у них была недостаточно тяжелой, и они должны были сделать ее более тяжелой, создавая внутри большого гетто систему маленьких гетто. Знаешь что, Кэрин? Мне кажется, я мог бы спрашивать их до посинения, пытаюсь выяснить, почему они сражаются, и думаю, что они отвечали бы мне, что они должны защищать свою землю, или своих девушек, или свою гордость, или свою национальную честь, или черт знает, что еще. Но я уверен, что они в действительности сами не знают ответа.

Он помолчал, разглядывая бокал.

— Может быть, в конце концов, что-то кроется в этой идее «вынужденного поведения». Может быть, все эти ребята просто больны?

— Больны, больны, больны, — повторила Кэрин.

— Это было бы смешно, — мрачно сказал Хэнк, — если бы не было так чертовски серьезно.

— Я не хотела...

— Кэрин, если бы эти трое ребят не пошли в тот вечер в испанский Гарлем, чтобы убить Морреза, я уверен, что, рано или поздно, трое пуэрториканских ребят пришли бы в итальянский Гарлем и убили бы одного из «Орлов-громовержец». Я слушал, как они говорили о своих врагах. Это не детская игра в «полицейские и воры», Кэрин. Когда они говорят, что хотели бы убить кого-то, это значит, что они действительно хотели бы убить. Это видно по их глазам.

— Ты не можешь прощать убийц на том основании, что однажды они сами могли бы стать жертвами.

— Нет, конечно, нет. Я только думаю о том, что мне сказала сегодня вечером миссис Моррез, мать убитого парня.

— И что она сказала?

— Она сказала, что те, кто убил ее сына, — звери. Они действительно звери, Кэрин?

— Не знаю, Хэнк.

— А если они действительно звери, то кто завел их в этот лес, где они сейчас бродят?

— То же самое можно было бы сказать о любом убийце, Хэнк. Все люди — продукт своего общества, но, тем не менее, у нас есть законы, чтобы защищать...

— Если мы пошлем на электрический стул этих троих ребят, остановим ли мы тем самым троих других ребят от совершения убийства?

— Возможно.

— Да, возможно. Но, возможно, и нет, а в таком случае к бессмысленному убийству Морреза, мы прибавили бы бессмысленное убийство Ди Пэйса, Апосто и Ридона. Разница будет заключаться лишь в том, что наше убийство имело бы санкцию общества.

— Это уж слишком! — сказала Кэрин.

— Проклятье, где же правосудие? И что такое правосудие, черт возьми?

Зазвонил телефон. Кэрин подошла и сняла трубку: «Алло? — она помолчала. — О, привет, Элис, как дела? Прекрасно, спасибо, все здоровы. — Она снова замолчала, слушая. — Да? — сказала она. — О, да, понимаю. Да, хорошо, это понятно. Нет, конечно, я не думаю, что ты должна его оставлять. Да, я понимаю. Надеюсь, он скоро почувствует себя лучше. Спасибо, что предупредила, Элис». Она положила трубку.

— Элис Бентон? — спросил Хэнк.

— Да.

— В чем дело?

— Она не может прийти в эту субботу. — Кэрин помолчала, покусывая губу. — Я пригласила на ужин в субботу кое-кого из соседей, Хэнк, познакомиться с Абе Самалсоном.

— Что-нибудь случилось?

— У Фрэнка жар. Элис считает, что ей не следует оставлять его одного.

Снова зазвонил телефон.

— Я отвечу, — сказал Хэнк, ставя бокал и подходя к телефону. — Алло? В чем дело, Джордж?

— Натолкнулся на небольшое препятствие. Хэнк, дружище. Боюсь, что мы с Ди вынуждены будем пропустить торжество у вас в субботу.

— Что за препятствие, Джордж?

— Босс решил послать меня в конце недели в Сиракузы для переговоров с возможным заказчиком. Что мне остается делать? Я раб своих тайных хозяев, только на этот раз они не такие уж тайные.

— Понятно, — ответил Хэнк. — Когда уезжаешь?

— Думаю, что завтра. Вернусь в понедельник, если начальство не изменит решения.

— Давно встречался с Макнелли или Пирсом? — спросил Хэнк.

— Что?

— С Джоном и Фрэдом, нашими соседями. Давно их видел?

— Ну, я часто их встречаю где-нибудь. Ты знаешь, как это бывает.

— Я знаю точно, как это бывает, Джордж. Спасибо за звонок. Мне жаль, что вы не сможете прийти в субботу. Впрочем, у многих наших соседей, оказывается, появился насморк или выяснилось, что в Пеории у них умирает бабушка. Может быть, вам стоит собраться всем вместе и устроить свою собственную вечеринку.

— Не понимаю.

— Вы можете сделать, например, симпатичный деревянный крест и поджечь его на моей лужайке.

— Хэнк?

— Что, Джордж?

— Я действительно должен ехать в Сиракузы. Это не имеет ничего общего с той ерундой, которую распространяют Макнелли и Пирс.

— Хорошо.

— Ты мне веришь?

— Чему тут не верить?

— Мне просто хотелось, чтобы ты знал это. Я не собираюсь указывать, как тебе надо выполнять свои обязанности. — Табольт помолчал. — Винодность по ассоциации тоже грех, не так ли?

— Извини, Джордж.

— Мне хотелось бы, чтобы ты знал, что я не присоединился к ордам варваров. Причина моего отсутствия — законная. Между прочим, мне очень хотелось познакомиться с Самалсоном.

— Хорошо, Джордж. Мне очень жаль, что вы не сможете прийти. Спасибо за звонок.

— До скорой встречи, — сказал Табольт и повесил трубку.

— Кого ты еще пригласила? — спросил Хэнк.

— Кронинов.

— Они еще не звонили?

— Нет.

— Думаешь, позвонят?

— Не знаю.

Он подошел к ней и обнял.

— Ты сердишься?

— Нет. Просто немного грустно. Мне в общем-то нравилось наше окружение.

— Не говори так, словно завтра мы переезжаем отсюда.

— Я не это имела в виду. Я не думала, что люди, которые здесь живут... — она покачала головой. — Разве это плохо, если человек выполняет свою работу так, как считает нужным?

— Я всегда считал, что это единственно правильный путь выполнения своей работы, — ответил Хэнк.

— Да, — Кэрин помолчала. — В таком случае, черт с ними. Как бы там ни было, я достаточно эгоистична, чтобы ни с кем не делиться удовольствием видеть Абе.

— Правильно, — Хэнк улыбнулся.

— Меня только одно удивляет: если эти великодушные жители Инвуда, эти столпы, формирующие общественное мнение, могут вести себя подобным образом, то что мы можем ожидать от ребят, живущих в Гарлеме? Может быть, и не должно быть никакой причины? Может быть, люди больше предпочитают ненавидеть, чем любить?

Зазвонил телефон.

— Это Кронины, — сказал Хэнк. — Все заодно. Теперь мы знаем, что все на этой улице считают, что мы должны как можно скорее похоронить Морреза и забыть о нем. И, может быть, нам следует в парке поставить памятник этим парням, которые убили его. Ты ответишь, или мне это сделать?

— Я отвечу, — сказала Кэрин.

— Похороните Морреза, пока он не начал смердеть, похлопайте молодых убийц по плечу и скажите: «Хорошая работа, мальчики» и тем самым вы заслужите бурные аплодисменты со стороны Макнелли и Пирса и всех безупречно чистых протестантов в нашей округе.

— Кронины католики, — заметила Кэрин. — Ты начинаешь говорить, как Макнелли.

— Я просто использовал образные выражения, — ответил Хэнк.

Кэрин сняла трубку.

— Алло? — С минуту она слушала, а затем, продолжая слушать, многозначительно кивнула Хэнку головой.

ГЛАВА IX

Судья Самалсон сидел на террасе, запрокинув лысую голову, разглядывал небеса и вертел в тонких пальцах рюмку к коньяком, время от времени делая маленькие глотки.

— Бартон в своей газете неплохо разделал тебя, Хэнк, — сказал Самалсон.

— О, да, — согласился Хэнк.

— Я думаю, это сыграет тебе на руку. Он изображает тебя смелым и романтичным. Найдется ли кто-нибудь во всем городе Нью-Йорке, кто не хотел бы приподнять подол ирландской красотке? Не скажу, чтобы я поверил хоть единому слову в этой статейке, однако она является иллюстрацией того, как опасны неумелые сочинения. В ней Бартон делает попытку уничтожить тебя, а чего он достигает? Он создает романтическую фигуру.

— Мне эта история не показалась такой уж романтической, — ответил Хэнк.

— Ты слишком чувствительный. Американские Майки Бартоны — люди, достойные не ненависти, а смеха. Дайте Бартону непромокаемый плащ с теплой подкладкой и скандальную сплетню — и он счастлив.

— Я хотел бы с вами согласиться. Абе, — ответил Хэнк.

— Ты был самым заядлым спорщиком из всех моих студентов, а я преподавал право четырнадцать лет. Я мог бы добавить со всей справедливостью, ставшей моей судейской обязанностью, что ты подавал самые большие надежды.

— Спасибо.

— Думаю, за четырнадцать лет, пока я преподавал право, у меня было не больше шести студентов, которые должны были стать юристами. Остальным следовало торговать обувью. — Самалсон помолчал. — Или это предвзятое мнение?

— Тут, возможно, есть элемент снобизма...

— Кстати, отец Дэнни Ди Пэйса, он содержит обувной магазин, не так ли? Что он за человек?

— Я никогда с ним не встречался.

— Вот что я хочу сказать, правонарушение не вырастает на пустом месте. Если ребенок оказался плохим, то в девяти случаях из десяти это связано с какими-нибудь неприятностями у его родителей.

— Ну, и что же нам делать? Преследовать родителей?

— Я не знаю, что нам делать, Хэнк. Закон не предусматривает распределение вины. Если три человека тайно замышляют убийство, а только один из них нажимает на курок пистолета, то все равно судят всех троих, как соучастников. С другой стороны, если родители воспитывают парня, способного убить, то они не считаются правонарушителями. Но разве они, говоря по справедливости, не способствовали преступлению? Разве они не были соучастниками?

— Это большой вопрос, Абе. С него вы можете начать собственную телевизионную программу «вопросов и ответов».

— Этот вопрос возникает в моем суде ежедневно, и ежедневно я принимаю решение и выношу приговор согласно закону, по которому наказание должно соответствовать преступлению. Но иногда я задумываюсь над тем, что такое правосудие.

— Вы? Абе, не может быть?

— Увы, но это так и строго между нами. И, если ты скажешь об этом хоть одной живой душе, я сообщу корреспондентам, что ты в студенчестве теоретически разрабатывал защиту по делу Сакко и Ванцетти.

— Он никогда ничего не забывает. Кэрин, — воскликнул Хэнк.

— Мне хочется знать, почему вы сомневаетесь в правосудии? — спросила Кэрин.

— Я не сомневаюсь в нем, я задумываюсь над тем, что такое правосудие, ибо не уверен в том, что когда-нибудь в своем суде я отправил истинное правосудие.

— В таком случае, что такое истинное правосудие?

— Истинного правосудия не существует, — ответил Самалсон. — Является ли возмездие правосудием? Является ли правосудием библейский завет «око за око»? Я сомневаюсь в этом.

— Тогда, где же правосудие? — спросил Хэнк.

— Отправлять правосудие — значит руководствоваться правдой, быть непредубежденным, беспристрастным и справедливым. Такой вещи, как правосудие, не существует.

— Почему?

— Потому, что правосудие отправляют люди, а такого человека, который был бы правдивым, справедливым, беспристрастным и непредубежденным, нет.

— Тогда мы можем забыть закон и порядок и стать варварами, — сказал Хэнк.

— Нет. Закон придуман людьми, чтобы служить людям. Хотя наше правосудие и несовершенно, оно, по крайней мере, является попыткой отстоять свойственное человеку достоинство. Если кому-то причинили зло, обязанность общества возместить нанесенный ему ущерб. Твоему Рафаэлю Моррезу причинили зло. У него украли жизнь. И сейчас общество, выступая от имени Морреза, требует возмещения ущерба. Преследуя судебным порядком тех, кто причинил ему зло, тем самым ты отстаиваешь человеческое достоинство Рафаэля Морреза.

— И это правосудие? — спросил Хэнк.

— Нет, это не правосудие, потому что, если бы мы в действительности искали правосудия, то дело Морреза поглотило бы всю нашу жизнь. Разве ты не понимаешь, Хэнк? В нашем суде мы имеем дело только с белыми и черными фактами. Совершили ли эти парни преступление по отношению к другому парню? Если да, то они виноваты в предумышленном убийстве и должны понести наказание в соответствии с законом. Если нет — они свободны. А где же серые факты? Как может человек быть справедливым, правдивым и беспристрастным, когда перед ним только очевидные факты, то есть белые и черные?

— Обвинение от имени народа представит все факты, Абе, и ты знаешь это.

— Факты преступления, да. И, конечно, от обеих сторон будут присутствовать

психологи, и защита попытается доказать, что эти несчастные ребята были введены в заблуждение и являются продуктом нашего времени, а ты будешь доказывать, что мы не можем сваливать вину на наше время и что современный убийца ничем не отличается от убийцы колониальных времен. Через три недели присяжные будут выслушивать все это, взвешивая факты, связанные с преступлением, а я буду разъяснять им юридические аспекты этого дела. И затем они вынесут свое решение. И, если они придут к заключению, что парни невиновны, я их освобожу, а если они придут к заключению, что они виновны в преднамеренном убийстве, и если они не будут просить о снисхождении, я вынесу приговор, предписанный законом. Я пошлю этих ребят на электрический стул.

— Понимаю, — сказал Хэнк и утвердительно кивнул.

— Но будет ли это правосудием? — Самалсон с сомнением покачал головой. — Я не верю в то что правосудие очень часто торжествует. На свободе ходит столько убийц, что я не берусь их сосчитать. И я не говорю о тех, кто нажимает на курок пистолета или вонзает нож. До тех пор, пока человечество не решит, где начинается акт убийства, истинного правосудия не будет. Будут люди, вооруженные риторикой, наподобие репортера Майка Бартона, участники игры по отправлению правосудия, притворщики.

Самалсон взглянул на звезды.

— Может быть, требуется бог. Мы только люди, — угрюмо сказал он.

Хэнк был аккуратен и тщателен, готовил дела с педантичностью математика. Представляя факты, он старался не оставить места для домыслов. Постепенно, шаг за шагом, воссоздавал картину преступления так, что к моменту его заключительной речи разрозненные улики оказывались связанными в единую, ясную и неоспоримую картину, из которой можно было сделать только один вывод. Это была нелегкая задача — внедрить в сознание присяжных факты и в то же время создать впечатление, будто присяжные сами дали им собственную оценку. Однако, и он чувствовал это инстинктом актера, присяжные требовали еще и представления. Они хотели видеть зрелище, особенно в деле с убийством. Поэтому очень важной была последовательность вызова свидетелей, чтобы их показания, якобы без каких-либо усилий со стороны обвинителя, привели к выявлению ошеломляющей правды. Обвинитель должен проявить беспокойство и в отношении того, как дело будет вести защита, и быть готовым ко всем неожиданным выпадам с ее стороны. В результате он вынужден был готовить две линии: свою собственную и линию защиты.

В понедельник утром, за три недели до начала судебного процесса, на письменном столе Хэнка царил хаос. Стол был покрыт листками бумаги. Большие блокноты с разлинованной бумагой исписаны торопливым почерком. Папки со свидетельскими показаниями сложены в стопку на одном углу стола, папка с заключением психологов — на другом.

Блокнот для памяток содержал краткие записи того, что еще оставалось сделать:

Позвонить в полицейскую лабораторию! Где, черт возьми, заключение по поводу ножей?

Встретиться с Джонни Ди Пэйсом?

Главарь «Орлов-громовержцев» — Большой Доминик?

День рождения Дженни, август 26.

Хэнк хорошо воспользуется этими ножами, играя на естественном чувстве страха, возникающем при виде лезвия, и устроит демонстрацию орудий убийства во время показаний самих убийц, которых он собирался вызвать в качестве свидетелей последними. Он знал, конечно, что нельзя заставить их давать показания против самих себя, и если они откажутся занять свидетельское место, то судья Самалсон тут же разъяснит присяжным, что этот отказ никоим образом не должен быть истолкован как признание своей вины. Впрочем, Хэнк был уверен, что Апосто позволят давать показания, хотя бы для того, чтобы установить его слабоумие, и тогда подсознательная неблагоприятная реакция присяжных удвоится по отношению к Ридону и Ди Пэйсу, если одному из ребят разрешат давать показания, а двум

другим — нет. Кроме того, поскольку ссылка на самооборону была единственным шансом у ребят, то вряд ли защита станет возражать против их свидетельских показаний. Ввиду этого он чувствовал полную уверенность в том, что сумеет заполучить парней на свидетельское место, а как только они там окажутся, он из их собственных уст узнает, что произошло в тот вечер.

Но вначале он представит ножи. Итак, черт возьми, где заключение? Раздраженный он набрал номер телефона лаборатории полицейского управления, и его соединили с сотрудником по имени Алекс Харди.

— Говорит мистер Белл из бюро по делам убийств, — представился он. — Я веду дело Рафаэля Морреза. Оно будет слушаться в суде ровно через три недели. Я жду заключение по поводу орудий убийства, но до сих пор все еще не получил его.

— Моррез, Моррез, о, да, — сказал Харди. — Пуэрториканский парень. Да, верно, ножи у нас.

— Я знаю, что они у вас. Как в отношении заключения?

— Видите ли, начальник лаборатории Денис Бенел в отпуске, и он не оставил никаких указаний относительно этих ножей.

— Хорошо, кто его замещает? Не разваливается же ваше заведение на части, если один человек уходит в отпуск?

— Я соединю вас с лейтенантом Кэноти.

Вскоре в трубке раздался резкий голос.

— Кэноти слушает.

— Говорит Белл, помощник окружного прокурора из бюро по делам убийств. Меня интересует заключение об орудиях убийства по делу Рафаэля Морреза. Когда я могу получить его?

— Почему такая спешка? — спросил Кэноти.

— Через три недели дело будет слушаться в суде, вот почему такая спешка.

— Как только будет возможность, я поручу кому-нибудь сделать анализ ножей, мистер Белл.

— Большое спасибо. Когда я получу заключение?

— Как только оно будет готово.

— А когда оно будет готово?

— В настоящий момент у нас не хватает сотрудников. Половина наших людей в отпуске, а убийства в этом прекрасном городе совершаются каждый день, мистер Белл. По вашему мнению расследование одного дела важнее, чем решение другого дела, но наш департамент полиции придерживается другой точки зрения. Мы не можем всех удовлетворить, мистер Белл. Мы напряженно трудимся и стараемся выполнять нашу работу как можно лучше. Однако я уверен, что вас не интересуют наши внутренние проблемы.

— И ваша ирония, лейтенант. Могу я получить заключение к началу следующей недели?

— Конечно, если оно будет готово.

— Лейтенант Кэноти, мне будет чертовски неприятно, если я буду вынужден по этому вопросу обратиться к окружному прокурору.

— Мне также будет очень неприятно, если это случится, мистер Белл. В особенности сейчас, когда мы заняты проектом, который спихнул нам один из комитетов мэра города. Вы понимаете, мистер Белл?

— Понимаю, если я не получу заключение к утру следующего понедельника, то вы обо мне услышите.

— Я с удовольствием поговорил с вами, — сказал Кэноти и повесил трубку.

Хэнк бросил трубку на рычаг. Как, черт возьми, он может, по их мнению, докопаться до сути дела без сотрудничества? Как он может показать начало, середину и конец сцены убийства без... «До тех пор, пока человечество не решит, где начинается акт убийства, правосудия не будет».

Слова судьи. Для человека, сидящего в судейском кресле, это более чем странные слова.

Впрочем, Хэнк не мог заниматься философскими проблемами. Нет. Независимо от того, что сказал судья, обязанность Хэнка была ясна: вести дело в соответствии с обвинительным актом большого жюри — предумышленное убийство. Только это, и больше ничего. Должен ли он предъявить обвинение всему городу Нью-Йорку? Или оно кончается на трех парнях? Кто виноват? Весь штат? Вся страна? Весь мир? Можно было бы возложить ответственность на народы всех времен и прийти к противоречивому заключению, что виноваты все и никто не виноват. И в этом случае убийцы бродили бы по улицам, а цивилизация была бы уничтожена.

Хватит.

Он знал, что ему надо делать: представить дело, предъявить факты и добиться вынесения обвинительного приговора трем убийцам. Он решительно взял папку с заключением психологов по поводу Антони Апосто. Письмо из госпиталя «Белльвью» было адресовано судье Абрахаму Луису Самалсону, от которого исходило судебное постановление о направлении Апосто на освидетельствование. В письме говорилось:

ДЕПАРТАМЕНТ ГОСПИТАЛЕЙ

Госпиталь «Белльвью», психиатрическое отделение.

Конфиденциально, только для вашего сведения.

Судье Абрахаму Луису Самалсону, уголовный суд, третья секция.

В ответ на Ваше постановление от 25-го июля сего года об освидетельствовании Антони Апосто, представляем заключение о результатах психологического обследования, проведенного 28-го июля сего года Чарльзом Адисоном, магистром психологии, штатным психологом палаты по выявлению коэффициента интеллекта личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Все проведенные тесты дают основание считать, что юноша в настоящее время ведет себя на уровне своего врожденного интеллекта или близко к нему, что характерно для слабоумных: слабое восприятие действительности, недостаточная рассудительность и слабый эмоциональный контроль.

Тест, на основании которого можно определить наличие органических изменений в организме, например, опухоль в мозге и так далее, указывает, что органических изменений центральной нервной системы нет. Предполагаемый диагноз: слабоумие при эмоционально незрелой и слабо развитой личности.

С уважением, Уолтер Дерего, заместитель директора психиатрического отделения госпиталя «Белльвью».

Хэнк положил заключение обратно в папку.

Если до этого у него были какие-либо сомнения относительно линии защиты Антони Апосто, то, сейчас они полностью рассеялись. При наличии такого заключения (а его копия вне всякого сомнения будет представлена также и в распоряжение защиты), Хэнк знал, что у него не было ни малейшего шанса добиться вынесения обвинительного приговора для Апосто. По правде говоря, он и не считал, что вынесение такого приговора было бы истинным правосудием.

«Истинного правосудия не существует».

Опять слова судьи. И, конечно, разве было бы справедливым наказать Апосто за совершенное им преступление, не считаясь с его умственным развитием? Око за око, зуб за зуб. Где же кончается Апосто-существо и начинается Апосто-личность? Что отделяло убийцу от слабоумного? Разве они не были одним и тем же человеком? По общему признанию — да. И все же, нельзя послать на электрический стул парня с развитием десятилетнего ребенка. Это не было бы правосудием. Это было бы слепой защитной реакцией.

Слепой.

Рафаэль Моррез был слепым. Но разве его недостаток не был таким же большим, как и слабоумие Апосто? Да, но слепота не спасла его от быстрого приговора, вынесенного ему Апосто, а слабоумие Апосто все же спасает его от приговора народа штата Нью-Йорк. «В этом, — решил Хэнк, — и заключается разница между животным и человеком».

«Правосудие», — подумал он. — «Правосудие».

На этой неделе в среду вечером он не думал о правосудии. Он был охвачен всепоглощающим гневом в отношении той несправедливости, которая произошла с ним самим.

Он поздно задержался в своем кабинете, составляя план допроса Луизы Ортега. Он решил использовать тот факт, что девушка была проституткой, а не пытаться скрыть его от присяжных. Позднее защита все равно разбила бы показания, если бы Хэнк скрыл род ее занятий, и поэтому он старался так сформулировать свои вопросы, чтобы девушка предстала как жертва обстоятельств, вынужденная из бедности и голода заняться древнейшей на земле профессией. Он также не считал правильным сообщить о том факте, что она имела, по крайней мере в одном известном случае, близкие отношения с Моррезом. Хэнк понимал, что присяжным Моррез представлялся беззащитным слепым парнем, жертвой трех хладнокровных убийц. Ему не хотелось разрушать этот идеальный образ, давая возможность хотя бы мельком взглянуть на то, что могло бы им показаться низменным.

Надо быть очень осторожным при отборе присяжных. Он имел право заявить по каждому судебному делу неограниченное число отводов по любой причине, а также право на безусловный отвод до тридцати шести предлагаемых присяжных. При идеальном варианте ему хотелось бы, чтобы по крайней мере трое присяжных были пуэрториканцами, но он знал, что это невозможно. Было бы удачей, если бы защита разрешила ему включить в число присяжных хотя бы одного пуэрториканца. Мысленно рассуждая о том, кого он предпочел бы иметь в качестве присяжных, мужчин или женщин, он пришел к выводу, что в этом не будет большой разницы. Мужчины с большей готовностью воспримут показания Луизы Ортега, подсознательно они могут проявить мужскую солидарность с тремя убийцами, в то время как женщины в силу своего материнского инстинкта, могут встать на защиту образа Морреза, но они наверняка восстанут против всего, что будет сказано под присягой проституткой.

И, как это почти всегда бывало, все сведется к интуиции. Задавая кандидату в присяжные вопросы, Хэнк моментально почувствует, будет ли он беспристрастен. Хэнк знал адвокатов, утверждающих, что лучший метод отбора присяжных — сразу же дать согласие на первых двенадцать мужчин и женщин и на этом остановиться. Хэнк придерживался другого мнения, считая, что успех зависит не от простой случайности, и поэтому во время опроса присяжного пытался установить, понравился ли он лично этому человеку или нет. В конце концов, он был одним из главных актеров в представлении, и если присяжные не проникнутся к нему симпатией, положение его будет довольно трудным.

Его личным критерием при отборе присяжных были их глаза. Он всегда становился очень близко к мужчине или женщине, и ему хотелось верить, что он мог по их глазам определить, есть ли у них интеллект или нет, могут ли они быть справедливыми, или у них есть предубежденность, питают ли они к нему лично симпатию или антипатию. Возможно, этот его критерий был ошибочным. Конечно, случалось, что при слушании в суде совершенно бесспорных дел он включал в список жюри таких присяжных, мнение которых, в конечном счете, шло вразрез с его мнением. И все же если глаза не были зеркалом души (он забыл, кто первый сказал это), то тогда он не знал, какая другая часть тела наиболее точно отражала внутреннее строение человека.

В шесть часов вечера Хэнк позвонил Кэрин, чтобы предупредить, что задержится.

— О, это очень грустно, — сказала она. — Значит, мне предстоит ужинать одной.

— А разве Дженни нет дома? — Нет, она ушла.

— Бога ради, куда эта девчонка все время исчезает?
— В «РадиоСити» идет новый фильм с участием Брандо. Она пошла туда с девочками.
— С соседскими девочками? — спросил он многозначительно.
— Нет. Похоже, что соседские девочки избегают нашу дочь. Она пошла со школьными подружками.

— Какого черта, — проворчал Хэнк, — они не могут даже ее оставить в покое? Когда она вернется, Кэрин?

— Не очень поздно. Не беспокойся об этом. Вокруг дома, как часовые, ходят два детектива. Один из них довольно симпатичный. Возможно, я приглашу его на ужин.

— Ну, ну, только посмей.

— Ты будешь ревновать?

— Ничуть, — ответил он. — Но это может привести к тому, что в Инвуде будет совершено убийство. Дорогая, я, возможно, приду очень поздно. Если не будет настроения, не жди меня.

— Я буду ждать. Хэнк, если тебе будет одиноко, позвони мне снова, ладно?

— Ладно.

Улыбнувшись, он повесил трубку и снова принялся за работу. В семь часов десять минут вечера раздался телефонный звонок. Рассеянно Хэнк поднял трубку:

— Алло?

— Мистер Белл, — раздался чей-то голос.

— Да, — сказал Хэнк.

Никакого ответа.

— Да. Мистер Белл слушает.

В аппарате царило полное и непрерываемое молчание.

Ничего не говоря, он ждал, когда на другом конце линии повесят трубку.

Трубку не вешали. На фоне тишины его кабинета молчание в телефоне казалось особенно многозначительным. Он почувствовал, как вспотела ладонь руки, сжимавшей черную пластмассовую телефонную трубку.

Хэнк облизнул губы. Сердце его колотилось, и он негодовал на это глупое прерывистое сердцебиение.

— Я вешаю трубку, — неожиданно для себя проговорил он вслух. Его заявление не произвело никакого впечатления на того, кто находился на другом конце линии.

Хэнк бросил трубку.

Когда он взял план допроса Луиза Ортега, руки его дрожали.

В этот вечер он ушел из кабинета в девять часов вечера.

Фанни, со слегка поникшей головой, с копной седых волос, открыла двери лифта, который все еще работал.

— Привет, Хэнк, — сказала она. — Засиживаешься за работой по ночам?

— Хотел закончить дело Морреза, — ответил он.

— Да, — произнесла она, закрывая дверь лифта. — Да, что поделаешь? Такова жизнь.

Он усмехнулся, но тут же вспомнил про телефонный звонок и усмешка сошла с его губ. Он вышел на улицу, взглянул на часы — девять часов десять минут. Если ему повезет, он будет дома около десяти. Выпить с Кэрин по стаканчику на ночь, возможно, на открытом воздухе, и затем спать.

Это был восхитительный, тихий вечер. Он пробудил в его душе какое-то смутное волнующее воспоминание. Он не мог точно определить его, но почувствовал себя вдруг очень молодым. Он знал, что это воспоминание связано с его юностью, с запахом летнего вечера, с гигантской черной аркой небосвода над головой, усеянного звездами, со звуками города вокруг него, мириадами звуков. Соединяясь вместе, они превращаются в один звук, характерный только для большого города, и который является его сердцебиением. В такой вечер, когда на фоне темного неба сверкают, словно драгоценные камни, огни города,

отражаясь в водах Гудзона, хорошо было ехать на автомашине с открытым верхом по автостраде Вест-Сайда. В такой вечер хорошо было слушать «Лауру». Такой вечер предназначался для того, чтобы показать человеку, что романтика — это реально существующая вещь, ничего общего не имеющая с ежедневной мышинной возней.

Он невольно улыбался, когда входил в парк «Сити Холл». Он шагал легко, расправив плечи и высоко подняв голову, и чувствовал себя властелином города Нью-Йорка. Весь этот город целиком и полностью принадлежал ему, вся эта гигантская сказочная страна шпилей, минаретов и устремляющихся ввысь башен была создана только для его удовольствия. Хэнк ненавидел этот город, но, ей-богу, он пел в его крови и звучал наподобие сложной фуги Баха. Это был его город, а он был частью его. Вот почему, когда он проходил под распростертыми ветвями деревьев парка, ему казалось, словно он был слит воедино с его бетоном, асфальтом, железом и сверкающей сталью, словно он действительно олицетворял собой город и мгновенно понял, как чувствовал себя Фрэнки Анариллес, идя по улицам испанского Гарлема.

В этот момент он увидел ребят.

Их было восемь человек. Они сидели на двух скамейках, расположенных по обе стороны тропинки, которая, извиваясь, вела через парк. Лампочки на фонарях не горели. Скамейки, на которых сидели ребята, находились в полной темноте, и он не мог разглядеть их лица. Темнота еще больше сгущалась благодаря арке, образуемой густой кроной деревьев, растущих вдоль тропинки по крайней мере футов на пятьдесят. Темный участок тропинки начинался приблизительно шагов за десять от него.

Он заколебался и замедлил шаг, вспомнив про телефонный звонок: «Мистер Белл» — и затем молчание. Ему было интересно, означал ли этот звонок, что кто-то хотел убедиться в том, что он все еще находится в своем кабинете. К его дому в Инвуде было приставлено двое детективов, но... Вдруг ему стало страшно.

Ребята сидели на скамейках молча и неподвижно, наподобие восковых фигур, окутанных непроницаемой темнотой. Они сидели и ждали. У него было желание повернуться и выйти из парка, но он тут же решил, что это глупо. В этой группе юношей, сидевших в парке, не было ничего угрожающего. Бог ты мой, наверняка тысячи полицейских патрулируют в этом районе! Его правая нога вступила на неосвещенную часть тропинки, за ней последовала левая, затем снова правая и затем его окутала темнота. Когда он приблизился к скамейкам с их молчаливым грузом, к нему снова совершенно внезапно вернулся страх.

Ребята сидели тихо. Когда он проходил между скамейками, не глядя по сторонам и ничем не проявляя своего отношения к их присутствию, они не разговаривали и, как ему показалось, почти не дышали.

Нападение произошло быстро и в неожиданной форме, так как, если он и ожидал его, то что-нибудь вроде удара кулаком, а вместо этого что-то твердое, извивающееся, что-то живое с неистовством хлестнуло его по груди. Он сжал кулаки и повернулся к первому нападающему, но такой же живой ужас обрушился из темноты на его спину, и он услышал лязг металла, звук металлических цепей. Цепей?

Неужели они пользовались цепями? Но тут же почувствовал резкий удар по лицу чем-то металлическим, и у него уже не оставалось сомнения, что оружием в руках этих восьмерых ребят были цепи для автомобильных шин, снабженных шипами.

Он нанес удар по темной фигуре, и кто-то застонал от боли, а в это время другая цепь с размаху ударила его по ногам. Он ощутил страшную боль. Она пронзила весь позвоночник и взорвалась где-то внутри головы.

Следующий удар пришелся по груди, но он успел ухватиться за цепь и с силой дернул ее на себя, чувствуя, как распарывались его ладони о металлические шипы.

Вся эта сцена сопровождалась удивительным молчанием. Никто из ребят не вымолвил ни слова. Изредка раздавался стон, когда кому-нибудь из них он наносил удар, но ни один из них не произнес ничего членораздельного. Раздавался только звук тяжелой работы да лязг

металлических цепей, молотящих в тесноте по его телу до тех пор, пока он не стал ощущать боль повсюду, но методическое избиение все еще не прекращалось. Одна из цепей полоснула его по икре левой ноги, и он почувствовал, что теряет равновесие. В его голове пронеслась мысль: «Я не должен падать, они затопчут меня, они будут бить меня армейскими ботинками», и тут же упал, стукнувшись плечом о бетонированную тропинку. В тот же самый момент кто-то ударил его ботинком по ребрам, несколько цепей опустились на лицо с дикой силой средневековой булавы. А затем удары цепей и ботинок смешались, вызывая одну общую боль. По-прежнему не было произнесено ни слова, слышался только лязг цепей, тяжелое дыхание ребят да приглушенный шум автомашины, доносившийся откуда-то с улицы.

Его охватила ярость, бессильная слепая ярость. Притупляя боль, она угрожала поглотить его. Это было несправедливое избиение, но в руках своих противников он был беспомощен и ничего не мог поделать. Он не мог остановить шипы, раздирающие его одежду, его тело, не мог удержать опускавшиеся на него тяжелые ботинки. «Прекратите, вы, проклятые дураки! — мысленно кричал он. — Вы хотите убить меня? Какого черта вы этим добьетесь?»

Хэнк почувствовал, как от удара ботинком по лицу лопнула кожа и потекла теплая кровь. «Я должен уберечь зубы», — мелькнуло у него в голове. В следующий момент ему показалось, что на него обрушивается весь город и что все звуки его устремляются на темный участок на тропинке парка размером в пятьдесят футов, в этот круговорот, где хлещут цепи и раздаются удары ботинками, ботинками. А внутри его росло страшное возмущение по поводу такой несправедливости к нему, и он задыхался от бессильной злости, пока, наконец, безумная, наподобие взрыва, боль в затылке, от которой из глаз у него посыпались искры, не унесла его, как вихрь, в небытие.

И в самый последний момент, когда он еще не полностью потерял сознание, он подумал, что даже не понял — кто это: «Орлы-громовержцы» или «Всадники»?

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

ГЛАВА X

Она стояла у кровати.

На ней была белая юбка и черный свитер, светлые волосы подняты вверх и завязаны на макушке маленькой ленточкой.

— Привет, пап, — сказала она.

— Привет, Дженни.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного лучше.

Он находился в госпитале уже три дня, но это был ее первый визит. Сидя на кровати с забинтованным лицом и телом, он смотрел на солнечные лучи, игравшие в волосах дочери, и благодарил бога, что прошла боль. Единственная боль, которая осталась, — это боль в его памяти о том, что с ним произошло. Полиция нашла его в парке после полуночи. Он лежал на тропинке, а вокруг были пятна крови. Позднее в госпитале доктор сказал ему, что он находился в тяжелом состоянии. Они обработали его раны и дали успокаивающее, и сейчас, спустя три дня, боль в теле прошла. Но другая боль все еще оставалась, боль недоумения, боль оттого, что он не мог понять этого нападения, которое само по себе было бессмысленным и жестоким.

— Почему они избили тебя, пап? — спросила Дженни.

— Я сам толком не знаю, — ответил он.

— Это имело какое-нибудь отношение к делу Морреза?

— Да. В искаженном смысле, я полагаю, имело.

— Ты делаешь что-нибудь неправильно?

— Неправильно? Почему? Нет. Что дает тебе основание так думать?

Дженни пожала плечами.

— Что, Дженни?

— Ничего. Просто... я подумала, может быть, ты делаешь что-нибудь неправильно. — Не думаю, Дженни.

— Хорошо, — сказала она и помолчала. — Мамуля пошла навестить парня, который написал тебе угрожающее письмо. Относительно тех «Орлов-громовержцев». Ты помнишь это письмо?

— И что?

— Полиция схватила его, папа. Он калека.

— Калека?

— Жертва полиомиелита. Он хромает. Его портрет был помещен в газете. Пап, он выглядит очень печальным. Когда я увидела его портрет, мне захотелось узнать, что значит быть калекой и... и вырасти в Гарлеме. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да. Думаю, что да.

— Мамуля сегодня утром ходила навестить его. Полиция ей разрешила. Она спросила его, действительно ли он имел намерение убить тебя.

— И что он ответил?

— Он сказал: «Да, черт возьми! Иначе зачем бы я стал посылать эту записку». — Она помолчала. — Но он не участвовал в избиении. Он даже не член клуба «Орлы-громовержцы», и на тот вечер, когда тебя избили, у него есть алиби. Перед тем, как прийти сюда, я говорила с мамулей по телефону. Она сказала, что его отпустят под залог.

— Сколько?

— Две тысячи долларов. Пап, не правда ли, это покажется странным?

— Что, Дженни?

— Если бы у меня были две тысячи долларов, я бы внесла этот залог. Потому что, пап, он выглядел таким печальным. Он выглядел таким чертовски печальным. — Она помолчала. — Это о чем-нибудь говорит тебе?

— Немного, — ответил он.

Дженни кивнула.

— Они скоро отпустят тебя отсюда?

— Через неделю. Может быть, немного позже.

— Пап, каким бы ни был исход этого дела, есть... есть такая вероятность, что тебя снова будут бить?

— Полагаю, что такая вероятность существует.

— Ты боишься?

Они посмотрели друг другу в глаза, и он понял, что она ждала от него честного ответа, и все же он солгал.

— Нет, — ответил он. — Я не боюсь. — И моментально понял, что сделал ошибку.

Дженни отвернулась.

— Ну, — сказала она, — я думаю, мне пора идти. Мамуля просила передать тебе, что она будет сегодня вечером.

— Ты придешь еще, Дженни?

— Ты хочешь, чтобы я пришла? — спросила она и снова посмотрела прямо ему в глаза.

— Да, мне хотелось бы, чтобы ты пришла.

— Я постараюсь, — ответила она. — Но не раньше, чем через неделю. Мамуля посылает меня в Рокавэй пожить у Андерсонов.

— Вот как? Когда это было решено?

— Вчера вечером. — Дженни поколебалась. — Я думаю, мамуля боится, что со мной может что-нибудь случиться, если я останусь в городе.

— Понимаю, — сказал Хэнк.

— Ты тоже думаешь, что со мной может что-нибудь случиться?

— Не знаю.

— Ну, — Дженни пожала плечами, — я пойду, пап. — Она склонилась над кроватью и быстро поцеловала его. — Поправляйся.

Он наблюдал, как она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

Хотя Кэрин ежедневно навещала его, следующая неделя тянулась очень медленно. В течение этой длинной одинокой недели он часто думал о нападении и удивлялся, будет ли он когда-нибудь в состоянии забыть этот вечер в среду, эту безмолвную жестокость напавших на него ребят. Он много вынес из этого избиения. Он понял, что избиение превращает человека — ни больше, ни меньше — в открытую рану, вопиющую в ночи о своей боли. Хэнк знал, что человек, однажды подвергшийся избиению, никогда не забудет боли, унижения и слепого ужаса своей беспомощности.

И все же, несмотря на это, банды в Гарлеме вели регулярные войны между собой. Разве, следуя простой логике, каждое сражение между бандами не имеет побеждающую сторону и сторону, потерпевшую поражение? И разве каждый из членов банды, в то или иное время, не испытал боль поражения? И тем не менее, как у них хватало мужества противостоять пистолетам, ножам, разбитым бутылкам и цепям от автомобильных шин? Как они могли так приспособить свое сознание, чтобы не бояться, зная наперед, что, если упадут, их наверняка втопчут в мостовую? Или они были бесстрашными героями, решительными людьми без нервов?

Нет.

Они боялись. Он знал, что они боялись. И все же дрались.

За что? За что?

Он не знал ответа. Этот вопрос мучил его всю неделю. Он был благодарен за передышку от своих мыслей и своего одиночества, когда в два часа дня в палату вошла медицинская сестра, женщина около пятидесяти лет.

— Вы чувствуете себя в состоянии с кем-либо говорить, мистер Белл? — спросила она.

— В любое время, — ответил он. — Чем могу служить?

— О, это не со мной, — сказала она. — За дверью ждет посетитель.

— Кто?

— Джон Ди Пэйс.

— Пусть войдет.

Поправив позади себя подушки, он стал ждать Ди Пэйса, чувствуя себя довольно странно. Он собирался встретиться с человеком, который много лет назад отнял у него Мэри. Однако сейчас он испытывал только любопытство, его интересовала встреча не с мужем Мэри, а с отцом Дэнни Ди Пэйса.

Дверь широко распахнулась, и в палату вошел высокий человек, который, казалось, смущался своего роста. Он неуверенно подошел к кровати. У него были темные волосы и карие глаза. На первый взгляд, Джон Ди Пэйс производил впечатление человека с мягким характером. Не зная его, никогда не говорив с ним, Хэнк моментально понял, что это был добрый человек и неожиданно обрадовался тому, что он здесь.

— Присаживайтесь, мистер Ди Пэйс, — пригласил он, протягивая руку. Ди Пэйс пожал ее и неловко сел.

— Я не знал, следовало ли мне приходить, — сказал Ди Пэйс. Говорил он тихо, почти шепотом, и снова инстинктивно Хэнк понял, что этот человек и во время гнева редко повышал голос. — Но я читал о том, что случилось, и... я подумал, что мне лучше прийти. Я надеюсь, вы ничего не имеете против.

— Я рад вас видеть, — ответил Хэнк.

— Как вы себя чувствуете?

— Сейчас хорошо. Завтра я выхожу отсюда.

— О, значит я застал вас вовремя.

Ди Пэйс колебался.

— В самом деле было так плохо, как писали в газетах?

— Думаю, что так.
— Восемь человек. — Ди Пэйс покачал головой. — Я не могу этого понять. — Он помолчал. — А вы?

— Нет. Не совсем.

— Это были... пуэрториканцы? Или друзья Дэнни?

— Я не знаю. Было темно...

— Впрочем, это не имеет значения, — сказал Ди Пэйс и нервно засмеялся, но тут же остановился, и в его глазах была такая глубокая печаль, какую Хэнк никогда не видел на лице у мужчины.

— Я этого просто не понимаю, — продолжал он. — Может быть, люди ведут себя подобным образом во время войны? Вы были в армии?

— Да, — ответил Хэнк.

— Да, конечно. Глупо спрашивать об этом. Были... — голос его замер. — А я не был в армии. — Он замолчал. — Мой друг обычно посылал мне фронтовой журнал «Янки».

— Это был хороший журнал, — заметил Хэнк.

— Да. В то время я и встретил Мэри... А сейчас мой сын — убийца. — Он потряс головой. — Мистер Белл, объясните мне, пожалуйста, я не понимаю, у меня голова раскалывается, но я не понимаю. Я ничего не могу понять!

Хэнк почувствовал, что в любую минуту Джон может разрыдаться.

— Мистер Ди Пэйс, — сказал Хэнк, — есть много вещей, о которых мы...

— Знаете, что я делал с тех пор, как все это случилось? — продолжал Ди Пэйс — Я детально перебирал в памяти все, что мы когда-либо делали, каждое слово, которое я когда-либо говорил сыну, каждый шлепок, который я когда-либо ему дал, каждый подарок, который я ему сделал, каждое место, куда я его водил. Я проследил все это шаг за шагом, дюйм за дюймом, пытаюсь понять, почему он это сделал. Весь вопрос в том, что, если он это сделал, винить надо не его. «Где я ошибся? — спрашивал я себя. — Где? Где? Когда я проглядел своего сына?»

— Вы не можете винить себя за обстановку трущоб, в которой рос Дэнни. С ним было бы, возможно, все в порядке, если бы...

— В таком случае, кого мне винить? Кого мне винить за то, что меня уволили с завода на Лонг Айленде? Кого мне винить за решение вернуться в Гарлем? Мистер Белл, кого мне винить за то, что я неудачник, а мой сын — убийца?

— У вас есть...

— У меня есть жизнь, и она сложилась неудачно, мистер Белл. Джон Ди Пэйс — неудачник. Даже Дэнни знал об этом. Мэри? Мэри меня любит. Что бы я ни делал, для нее все хорошо. Но нельзя ожидать такой же любви от ребенка. Ребенку надо доказать, что ты настоящий мужчина. А что я доказал Дэнни? Я помню, как он впервые узнал, что я не был в армии. Однажды он спросил: отец моего друга был моряком, а кем был ты? Я ответил: меня не призвали в армию из-за перфорированной барабанной перепонки. Он спросил, что это значит? Я объяснил: в барабанной перепонке отверстие, и через него мог бы проникнуть отравляющий газ. «Ты не был нигде? — спросил он. — Ты никем не был?..» Вы летали на бомбардировщиках над Германией, мистер Белл, а я был никем.

— Не говорите глупостей. Кто хотел идти на войну?..

— Я хотел! Но как объяснить восьмилетнему ребенку, когда он хочет знать только одно: его отец был героем? После этого разговора я случайно услышал, как он разговаривал на улице с одним мальчиком. Тот рассказывал ему, что его отец служил на эсминце, потопленном камикадзе. Когда он кончил, Дэнни сказал: «Ты бы видел коллекцию марок моего отца. Держу пари, это самая большая коллекция в мире». Коллекционер почтовых марок против моряка на затонувшем эсминце!

— Не думаю, чтобы это имело какое-либо отношение...

— У вас есть дети, мистер Белл?

— Да. Дочка. Ей тринадцать лет.

— С девочками легче. Я считаю, что вам повезло.

— С ними тоже не так уж легко.

— У вас когда-нибудь было такое чувство, что вы не знаете собственного ребенка?

— Иногда.

— Я нередко испытывал это чувство даже до того, как это случилось, до... убийства. Я часто смотрел на Дэнни и видел, как он растет у меня на глазах, и понимал, что очень скоро он станет мужчиной, а я даже не знаю его. Я недоумевал, когда он стал личностью по имени Дэнни Ди Пэйс, самостоятельной личностью, отличавшейся от людей, которые произвели его на свет. Я удивлялся, откуда он вдруг явился, этот незнакомец, сидевший с нами за обеденным столом и рассказывающий о друзьях, которых я даже не знал. Откуда он пришел? Кто он? Мой сын? Не может быть. Мой сын был совсем малютка, которого я держал на руках, а он сосал из своей бутылочки. Кто этот человек, почти мужчина, которого я почти не знаю? Вам приходили когда-нибудь в голову такие мысли, мистер Белл? В отношении вашей дочери?

— Да, — ответил Хэнк, чувствуя себя неловко. — Иногда.

— Но девочки совсем другое дело. Вы можете о них не беспокоиться. Я где-то читал, что ежегодно арестовывают мальчиков в пять раз больше, чем девочек.

— Вы правы, — согласился Хэнк.

В комнате наступила тишина. Затем Ди Пэйс сказал:

— Знаете, вчера вечером я кое-что вспомнил. Это случилось сразу после того, как я потерял работу. Я помню, что я был во дворе, укрывал на зиму кусты. Мы уже окончательно решили продать дом и переехать обратно в Гарлем, но, понимаете, я не люблю, когда погибают растения, а это был очень плохой угол во дворе, где в зимнее время обычно дули сильные ветры и могли повредить кусты. День был чистый и ясный. Вы знаете такие дни. На мне был старый свитер, я помню...

(Ди Пэйс работает тщательно и без устали. Его коричневый свитер изношен на локтях, но он ему нравится. Это подарок Мэри, сделанный много лет тому назад, когда они были еще молодыми и он ухаживал за ней. Тогда он напоминал ему армейский свитер. Сейчас свитер пропах потом и запачкан краской от прошлых работ по дому, но теплый и хорошо на нем сидит. Ди Пэйс знает, что он никогда не поплнеет и никогда не похудеет. Он останется таким, какой есть, до самой смерти.)

Когда Дэнни подходит к нему, он не оборачивается, а продолжает укрывать куст брезентом, крепко привязывая его шпагатом у самой земли. Дэнни тринадцать лет. Он высокий, начинающий мужать мальчик, расстающийся с неуклюжестью длинноногого подростка и превращающийся в хорошо сложенного юношу. С минуту он молча наблюдает за работой отца.)

Дэнни: «Папаша...»

(Он никогда не называл своего отца папой. Применительно к отцу это слово кажется ему несколько слабым. Ему хотелось бы найти такое слово, которое передавало бы теплоту, дух товарищества и мужскую солидарность. Дэнни остановился на слове «папаша», которое, хотя и не полностью, но все же отвечало его требованиям.)

Ди Пэйс: «В чем дело, Дэнни?»

Дэнни: «Это правда, что мы переезжаем?»

Ди Пэйс: «Да, это правда. Подай мне, пожалуйста, вон тот моток шпагата».

(Дэнни подает отцу шпагат, некоторое время наблюдая, как он укрывает куст. Ему хотелось бы помочь отцу. Он помнит, что ему всегда хотелось помочь отцу с тех пор, когда он был еще совсем маленьким. Когда его отец красил, он обычно выходил и спрашивал, не мог бы он тоже покрасить, но его отец всегда отвечал одно и то же: «Нет». В какой-то мере Дэнни понимал это. Его отец — аккуратный и добросовестный работник, и ему не нравится, когда ребенок замедляет его работу или вносит беспорядок. Но Дэнни по-прежнему хотелось, чтобы когда-нибудь он мог бы помогать своему отцу.)

Дэнни: «Куда мы переезжаем?»

Ди Пэйс: «В Гарлем. Поддай мне те ножницы».

(Дэнни подает ему ножницы и вспоминает, что в нескольких случаях, когда он помогал отцу, то всегда только или подавал что-то, или держал. В своем воображении он представлял себе картину, как они вместе с отцом красят стену дома, сидя на одних и тех же лесах. Он называет отца Джонни, и они шутят и смеются, а во время обеда, сидя вместе на лесах, едят бутерброды, приготовленные Мэри. Затем Джонни говорит: «Ну, начали!», и они вновь принимаются красить стену. Время от времени они поют. Пение начинается самопроизвольно и прекращается так же быстро, как и началось, обычно заканчиваясь смехом. В конце дня они спускаются на землю и, отступив от стены на некоторое расстояние и упершись испачканными в краске руками в бедра, оценивающе осматривают свою работу, и Джонни говорит: «Чертовски хорошая работа, сын. Давай пойдем и купим себе по бутылке содовой».)

Дэнни: «Мне очень не нравится Гарлем».

Ди Пэйс: «Ничего, ты привыкнешь к нему, Дэнни. Мы с матерью думаем, что для нас это самое лучшее...

Дэнни: «Однажды я там видел, как избивали цветного парня».

Ди Пэйс: «Когда это было?»

Дэнни: «Когда умер дедушка, во время похорон. Я шел с Кристиной. Мы собирались купить мороженое».

Ди Пэйс: «Ты никогда не рассказывал мне об этом».

Дэнни: «Они гнались за этим цветным парнем. Их было несколько человек. Он пытался влезть в кузов машины, остановившейся перед светофором, но машина набрала скорость, и он упал, а ребята окружили его. Они били его урной. Я помню, как он лежал на улице, а ребята молотили его урной по спине. Он просто лежал, прикрывая руками затылок... Затем появились полицейские».

Ди Пэйс: «Ты никогда мне об этом не рассказывал».

Дэнни: «А потом, когда я и Кристина оказались позади одного из ребят, он сказал: «Парень, ты видел, как я саданул этого черномазого? Я, должно быть, раскроил ему череп урной». Вот что он сказал и засмеялся. С ним был еще один парень, и он тоже засмеялся... Папаша, мне не нравится Гарлем».

Ди Пэйс: «Понимаешь, у меня нет больше здесь работы, Дэнни. А этот обувной магазин...»

Дэнни: «Папаша, мы обязательно должны переехать в Гарлем? Папаша, мне действительно не нравится Гарлем. У меня здесь друзья и...»

Ди Пэйс: «Там у тебя появятся новые друзья».

Дэнни: «Я не хочу дружить с ребятами, которые били урной цветного парня».

Ди Пэйс: «Не все ребята в Гарлеме такие».

Дэнни: «Папаша, выслушай меня. Можешь ты на минуту прекратить работу? Можешь выслушать меня?»

Ди Пэйс: «В чем дело, Дэнни?»

Дэнни: «Я не хочу жить в Гарлеме, папаша, пожалуйста. Я не хочу там жить».

Ди Пэйс: «Это не так просто, как ты думаешь, Дэнни. Я потерял работу».

Дэнни: «Ну, бога ради, почему тебе надо было терять ее?»

Ди Пэйс: «Они сократили производство, Дэнни. Это не моя вина».

Дэнни: «Я не хочу жить в Гарлеме!»

Ди Пэйс (с некоторым раздражением): «Ты будешь жить там, где мы вынуждены жить!»

Дэнни: «Папаша, пожалуйста, разве ты не понимаешь? Я не мог бы там жить. Я бы... я бы...»

Ди Пэйс: «Ты бы, что?»

Дэнни: «Я бы... я бы... »

(Он поворачивается и убегает. С минуту отец удивленно смотрит ему вслед, а затем

снова принимается за работу.)

Он так никогда и не закончил эту фразу? — спросил Хэнк.

— Нет, — ответил Ди Пэйс — Но вчера вечером, размышляя над ней, я понял, что он пытался мне сказать. И что же он пытался сказать?

Он пытался сказать, что он бы боялся. Боялся. — Ди Пэйс помолчал. — А я не захотел его выслушать.

ГЛАВА XI

В пятницу, за три дня до судебного процесса, в кабинете Хэнка, лицо которого все еще было покрыто пластырем, хотя он и выписался из госпиталя, раздался телефонный звонок.

— Мистер Белл, говорит лейтенант Кэноти. Я получил заключение.

— Заключение? Какое заключение?

— Что с вами, Белл? Теряете бодрость духа? Вы были готовы идти к своему боссу из-за этих ножей, помните?

— Помню.

— Тогда где же сейчас воинствующий помощник окружного прокурора? — Кэноти помолчал. — Или уличное избиение лишило вас жизненных сил?

— Я занят, Кэноти. Говорите короче.

Кэноти довольно хохотнул и сказал:

— Мы проделали серию анализов. Первоначальные отпечатки пальцев на ножах довольно смазаны, но есть кое-что интересное.

— Что именно?

— Ну, вы сами увидите, когда получите заключение. Я посылаю вам его копию вместе с ножами.

— Когда я получу все это? — спросил Хэнк.

— Отправляю сейчас. Суд будет не раньше понедельника, так что у вас целых два дня, чтобы поразмыслить. — Кэноти снова хохотнул. — Надеюсь, это не расстроит дела, мистер Белл.

— Что вы имеете в виду?

— Прочитайте лучше сами. Там есть кое-что любопытное. До свиданья, мистер Белл. Приятно было иметь с вами дело.

Хэнк положил трубку на рычаг, но в ту же секунду телефон снова зазвонил.

— Белл? Говорит лейтенант Ганнисон с двадцать седьмого участка. Вы можете сюда подъехать? Это связано с делом Морреза.

— Сейчас не могу уйти, — ответил Хэнк. — Только после обеда.

— Я буду здесь весь день. Приезжайте, когда будет удобно. Вам надо кое с кем тут поговорить.

— Хорошо, до встречи, — сказал Хэнк и повесил трубку.

Заключение прибыло только в половине третьего. Хэнк, собирая перед уходом из кабинета свой портфель, засунул туда вместе с другими бумагами заключение полицейской лаборатории, замкнул в ящике стола положенные в конверт ножи.

Он намеревался заглянуть к Ганнисону, а от него направиться прямо домой и сделать последние приготовления по делу Морреза перед тем, как в понедельник приступить к отбору присяжных.

В 27-й полицейский участок Хэнк прибыл в начале четвертого.

У входа в оперативную комнату его остановил человек в рубашке с короткими рукавами и револьвером 38 калибра, торчавшим из кобуры, прикрепленной ремнями под мышкой.

— Что вам угодно, сэр? — спросил он.

— Ганнисон звонил мне сегодня утром и просил заехать. Я — Белл: из окружной прокуратуры.

— Здравствуйте. Я детектив Левин. Входите и присаживайтесь. Я доложу лейтенанту, что вы здесь.

Левин пошел в кабинет лейтенанта и через минуту вышел вместе с Ганнисоном.

— Мистер Белл? — сказал Ганнисон. — У вас есть несколько минут?

— Конечно. Что случилось?

— Сегодня утром у меня был посетитель, восемнадцатилетний парень по имени Доминик Саварес. Вам это имя говорит о чем-нибудь?

— А, да. Я слышал о нем. Что он вам рассказал?

— Будет лучше, если вы услышите об этом от него самого. Я знаю, где можно его найти. Вы располагаете временем?

— У меня масса времени.

— Прекрасно.

Хэнк заметил, что все время, пока они шли по Гарлему, у Ганнисона на лице было такое выражение брезгливости, словно в заднем кармане брюк у него был пакет с отбросами, но вместо того, чтобы выбросить их в ближайшую урну, он предпочитал стоически и со злобой терпеть исходившую от них вонь.

Всю дорогу взгляд его скользил по лицам, а выражение брезгливости усиливалось.

— Гарлем, — сказал он наконец, — прекрасен, не правда ли? Я торчу в этом паршивом полицейском участке двадцать четыре года. Я предпочел бы концентрационный лагерь. Взгляните на них!

— Они выглядят не так уж плохо, — заметил Хэнк.

— Это потому, что вы их не знаете. Все они воры, все до одного. Или сутенеры, или шлюхи, или аферисты. Взгляните на них! Каждый второй здесь, — наркоман. В Гарлеме столько наркотиков, что ими можно обеспечить все человечество на десять лет вперед.

— Неужели вы ничего не предпринимаете?

— Пытаемся. Отделение по борьбе с наркотиками тоже не дремлет. Но у нас не хватает людей. Вы думаете, здесь были бы уличные банды, будь у нас достаточно полицейских? Мы колотили бы этих ребят дубинками всякий раз, как только они просто осмеливались бы косо посмотреть на кого-нибудь. Во всяком случае, половина из них нуждается в этом.

— Может быть, — сказал Хэнк.

— В этом случае нет никаких «может быть». Хулиган есть хулиган, а эти ребята все хулиганы. Между прочим, я не встречал ни одного хулигана, который тут же не начал бы реветь после первого же удара. — Он помолчал. — Мы идем в бильярдную на Второй авеню. Там мы можем найти Большого Доминика.

— Значит, по вашему мнению, все, что мы должны сделать, это стать жестокими, и тогда мы решим проблему детской преступности, верно?

— Верно. Хороший пинок в зад вместо всех этих нежностей. С каких это пор психиатры стали решать, что правильно и что неправильно? Преступник есть преступник! У нас уже достаточно психов в сумасшедших домах и нечего пытаться оправдывать каждого преступника под предлогом, что он психически неуравновешенная личность. Кто в наше время психически уравновешенная личность? Вы? Я? Мы все немножечко того, но мы, тем не менее, соблюдаем законы. Решение простое: раскраивать их проклятые черепа. Если хулиган выходит за рамки дозволенного, отправлять его в тюрьму, а ключ выбрасывать. Это и есть решение вопроса. — Он замолчал. — Вот мы и пришли. Сейчас вы встретите еще одного хулигана, которого следовало бы упрятать за решетку, когда ему было шесть лет.

Они поднялись на второй этаж. На лестнице стоял сильный запах мочи. В то время как они поднимались, Хэнк удивлялся: был ли где-нибудь в Гарлеме хоть один лестничный пролет, где бы так не пахло.

Большого Доминика они нашли стоящим за бильярдным столом, расположенным в конце зала. Он кивнул лейтенанту, собрал шары в «пирамиду», затем разбил их, пытаясь отбить угловой шар, но промахнулся и с силой врезался в шары кием, они раскатились по всему столу. Пожав плечами, Доминик взглянул на вошедших и сказал: «Скверный удар».

— Это окружной прокурор, Доминик, — представил Ганнисон. — Он хочет с тобой поговорить. Хочет услышать то, что ты рассказывал мне.

— Да? — Большой Доминик внимательно посмотрел на лицо Хэнка. — Кто-то избил вас, мистер Белл?

— Не умничай, щенок! Ты читаешь в газетах то же самое, что и все другие. Выкладывай мистеру Беллу то, что ты говорил мне.

— С удовольствием, — сказал Большой Доминик.

Он был низкого роста, широкоплечий, с толстой шеей и широкой талией. Ему было трудновато дотянуться до дальнего шара. Длинные черные волосы, пышные бакенбарды, в левой мочке уха круглая золотая серьга, не выглядевшая на нем по-женски. Если что и поражало в нем, так это исходившая от парня бычья сила, и как только Хэнк увидел его, он сразу понял, что Фрэнки Анариллес был неправ в суждении об этом парне. Какие бы ни были у него недостатки (а, похоже, плохая игра на бильярде была не главным из них), у этого парня определенно имелись данные руководителя. В присутствии полицейского лейтенанта и окружного прокурора он продолжал катать шары по бильярдному столу так, словно был нефтяным магнатом, которого посетили в его поместье, расположенном на холмах Калифорнии. Промазав два раза подряд, он внимательно осмотрел кий и заметил:

— Не удивительно. Кий кривой. — Подойдя к стойке, выбрал другой и, прищурившись, посмотрел вдоль него, проверяя, прямой ли он, а затем вернулся к столу.

— Итак, вы хотите услышать мой рассказ? — спросил он.

— Да, — ответил Хэнк.

— М-м, — Большой Доминик прицелился и снова промазал. Было похоже, что новый кий заметно не улучшил его игры.

— Вы знаете, кто я? Я Большой Доминик... Пятый в середине. — Ударил и промазал. — Или этот проклятый стол неровный, или пол покатый.

— Я слышал о тебе, — сказал Хэнк.

— Еще бы. Все знают обо мне. Мое имя было в газетах в общей сложности шестнадцать раз. Однажды они указали неправильно мой адрес — Он высморкался и, прицеливаясь, присел так, что едва был виден из-за края стола:

— Восьмой в угол. — Ударил и опять промазал. — Вы знаете, почему меня называют Большой Доминик? — спросил он, выпрямляясь.

— Хватит, прекрати болтовню, — рассердился Ганнисон. — Мистер Белл — занятый человек.

— Они зовут меня Большой Доминик потому, что я коротышка, — сказал он и засмеялся. — Но каждый из них знает, что если он когда-нибудь на самом деле осмелится назвать меня коротышкой, он труп. — Он снова засмеялся. — Труп. Поэтому они зовут меня Большой Доминик.

— Ты очень отважен, щенок, — саркастически заметил Ганнисон. — Расскажи мистеру Беллу свою историю, пока я не обломал этот кий о твою башку.

— Ребята, которых вы собираетесь отправить на электрический стул, мистер Белл, — хорошие ребята.

— Они совершили убийство, — ответил Хэнк. Большой Доминик пожал плечами:

— На протяжении всей истории хорошие ребята убивали людей. Во время войны — чем больше вы убьете людей, тем больше получите медалей. И не становитесь хуже.

— Что заставляет тебя считать, что эти ребята хорошие?

— Все они отважные, — ответил Большой Доминик, — и смелые. На них можно положиться. Они не спрячутся в кусты, если предстоит драка с другим клубом. Они настоящие ребята.

— Ди Пэйс — член клуба «Орлы-громовержцы»?

— Нет, мистер. Он не принимает участия в деятельности нашего клуба... Двенадцатый от борта в угол. — Его «предсказание» после удара по шару не сбылось. — Плохо намелил кий, — сказал он и взял мел. — У нас в клубе все стоят друг за друга, мистер. Дэнни не был

одним из нас, но он также никогда ни от чего не уклонялся. Когда бы мы ни шли на драку, он всегда был с нами. Он никогда нас не подводил.

— Он хороший боец? — спросил Хэнк.

Большой Доминик пожал плечами.

— Что увидишь, если вокруг тебя все прыгает? Но он выбил дурь из нашего Бада, когда только что приехал сюда. Я не был там, но Дайабло мне рассказал. Позже мы послали ребят проучить Дэнни. Но с ним все в порядке, поверьте мне. Он хороший парень.

— Который вместе с другими хорошими парнями убил Рафаэля Морреза.

— Может быть, Морреза следовало убить, — заметил Большой Доминик. — Кем, вы думаете, он был? Ангелом или чем-то в этом роде?

— Он был слепым, — ответил Хэнк.

— Ну, так что? Слепота делает его ангелом?

— О чем ты говоришь?

— Выкладывай свою историю, — сказал Ганнисон. — У нас нет времени торчать тут весь день.

— Хорошо, хорошо. — Большой Доминик отложил кий. — Если мне не изменяет память, дело было весной. Началось все с испанской девчонки, с ней спали многие из наших ребят, вы понимаете. В ней не было ничего особенного, но она была всегда под рукой. Кто-то из «Всадников» пронюхал об этом. Похоже, эта девчонка не представляла для них никакой ценности, вы понимаете, что я имею в виду. Но вдруг ни с того ни с сего, только потому, что с ней спали «Орлы», они проявили к ней повышенный интерес. Из-за этого нам и пришлось встретиться: мне, Фрэнки, Дайабло и Гаргантюа. До случая с этой девчонкой между нами было затишье.

— Затишье?

— Да, так сказать, не было сражений. Вы что, думаете, что мы сражаемся все время? Мистер, вы считаете, что у нас нет других, более интересных дел?

— Ну, хорошо, что дальше?

— Итак, мы пытались решить, где это должно произойти и все остальное. Вначале мы думали, что это будет бой по правилам, вроде бокса. Но потом плюнули и решили устроить настоящую драку, только мы не могли выбрать место и договорились встретиться снова на следующий день вечером. Но нельзя верить этим испанским парням. Все они наркоманы. За дозу наркотика они убьют собственную мать. И вот, в тот же самый вечер, когда еще не было выбрано место сражения, в тот же самый вечер...

(Семеро «Орлов-громовержцев» — Большой Доминик, Дайабло, Боч, Бад, Ридон, Апосто и Кончо — сидят на крыльце одного из жилых домов. С ними сидит и Дэнни Ди Пэйс. Ребята пускают по кругу бутылку дешевого вина. Находящиеся с ними девушки не пьют. Не потому, что они вообще не пьют, а потому, что не хотят пить на ступеньках крыльца на виду у людей. Кроме того, девушки в этот вечер ведут себя сдержанно. Они слышали о предстоящей драке между их ребятами и «Всадниками» и знают, что причиной ссоры послужила четырнадцатилетняя шлюха по имени Роузи, испанка и, вероятно, больная. В особенности была оскорблена Кэрл, потому как предполагается, что она и Дайабло собираются пожениться, и она догадывается, что и Дайабло тоже имел дело с этой испанской проституткой. Кэрл не разговаривает с ним с тех пор, как узнала об этом случае, и сейчас именно она задает тон. Отличительная черта всех членов банды — их постоянная бдительность. Прогуливались ли они по улицам квартала, сидели ли на ступеньках крыльца или бесцельно стояли на перекрестке, их взгляд постоянно скользил по улицам, наблюдая за всем, в ожидании внезапного нападения. В этот вечер у них нет обычной осторожности. Под воздействием вина, которое они пьют в отместку за холодное отношение девушек, они забыли об осторожности, а в Гарлеме это может кончиться плохо.

Нападение совершается быстро и неожиданно.

Из-за угла на улицу с визгом вылетает автомобиль и, накренившись, въезжает на тротуар, едва не сбив Бада, прыгнувшего с крыльца. За ним мчится другая машина, преследуя Кончо, который прыгнул с крыльца вслед за Бадом и пытается перебежать улицу, чтобы попасть в подвал, где спрятан пистолет. Дверцы машин распахиваются, и на мостовую выскакивают двенадцать ребят. Они быстро бегут к крыльцу. Водители дают газ и на полной скорости исчезают с улицы. «Всадники» вооружены. Первым замечает это Доминик.)

Большой Доминик: «У них оружие! Рассыпайся!»

(Раздаются выстрелы. Находящиеся на грани опьянения, «Орлы-громовержцы» срываются с крыльца и, спотыкаясь, бегут по улице, пытаясь спастись от выстрелов. К счастью, пистолеты самодельные и только с одним зарядом. В Гарлеме легко достать и настоящее огнестрельное оружие, «Всадники» гордятся тем, что у них на вооружении имеется три пистолета 38 калибра. Однако в этот вечер по тем соображениям, что причина для ссоры очень слаба, они пользуются оружием, которое в Гарлеме считается устаревшим. Кажется маловероятным, чтобы в этот вечер они вообще намеревались нанести противнику серьезные повреждения. Они, вероятно, подготовили и совершили это нападение, чтобы избежать предстоящей драки из-за Роузи.

Однако самодельный пистолет хотя и стреляет неточно и не имеет убойной силы настоящего пистолета, тем не менее не является игрушкой. Вылетающие из стволов этих самодельных пистолетов пули 22 калибра — те же самые пули, и они также могут убить.

Пуля попадает Большому Доминику в ногу. Он падает на тротуар и ползет, надеясь найти безопасность в подвале. К нему подбегает Башня, Ридон и Дэнни Ди Пэйс, хватают его за руки и волокут к ступенькам, ведущим в подвал углового дома.

Вооруженными были только восемь ребят, семеро из них уже выстрелили. Последний стреляет в воздух, и парни бросаются к углу улицы, пробегая мимо места, где спрятались Большой Доминик, Башня и Дэнни.)

Большой Доминик: «Сукины дети! Грязные «японские» ублюдки!»

Дэнни: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш, они услышат нас».

Большой Доминик: «Ты думаешь, я буду без ноги. О, боже, неужели я буду без ноги?»

Башня: «Тише! Ради бога, замолчи!»

Дэнни: «Что они делают?»

Башня: «Они остановились на углу».

Дэнни: «Что это? Слышите!» (Они слушают.)

Башня: «Сирена! Это полиция!»

Дэнни: «Прекрасно! У них у всех оружие! Это будет... »

Башня: «Постой. Посмотри-ка».

(Трое ребят подаются вперед. «Всадники» остановились на углу. На этом же углу с расстегнутой курткой стоит Рафаэль Моррез. Один за другим «Всадники» быстро суют пистолеты в его протянутую руку. И так же один за другим Моррез прячет пистолеты под рубашу и за пояс, действуя на ощупь с проворностью слепого. Фрэнки Анариллес последним избавляется от оружия. Все остальные «Всадники» группами по двое и по трое уже разбежались в разные стороны.)

Фрэнки (*сжимая плечо Морреза*). «Молодчина, Ральфи». (Он убегает, Рафаэль Моррез застегивает молнию на куртке и, постукивая по тротуару самодельной тростью, идет по улице. В это время к обочине тротуара подъезжает полицейская машина.)

Первый полицейский: «Ты! Эй, ты! Стой!»

(Моррез безучастно оборачивается. Первый полицейский готов вылезти из машины, но второй, сидящий ближе к тротуару, останавливает его.)

Второй полицейский: «Все в порядке, Чарли. Он не из тех. Это слепой парень. Я уже встречал его».

(Полицейская машина уезжает. Быстро постукивая тростью, Моррез ускоряет шаг, направляясь по длинной улице в испанский Гарлем.)

— Разве вы не понимаете? — сказал Большой Доминик. — Этот парень был у

«Всадников» оруженосцем. Они отдали ему пистолеты, и он благополучно скрылся! Если бы полицейские схватили парней, те оказались бы чистенькими.

— Ты говоришь, что он был оруженосцем только в одном случае? — спросил Хэнк.

— Только в одном случае? Мистер, я вам говорю, что он был членом этой грязной банды.

Ей были знакомы все признаки его беспокойства. Сидя напротив Хэнка, она делала вид, что решает кроссворд, а сама из-за края газеты наблюдала за ним. Он перечитывал свои аккуратно отпечатанные записи. Она понимала: что-то неладно.

Три раза Хэнк вставал из-за стола и ходил на кухню за водой. Два раза сходил в ванную. Заточил четыре уже идеально заточенных карандаша, а спустя десять минут снова принялся их затачивать. Углубившись в записи, он беспокойно ерзал на стуле.

— Хэнк?

— М-м? — сняв очки, он обернулся к ней. Его глаза были очень светлыми, и она знала, что он сильно устал. В этот момент он выглядел молодым и беззащитным. Губы его тронула слабая улыбка, и у нее неожиданно появилось к нему материнское чувство. Ей захотелось подойти к нему и прижать его голову к своей груди.

— Все в порядке?

— Да, все нормально, — он снова улыбнулся.

— Нервничаешь?

— Не больше, чем обычно, — ответил он и вздохнул. — Может быть, мне следует прекратить сейчас работу. Впереди еще целых два дня. Достаточно времени, чтобы успеть просмотреть все это.

— Почему бы и нет?

— Хорошо. Я только хочу прочитать заключение полицейской лаборатории, — сказал он, — Кэрин...

— Да?

— Убийство... Это убийство, так ведь?

— Милый, в чем дело?

— Неважно. Просто... Неважно.

Он снова надел очки и, порывшись в портфеле, вытащил голубую папку, в которой находилось заключение. Наблюдая за ним, она видела, как по мере чтения напрягалась его спина, как он выпрямился в кресле, затем снова склонился над заключением, перечитывая его, и водя пальцем по странице, и читая строку за строкой, как малограмотный. Затем он покачал головой, энергично отодвинул стул и начал расхаживать по комнате.

— Давай, выйдем на улицу, — сказал он. — Прогуляемся. Дженни вернется еще не скоро, да?

— Она пошла на вечер. Кажется, бойкот со стороны соседей прекращается.

— Тогда пойдем. Пожалуйста, Кэрин. Я должен подумать.

Они вышли из дома и спустились к реке. Вечер был теплый. Над тонким полумесяцем проносились темные облака. Они с Кэрин прошли через рощу и уселись на плоской скале. Закурили... В свете зажженной спички она разглядела его лицо — обеспокоенное, уязвимое, юношеское. Ей снова захотелось коснуться его.

— В чем дело, Хэнк? — спросила она.

— Суд начнется в понедельник, — сказал он.

— Ну и что?

— Я веду совершенно верное дело о преднамеренном убийстве. Целый месяц я потратил на то, чтобы свести все воедино. А сегодня, сегодня я... Сейчас, прочитав свои записи, мои тщательно подготовленные записи, мое до мелочей продуманное дело, сейчас я в затруднении. Сейчас я не знаю. Я не знаю, что делать, черт возьми!

— Разве это дело вызывает какие-нибудь сомнения?

— Не знаю... Нет, абсолютно нет. Черт возьми, нет! Проклятье, оно действительно

сомнительное. Кэрин, сегодня я узнал, что Моррез — сам был членом банды! Вначале я не мог этому поверить. Как мог слепой парень связаться с головорезами и хулиганами? Но мне прямо в полицейский участок привели несколько «Всадников», я допросил их, и все они подтвердили, что Рафаэль Моррез был членом их банды. К тому же крайне ценным членом банды. Его слепота гарантировала неподсудность.

— Ну и что?

— А то, что я не знаю, где же это кончается, Кэрин? Где же, черт возьми, границы? Он не только был членом банды «Всадников», но двое из ребят, убивших его, видели его в деле, что означает, что они, возможно, узнали его в ночь убийства. А если это так, значит, они знали, что он слепой, когда они его убивали.

— Таким образом, у тебя, с одной стороны, хладнокровное убийство, как установлено, слепого парня, а, с другой стороны, жертва, которая сама небезгрешна.

— Понимаешь, это не имело бы значения, кем был Моррез. Если убит бандит, мы все равно продолжаем преследовать его убийцу. Это имеет значение только в том случае... Кэрин, у меня уже просто нет уверенности, где добро и где зло... Я получил заключение полицейской лаборатории по поводу ножей. Заключение... Кэрин, предполагается, что я должен вынести обвинительный приговор этим ребятам. Предполагается, что я должен доказать их виновность в убийстве. Над этим я и работал. Именно из этого предположения я и исходил, и именно на этом я строил свои доказательства. Однако, когда я говорю с ними, когда я начинаю понимать их, когда я ближе узнаю их родителей и всю эту проклятую структуру банды, узнаю улицы, длинные темные улицы... Кэрин, Кэрин.

— Милый, пожалуйста, не надо.

— Все это вдруг бросает вызов моему представлению о добре и зле.

— Убийство — это зло, так ведь? — сказала Кэрин.

— Да, конечно, это зло. Но кто совершил это убийство? Кто виновен в этом убийстве? Понимаешь, что я хочу сказать?

— Не совсем.

— Хорошо. Эти ребята действительно нанесли ножевые раны. Но разве мы должны рассматривать только последний акт? Слишком много вещей ведет к этому убийству. Если я считаю виновными этих ребят, я также должен считать виновными их родителей, и город, и полицию... и где же конец? Где мне остановиться? Кэрин, я не крестоносец.

— Где остановиться, тебе подскажет закон, Хэнк. И это единственное, что должно тебя беспокоить.

— Как юриста, да. Но ведь я также и человек и не могу полностью отделить в себе юриста от человека.

— А также не можешь отделить убийцу в этих ребятах от...

— Я знаю это. Но что заставило их убить? Проклятье, Кэрин, в этом весь вопрос. Они убили. Но разве только сам факт убийства делает их убийцами?

— Мне кажется, ты все усложняешь, Хэнк. Если они убили, они виновны в убийстве. Это все, что должно тебя беспокоить.

— Ты веришь в это, Кэрин?

— Нет, — очень тихо ответила она.

— Я тоже. — Он помолчал. — Я не крестоносец. Я никогда им не был. Полагаю, за это можно благодарить Гарлем. Я думаю, может быть, в душе я трус.

— Хэнк, это неправда. Ты очень смелый человек.

— Кэрин, я боялся, я так долго боялся. Думаю, это наследие улиц. Страх. Страх, который все время следует за тобой по пятам; страх, который, словно бочка с порохом и зажженным запалом, ожидающая момента, чтобы взорваться, чтобы... уничтожить тебя...

— Хэнк, пожалуйста, не надо. Пожалуйста, ты не должен.

— Страх был рядом со мной всю войну всегда внутри меня, постоянный страх! Чего я боялся? Жизни! Повседневной жизни. Этот страх появился, когда я был еще ребенком. Все, о чем я мог думать, — это бежать из Гарлема. Бежать из места, породившего во мне страх, но

когда я убежал, было уже слишком поздно, потому что страх стал частью меня, как моя печень, мое сердце. И затем я встретил тебя.

Она взяла его руку и прижалась к ней лицом. Он ощутил на своей ладони ее слезы. Покачав головой, он продолжал.

— Ты начинаешь... ты начинаешь сомневаться, Кэрин, когда предстаешь перед всеобъемлющим ужасом улиц. Этот ужас медленно, дюйм за дюймом, разъедает тебя до тех пор, пока ты не начинаешь удивляться, кто ты, что ты. Мужчина ли ты? Если ты мужчина, почему твоя девушка ушла к другому, когда ты был на войне? Почему ты все время боишься? Что с тобой, черт возьми? Что ты есть?

Он вдруг неловко притянул ее к себе. Она чувствовала, как в темноте он весь дрожал.

— И затем ты. Ты, Кэрин. Тепло, свет, чудо. И вдруг на какое-то время страх оставил меня до тех пор... пока и я не начал думать о том, что до меня ты любила другого.

— Хэнк, я люблю тебя.

— Да, да, но... Я задавал себе вопрос, почему должен был быть кто то другой, почему, почему? И я боялся, что могу потерять тебя так же, как он потерял тебя. Что со мною, Кэрин? Разве я не знаю, что ты любишь меня. Разве я не знал, что ты порвала с ним потому, что ты хотела меня, меня. Но все это смешалось со страхом...

Сейчас он плакал. Она слышала, как он плачет, и ослабла от беспомощного ужаса. Ее муж плакал, и она не знала, как ему помочь. Ее муж. И не было в целом мире более жалобных звуков, чем звуки его рыданий в темноте. Она целовала его мокрое лицо, целовала его руки, и он снова очень тихо сказал:

— Я не крестоносец, Кэрин, я боюсь. Чудовищность всего этого пугает меня. Я знаю, что я должен делать, но я... я войду в понедельник утром в зал суда, отберу своих присяжных и буду вести дело по обвинению в преднамеренном убийстве, потому что это безопасный путь, легкий путь, потому что...

— Нет. Не говори этого.

— Потому, что я...

— Перестань! — сказала она резко. — Перестань!

Они долго молчали. Он вытащил из заднего кармана брюк носовой платок и высморкался. Сейчас облака полностью закрыли луну, и скалу окутала темнота.

— Пойдем обратно? — спросила Кэрин.

— Мне хотелось бы посидеть еще немного, — ответил он. — Если ты не возражаешь.

— Скоро вернется Дженни.

— Ты можешь идти. Со мной будет все в порядке.

— Хорошо. — Она встала, оправила юбку и пристально посмотрела на него, но в темноте не могла разглядеть его лица.

— Приготовить кофе?

— Да. Это будет замечательно.

— Хэнк?

— Да?

— Ты не трус.

Он ничего не ответил.

— Ты очень смелый.

Он снова ничего не ответил. Она протянула в темноте руку и дотронулась до его щеки.

— Я люблю тебя, — сказала она, затем почти шепотом: — Я горжусь тобой, — Она повернулась и скрылась за деревьями.

Он погасил сигарету и уставился взглядом в воду.

«Моя обязанность — обвинить их», — думал он.

Кто еще является убийцей? Могу я считать виновным общественный строй, который лишает родителей человеческого достоинства, угнетает и подавляет их, заключая посредством изнурительного и монотонного труда в какой-то вакуум, и отцы уж более не уверены, что они мужчины, а матери, что они женщины. Могу я возложить на этих ребят,

совершивших убийство, вину за все противоречия общества? Но, черт возьми, они убили!

Предположим, ты вошел в зал суда, — подумал он, — отобрал своих присяжных заседателей и представил дело так, что...

Нет.

Мне никогда не выйти сухим из воды. Абе Самалсон тут же почувствует неладное и сейчас же приостановит суд, а затем потащит меня к себе в кабинет и спросит, кого я, черт возьми, представляю — убийц или народ?

«Но разве убийцы не часть народа?»

Они обвиняемые, а я обвинитель, и моя обязанность доказать вне всякого сомнения, что они действительно по собственной воле, с преступным намерением, предумышленно зарезали насмерть парня по имени Рафаэль Моррез.

Апосто оправдают, ты это знаешь. Он — слабоумный. У тебя нет никаких шансов добиться обвинительного приговора для него.

Остаются Ридон и Ди Пэйс. Моя обязанность...

Так ли? А как в отношении заключения по поводу ножей? Ты ничего не забыл, мистер Белл?

Заключение ни о чем не говорит. Чистая случайность. Что-то имеющее отношение к тому, как держали нож или, возможно, причиной явился дождь.

А может быть, что-нибудь другое? Может быть, что-нибудь важное?

Проклятье, должен же я кого-нибудь обвинить! Не могу же я просто реабилитировать...

Тогда выдвигай обвинение, черт возьми! Встань в зале суда перед судьей, присяжными, корреспондентами...

Газета Майка Бартон разнесет меня в пух и прах. Он смешает меня с грязью.

...Перед всем миром и выдвини обвинение! Раз в жизни — сделай что-нибудь, будь мужчиной, воспользуйся случаем, перестань трусить!

А если они уничтожат меня? Сотрут с лица земли? Что тогда?

Тогда будут говорить: «Генри Белл — конченный человек. Ты ведь помнишь Генри Белла, не так ли? Этого блестящего молодого человека. Впрочем, не такого уж молодого. Он работал в окружной прокуратуре, пока не споткнулся на деле Морреза. О, это дело привлекало внимание широкой общественности, ты помнишь? Дело, не вызывавшее никаких сомнений — предумышленное убийство, абсолютно никаких сомнений: трое хладнокровных убийц ножами насмерть убивают слепого парня. Слепое парня! Совершенно ясное дело. А Белл запутал его. Встал в суде и представил дело так, словно был...

Ты заинтересован в правосудии?

Я заинтересован в правосудии.

Тогда как же в отношении заключения?

А что такое? Оно ни о чем не говорит.

Перестань, Белл, ты знаешь, о чем говорится в заключении. Ты попытаешься скрыть это?

Нечего скрывать. Защита даже не поднимет этот вопрос, вот насколько это важно. Они даже не упомянут об этом. Они признают, что были нанесены ножевые удары. Их единственная надежда — ссылка на самооборону. Это заключение совсем не важно.

Ты знаешь, насколько оно важно! Ты знаешь, потому что ты жил в страхе, потому что эта безобразная ведьма страха — целовала тебя. Она держала тебя в своих объятьях, она...

Прекрати!

Прекрати.

Прекрати. Пожалуйста.

Я ничем им не обязан. Я ничем им не обязан. Я даже не знаю их. Они мне чужие. Я их не знаю.

Ты знаешь их, Белл, они не чужие, ты знаешь их очень хорошо.

«Я ничем им не обязан, — подумал он, — я ничем им не обязан».

Вечер был совершенно тихий. Он сидел, глядя поверх воды, и думал снова и снова: «Я

ничем им не обязан». Вначале он не был уверен, что слышал звук шагов, раздававшихся из роши. Вдруг, насторожившись, он прислушался. Да, шаги. Крадущиеся, неуверенные, осторожные, направляющиеся к скале, на которой он сидел.

— Сюда, — шепотом сказал какой-то парень и Хэнк вдруг почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а на затылке поднялись волосы. «Еще одно избиение, — подумал он. — О, боже, еще одно избиение».

Он сжал кулаки. Ему казалось, что он испугается, как испугался тогда, когда приближался к скамье в городском парке, но страха не было. Его удивила своя собственная реакция. Сидя со сжатыми кулаками, он прислушивался к приближавшимся шагам, узнавая поднимавшуюся внутри себя решимость.

«Они не избыют меня на этот раз, — подумал он. — На этот раз они не сделают этого».

Как животное, припавшее к земле для прыжка, он ждал.

В темноте снова раздался мужской голос:

— Здесь. Сюда. Ты когда-нибудь уже бывала здесь, а?

— Да, — ответил девичий голос, и брови Хэнка в удивлении поползли вверх.

— Здесь, — сказал парень. — Давай сядем под этим деревом.

Наступило молчание.

— Минуточку. Я только сниму куртку.

«Влюбленные», — подумал Хэнк, и моментально почувствовал сильное замешательство. Он разжал кулаки. Битвы не будет, только сцена у балкона. Он мрачно улыбнулся. Единственное, что ему сейчас следовало сделать — это как можно быстрее и тише выбраться отсюда...

— Приятное место, — сказал парень. — Приятное и прохладное. Сюда от реки дует ветерок.

— Я люблю реку, — ответила девушка. — Мне нравится смотреть на огни. Меня всегда интересует, куда плывут пароходы.

— Хочешь сигарету? — спросил парень.

— Вообще-то я не курю.

— Я видел, как ты курила, — заметил парень.

— Да, но вообще-то я не курю.

Парень рассмеялся. В темноте Хэнк едва различал фигуры парня и девушки, сидевших на земле. Парень чиркнул спичкой и поднес ее к сигарете девушки. Она сидела к Хэнку спиной, и все, что он мог заметить в неожиданном свете зажженной спички — это удивительной красоты светлые волосы. Спичка погасла.

— Я рад, что мы ушли оттуда, — сказал парень. — Самый скучный вечер, на котором я был за последние годы.

— Смертельная скука, — согласилась девушка.

Лежа на спине, Хэнк пытался найти путь к бегству. Ему не хотелось ни спугнуть, ни смутить эту парочку, и в то же время не хотелось быть невольным слушателем их юношеского щебетания. К несчастью, единственный путь, ведущий на улицу, проходил мимо пары, сидевшей под огромным деревом справа от тропинки. Вздохнув, Хэнк покори́лся своей судьбе.

— Между прочим, сколько тебе лет? — спросил парень.

— Трина́дцать. В общем-то, почти четырнадцать. В конце месяца мне будет четырнадцать.

— Ты еще совсем ребенок, — сказал парень.

— Ну, не такой уж ребенок. А тебе сколько?

— Шестнадцать.

— Я была знакома с ребятами постарше.

— Да?

— Конечно.

— Хотя, должен признаться, ты выглядишь гораздо старше.
— Старше чем четырнадцать? Сколько бы ты дал мне лет?
Парень подумал, затем сказал:
— Я бы дал тебе по крайней мере лет пятнадцать.
— Так много!
— Не волнуйся.
— Приятно так беседовать, — сказала девушка. — Тебе трудно разговаривать с людьми?
— Иногда. Хотя с тобой мне легко говорить.
— Мне с тобой тоже приятно разговаривать. Особенно трудно со старшими, правда?
— Да. Я ненавижу говорить со старшими. От разговоров с ними у меня мороз по коже. Я имею в виду обычных стариков. Ты понимаешь. Что-нибудь лет сорок — сорок пять.
— Да. Сколько лет твоим родителям?
— Они слишком старые, — ответил парень и засмеялся.
— Мои не очень старые. — Девушка помолчала. — Но с ними ужасно трудно говорить, правда? Ты с ними делишься?
— Нет.
— Почему?
— Ну, помню, как-то стал рассказывать отцу о том, что я и еще двое ребят заключили трехстороннее соглашение накопить денег, чтобы купить автомашину, когда мы станем достаточно взрослыми: понимаешь? Я тебе скажу, это было очень сложно, так как мы собирались по субботам и воскресеньям чистить подвалы, продавать старье и все такое, понимаешь? Я потратил почти полчаса, объясняя ему это, а он только взглянул на меня и говорит: «Молодец, Лонни». Как тебе это нравится? Я полчаса выворачиваю себя наизнанку, стараясь объяснить ему это, а он даже и не слушал меня, можешь себе представить? Так что после этого я решил: черт с ними, с этими разговорами, и на этом все кончилось. Сейчас они зовут меня «Лонни-моллюск».

— Моя мама думает, что я ей все рассказываю, — сказала девушка, — но на самом деле это не так.

— Вообще, что им можно рассказывать? Если они понимают, о чем речь, то поднимают шум, а если не понимают, то зачем и рассказывать?

— Я обычно много говорила со своим отцом, когда я была маленькой. Мы очень часто мило беседовали. Помню, я очень гордилась, что могла вести с отцом взрослые разговоры.

— Но сейчас ты с ним не беседуешь?

— Редко. Он занят.

— О, боже, заняты! — воскликнул парень. — Они все время куда-то бегут.

— Кроме того, мне... мне нечего ему сказать...

— Да, — согласился парень. В его голосе послышалась тоскливая нотка.

— Мне хотелось бы, чтобы у меня было о чем с ним говорить, — продолжала девушка.

— Но мне не о чем.

— Я считаю, что они воспитывали нас до сих пор, пока кормили, одевали. Когда-то мы должны дать им возможность отдохнуть, правда?

— Думаю, что да.

— Я не согласен с ребятами, которые всегда повторяют: «Я не просил, чтобы меня родили». Хорошо, а кто просил? У кого-нибудь есть выбор? Но, однако, я доволен, что я родился.

— Ты говоришь очень хорошие вещи, Лонни.

— Нет ничего лучше жизни, — продолжал парень. — Разве ты не рада, что живешь?

— О, да, да, Лонни, ты... любишь кого-нибудь?

— Как свою мать? Своего отца?

— Ну...

— Но это не совсем настоящая любовь, понимаешь? Это больше похоже на привычку.

Несколько минут они молчали. Затем парень сказал:

— Дженни... можно тебя поцеловать? Девушка не ответила.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Извини. Я хотел... я подумал, что, может быть, ты не будешь против, если я...

— Не буду, Лонни, — ответила она, и в ее голосе прозвучала такая трогательная невинность, что Хэнк, лежавший на камне, был готов заплакать. — Но...

— Что, Дженни?

— Ты мог бы... Ты мог бы...

— Что, Дженни, что?

— Ты мог бы вначале сказать мне, что ты меня любишь, — попросила она.

У Хэнка на глаза навернулись слезы. В то время, как его дочь целовалась, он лежал в темноте на камне, прижав ладонь ко рту, чтобы заглушить рыдания. Закусив губу, он качал головой снова и снова, охваченный своим неожиданным прозрением, чувствуя себя маленьким и ничтожным и в то же время необычайно сильным.

— Я люблю тебя, Дженни, — сказал парень.

— Я люблю тебя, Лонни.

Он слушал эти слова, и ему вдруг захотелось, чтобы сейчас был понедельник, ему вдруг захотелось, чтобы уже начался судебный процесс. Который час, Лонни?

Почти двенадцать.

— Ты не проводишь меня домой? Я не хочу, чтобы они волновались.

— Можно поцеловать тебя еще раз?

Наступила тишина, а затем Хэнк услышал, как они встают и неуклюже пробираются через кусты на тропинку. Спустя некоторое время звуки их шагов замерли.

«Я ничем им не обязан, — подумал он. — Я ничем им не обязан: за исключением будущего».

ГЛАВА XII

Нью-йоркским юристам было известно, что судья Абрахам Самалсон не позволяет никаких вольностей в зале судебного заседания. В понедельник, когда начался процесс по делу Морреза, в зале уголовного суда, секция III, отделанном деревянными панелями и залитом солнечным светом, царил торжественная атмосфера, несмотря на то, что он был битком набит кандидатами в присяжные, зрителями и репортерами. Сидя в конце зала, Кэрин и Дженифа Белл слушали почтенного Абрахама Самалсона, производившего в своей судейской мантии внушительное впечатление. Он напомнил зрителям, что суд имеет дело с серьезным случаем и что всякие попытки превратить его в цирк закончатся тем, что он запретит доступ зрителям в зал суда. С терпением педагога детского сада он объяснил, каковы будут его функции в качестве судьи, и попросил вызвать первого кандидата в присяжные.

По всем внешним признакам отбор присяжных проходил обычным порядком и без каких-либо неожиданностей. Хэнк от имени обвинения задавал обычные в этих случаях вопросы. Защитники троих подсудимых (а их было двенадцать человек), назначенные судом, в свою очередь задавали обычные в этих случаях вопросы. Процедура была длительной и большей частью неинтересной. Майк Бартон, слушая вместе с другими репортерами процедуру отбора, много раз подавлял зевоту.

— Мистер Нельсон, если бы обвинитель бесспорно доказал, что эти трое молодых ребят виновны в преднамеренном убийстве, были бы у вас какие-нибудь сомнения, чтобы проголосовать за решение о их виновности?

— Почему у меня должны были бы быть какие-либо сомнения?

— Потому что в отношении преднамеренного убийства по закону предусматривается обязательный смертный приговор.

— Нет, у меня не было бы никаких сомнений.

— Вы послали бы их на электрический стул?

— Да. Если они виновны, послал бы.

— С другой стороны, если представленные факты дадут основание просить о смягчении приговора, соответствовало бы вашей морали и этике просить суд о снисхождении при вынесении обвинительного приговора этим ребятам?

— Да.

— А если мы сумеем доказать, что было совершено менее серьезное преступление, чем предумышленное убийство, приняли бы вы во внимание представленные факты и сочли бы возможным определить преступление как непредумышленное убийство?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду?

— Он имеет в виду, — вмешался Самалсон, — что в то время как окружной прокурор попытается доказать, что эти трое ребят совершили предумышленное убийство, представленные на рассмотрение суда факты могут показать, что на самом деле было совершено менее серьезное преступление, как, например, непредумышленное убийство. В этом случае позволили бы вы, чтобы обвинительный акт большого жюри или окружная прокуратура повлияли на принятие вами решения о менее серьезном преступлении?

— Нет, не позволил бы.

— Этот ответ удовлетворяет вас, мистер Рандольф?

— Да, удовлетворяет. Благодарю вас, ваша честь. А если на этом суде будет доказано, что эти трое ребят не совершили никакого преступления, вы бы проголосовали за то, чтобы их оправдали и освободили?

— Да, проголосовал бы.

— Благодарю вас, — сказал Рандольф. Я отвожу эту кандидатуру.

— Скажите, миссис Рилей, где вы живете?

— На углу Сто тридцать восьмой улицы у бульвара Брукнер.

— Много пуэрториканцев живет в этом районе? Порядочно.

— Вам нравится этот район?

— Ничего.

— Есть что-нибудь, что вам не нравится?

— Да, конечно.

— Что, например?

— Ну, район становится хуже.

— Что вы имеете в виду «становится хуже»?

— Ну, вы знаете.

— Нет, я не знаю. Будьте любезны, объяснить мне это, миссис Рилей.

— Извините, мистер Белл, — вмешался Самалсон, — но к чему вы клоните?

— В этом деле жертвой является пуэрториканец, и я пытаюсь выяснить, не считает ли миссис Рилей, что обстановка в этом районе ухудшается потому, что туда переселяются пуэрториканцы.

— В таком случае не говорите обиняком, а ставьте ваш вопрос прямо.

— Вы так считаете, миссис Рилей?

— Ну, я, конечно, не считаю, что пуэрториканцы способствуют улучш...

— Отвод, — заявил Хэнк.

— Ваш род занятий, мистер Аббени?

— Я владелец нескольких ресторанов.

— Вы нанимаете на работу пуэрториканцев?

— Да.

— Почему?

— Они хорошие работники.

— Сколько у вас работает пуэрториканцев?

- О, я полагаю, около пятидесяти.
- Вы нанимаете на работу негров?
- Нет.
- Почему?
- Просто никогда не приходилось, вот и все.
- У вас нет принципиальных возражений против принятия на работу негров?
- Я бы сказал, нет. Просто мне никогда не представлялась такая возможность, вот и все.

— Мистер Белл, — прервал Самалсон, — насколько мне известно, по этому делу негры не проходят. Задавая кандидатам в присяжные вопросы, не имеющие никакого отношения к настоящему делу, мы можем значительно затянуть судебное разбирательство, в чем я не вижу необходимости.

— Я просто пытался выяснить, ваша честь, как далеко распространяется расовая терпимость мистера Аббени.

— Тем не менее, его отношение к неграм не могло бы иметь существенного отношения к разбираемому в этом суде делу.

— В таком случае у меня больше нет вопросов, ваша честь. Я хотел бы, чтобы этот кандидат был освобожден от обязанностей присяжного.

Потребовалась целая неделя, прежде чем обе стороны пришли к соглашению по поводу присяжных. После этого адвокаты произнесли свои вступительные речи. Хэнк заявил присяжным, что он вне всякого сомнения попытается доказать, что эти трое ребят виновны в предумышленном убийстве. Адвокаты со стороны защиты совершенно естественно заявили присяжным, что они докажут, что эти ребята невиновны.

«Во время этого суда вы услышите массу возбуждающих слов, — сказал один из защитников, — много страстных речей о расовой терпимости, о физических недостатках людей и о слепом невинном мальчике, который, как утверждается, был безжалостно убит этими тремя юношами. Но мы призываем вас во имя правосудия, во имя справедливости, во имя бога выслушать нас вашим разумом, а не сердцем. Мы представим вам факты ясно и логично, и если они будут сопоставлены вместе с помощью разума и без влияния эмоций, то эти факты подскажут вам, какое принять решение в этом торжественном зале суда, которое предопределит, будут ли эти трое ребят лишены жизни или нет. И этим решением будет: невиновны!»

После этого началось само судебное разбирательство.

Были представлены свидетели: полицейский, арестовавший преступников, помощник окружного прокурора, прибывший в полицейский участок, чтобы присутствовать при допросе, лейтенант Ганнисон и детектив Ларсен, и все они единогласно подтвердили, что вечером десятого июля на всех троих ребятах были пятна крови. На второй день судебного разбирательства Хэнк вызвал на свидетельское место Антони Апосто. В то время как парень приносил присягу, в зале суда наступила тишина. На нем был опрятный синий костюм, белая рубашка и темный галстук. Когда он сел, Хэнк приблизился к нему, с минуту внимательно смотрел на него, а затем сказал: «Пожалуйста, не скажешь ли ты суду свое имя?»

- Антони Апосто.
- Ты так же известен под прозвищем Бэтман?
- Да.
- Откуда ты взял это имя?
- Он в комиксах. Бэтман, я имею в виду.
- Ты любишь комиксы?
- Да, мне нравятся картинки.
- Тебе трудно читать?
- Да, немного.
- Тебе нравится училище, Антони?

— Нет, не очень.

— Что ты изучаешь?

— Как стать авиамехаником.

— Ты хорошо учишься?

— Ну, не так уж хорошо.

— Тебе хотелось бы стать авиамехаником?

— Это довольно хорошая работа, и за нее хорошо платят.

— Да, но тебе хотелось бы им стать?

— Ну... нет. Не совсем.

— Кем бы тебе хотелось быть?

— Не знаю.

— Хорошо, подумай об этом минутку. Если бы у тебя был выбор, если бы ты мог стать в мире всем, чем захочешь, что бы ты выбрал?

— Я думаю, я хотел бы стать мировым борцом.

— Почему?

— Мне нравится борьба. Я хороший борец. Все это знают.

— Если суд освободит тебя, Антони, что ты будешь делать?

— Протест!

— Отклонен. Продолжайте.

— Что я буду делать?

— Да.

— Думаю, я вернулся бы в свой квартал. Думаю, я сделал бы именно это. Да, вначале я бы сделал это.

— А завтра?

— Завтра? Вы имеете в виду, что бы я делал завтра?

— Да.

— Ну, я не знаю. — Он пожал плечами. — Откуда я знаю, что бы я делал завтра?

— Свидетель, отвечайте, пожалуйста, на вопрос — сказал Самалсон.

— Завтра? Ну... — Апосто в раздумье нахмурил брови. — Завтра? — Он вытер со лба пот. В течение трех напряженных минут он сидел, думая, и наконец ответил: — Я не знаю, что бы я делал завтра.

Хэнк отвернулся от парня.

— Свидетель ваш, — сказал он защите.

Один из защитников Апосто поднялся.

— У нас нет вопросов, ваша честь.

— Очень хорошо. Свидетель может быть свободным. Вызовите Чарльза Аддисона. Чарльз Аддисон, будьте любезны занять свидетельское место.

— Аддисон, высокий худой человек в сером костюме, вышел вперед и принес присягу. Хэнк подошел к своему столу, взял папку и передал ее судебному клерку.

— Пожалуйста, я хотел бы, чтобы это приобщили к делу как вещественное доказательство, — сказал он.

— Что это? — спросил Самалсон.

— Заключение из психиатрического отделения госпиталя «Белльвью» на Антони Апосто, одного из подсудимых.

— Разрешите мне взглянуть на него. — Самалсон просмотрел заключение и вернул его клерку.

— Зарегистрируйте это как вещественное доказательство под номером один.

— Спасибо, ваша честь, — поблагодарил Хэнк и повернулся к Аддисону.

— Ваше имя, пожалуйста, сэр?

— Чарльз Аддисон.

— Чем вы занимаетесь, мистер Аддисон?

— Я психолог. Я имею ученую степень по психологии.

— Где вы работаете, мистер Аддисон?

— В госпитале «Белльвью». Я состою штатным психологом палаты номер пять по выявлению коэффициента интеллекта личности.

— Что из себя представляет палата номер пять?

— Это палата для юношей.

— Вы давно работаете в психиатрическом отделении госпиталя «Белльвью»?

— Двенадцать лет.

— И много за это время вы проделали психологических тестов?

— Да. Очень много.

— Это верно, что вы провели несколько психологических тестов в отношении Антони Апосто и подготовили заключение, подписанное вашим начальником доктором Дерего?

— Верно.

— Мистер Аддисон, в заключении имеется множество психологических терминов. Могли бы вы объяснить мне некоторые из них?

— Попытаюсь.

— В заключении вы говорите, что во время тестов Апосто дал много ответов, указывающих на слабое восприятие действительности и слабую рассудительность. Что это означает в отношении парня, который, возможно, убил ножом другого парня?

— Ну, это могло бы означать, что для этого молодого человека факт нанесения ножевых ударов не имел реальной связи с окружающей действительностью. Например, кто-то возможно, сказал ему: «Зарезать этого парня ножом — забавно». В этом случае Апосто мог бы ухватиться за мысль, что это забавно. Или, может быть, он неправильно истолковал чьи-то слова, что вызвало в нем ярость, не соответствующую реальному значению сказанного. Короче говоря, мотив его поступка мог совсем не иметь ничего общего с реальной ситуацией. Это и означает слабое восприятие действительности. Его мотивы к тому, чтобы зарезать кого-то ножом, могли быть абсолютно нереальными.

— Понимаю. Как, по-вашему, мистер Аддисон, способен Антони Апосто совершить поступок, который требует предварительной подготовки?

— Нет. Я считаю, что нет. Мы должны исходить из того, что человек, способный что-то заранее запланировать, является личностью с трезвым восприятием действительности. Я сейчас говорю о настоящем плане, вы понимаете.

— О плане, требующем длительной подготовки? Например, план о будущей карьере. План сбережений. Вы это имеете в виду?

— Да.

— Вы слышали Апосто несколько минут тому назад? Слышал.

— Когда я спросил его, что бы он делал завтра, казалось, он не знал, что ответить.

— Ну, это могло быть связано с волнением, что его допрашивает окружной прокурор.

— Несмотря на свое волнение, — спросил Хэнк — разве он не был в состоянии решить, что бы он стал делать завтра?

— Я считаю, что Антони Апосто абсолютно способен составить план на завтра. Из-за своего низкого коэффициента интеллекта, он, возможно, осуществил бы этот план плохо, однако он, бесспорно, мог бы составить такой краткосрочный план.

— Понимаю, — сказал Хэнк. Казалось, что-то его вдруг обеспокоило. — Был ли он способен запланировать убийство Рафаэля Морреза?

— Протест! — пронзительно выкрикнул защитник.

— Ваша честь, был убит парень, — сказал Хэнк, — и я пытаюсь установить, был ли способен, по мнению психологов, один из подсудимых заранее запланировать это убийство. Поскольку преднамеренность является неотъемлемой частью предумышленного убийства и поскольку мы расследуем именно предумышленное убийство...

— Протест отклонен, — сказал Самалсон. — Продолжайте. Мистер Аддисон, будьте любезны отвечать на вопрос.

— Я не верю в то, что он был бы способен заранее разработать план убийства, —

ответил Аддисон.

— Мог бы он убить под влиянием импульса?

— Да.

— В припадке сильного гнева?

— Да.

— Знал бы он в этот момент, что он совершает убийство?

В зале суда наступила вдруг мертвая тишина.

— Да, — ответил Аддисон. — Он знал бы, что совершает убийство.

Сидя в конце зала, Кэрин видела, как напряглась спина Хэнка, и моментально поняла, что это был не тот ответ, которого он ожидал.

— Вы знаете, о чем вы говорите?

— Я знаю точно, о чем я говорю. Эмоционально Апосто, возможно, не знал, что он делает, но рассудком он знал, что он делает. Он знал, что нанося удары ножом другому парню, он тем самым совершает преступление.

— Вы знакомы с юридическим определением сумасшествия?

— Да, знаком. Апосто не является сумасшедшим ни в юридическом смысле, ни с точки зрения медицины. Он умственно недоразвитый, но он был способен понимать последствия своего нападения с ножом.

— А как вы это знаете? — сердито спросил Хэнк. — Как вы можете знать, что было на уме у этого парня, когда и если он наносил другому парню удары ножом?

— Я не могу знать этого, но я также не могу клятвенно утверждать, что он не знал, что он делает. Именно это вы хотите, чтобы я сказал, не так ли?

— Я хочу, чтобы вы говорили все то, что считаете нужным сказать, — ответил Хэнк и отвернулся от Аддисона. — Свидетель ваш, — заявил он защите.

Защитник Апосто поднялся.

— Вопросов нет, ваша честь.

Самалсон посмотрел вначале на защиту, а затем на Хэнка.

— Суд удаляется на десятиминутный перерыв, — сказал он быстро, — Мистер Белл, будьте любезны, зайти ко мне в кабинет.

— Суд удаляется на десятиминутный перерыв, — объявил клерк. — Прошу всех встать.

Зрители, свидетели, репортеры, подсудимые и адвокаты — все поднялись, в то время как Самалсон выходил из зала суда. Его мантия развевалась вслед за ним.

— Зачем он хочет видеть папу? — спросила Дженни.

— Не знаю, — ответила Кэрин.

— Ему разрешается это делать? Наедине, без присутствия защитников?

— Это могут неправильно истолковать, но в этом зале — судья Абе, и он может делать здесь все, что считает нужным.

— Мне хотелось бы знать, зачем он хочет видеть папу, — повторила Дженни.

— Садись, Хэнк, — пригласил Самалсон. — Сейчас здесь нет ни судьи, ни окружного прокурора. Сейчас мы только друзья. Ответь мне на один вопрос. Ты хочешь потерять работу?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Если у тебя есть сомнения в отношении виновности ребят, тебе следовало бы пойти с этим к окружному прокурору. Ты хочешь, чтобы тебя уволили?

— Нет. Я не хочу, чтобы меня уволили.

— Тогда почему ты не пошел с этим к своему начальству? Или почему не обратился ко мне? Есть много правды в старой поговорке, в которой говорится, что уголовное право — это дешевый подвальный магазин, где можно легко договориться о цене на товары. Я уверен, что защита с готовностью пошла бы на сделку с тобой.

— Абе, вы не понимаете. Я делаю то, что я обязан делать.

— И что это такое?

— Давайте скажем так, что у меня есть сомнения.

— На самом деле?

— Это только предположение.

— Это только предположение, потому что ты мне не доверяешь.

— Я доверяю вам, Абе. Но вы судья на этом процессе.

— В данный момент я не судья, а твой друг. Я бы и пальцем не пошевелил, что бы с тобой ни случилось, если бы я не был твоим другом.

— Когда мы вернемся в зал судебного заседания, вы снова станете судьей.

— Черт возьми, Хэнк, доверься мне. Чего ты пытаешься добиться?

Хэнк глубоко вздохнул.

— Я пытаюсь добиться оправдательного приговора для Апосто и Ди Пэйса и смягчения приговора для Ридона.

— Ради всего святого, почему?

— Я считаю, что это будет правосудием.

— Тогда почему ты не пошел к окружному прокурору? Почему ты не пришел перед началом судебного процесса ко мне?

— Потому, Абе, что впервые в жизни я хочу, чтобы обо мне писали газеты на своих первых страницах.

Самалсон поднялся из-за стола.

— Ты совершаешь самоубийство. Ты себя уничтожаешь.

— Нет.

— Да, черт возьми, да. Тебя уволят, и это так же верно, как то, что я здесь стою. Ты поставишь окружную прокуратуру в глупое и смешное положение. Они не простят этого, Хэнк.

— Мне все равно, если этим я добьюсь...

— Ты ничего этим не добьешься. Ты потеряешь работу, вот и все. И никто больше не захочет иметь с тобой дело.

— Может быть.

— Здесь не может быть никаких «может быть». Произойдет именно так. Я не позволю тебе этого делать. Мы сейчас же прямо отсюда пойдем переговорить с адвокатами.

— Нет, Абе, пожалуйста. Позвольте мне делать так, как я хочу.

— Позволить тебе убить себя. Ты об этом меня просишь? Ты разве не знаешь, что прокуратура решила использовать этих троих ребят в качестве примера? Ты разве не знаешь, что город...

— Я и собираюсь использовать их в качестве примера. Примера людей, Абе, они не мистические существа с другой планеты. Они испуганные, одинокие ребята.

— Скажи это матери Рафаэля Морреза. Психология в этом деле не поможет жертве, Хэнк.

— Да, Абе, не поможет, потому что каждый проклятый — парень, вовлеченный в это убийство, — жертва.

— Закон ясен...

— Это не имеет ничего общего с законом. Черт с ним, с законом! Абе, я юрист, и закон был моей жизнью. Вы это знаете. Но как я могу предъявить обвинение этим троим ребятам, пока не выясню, кто в действительности убил Рафаэля Морреза? А когда я выясню это, закон станет бессмысленным.

— Ты не знаешь, кто убил этого парня?

— Нет, Абе, знаю. Мы все убили его.

— Хэнк, Хэнк...

— Мы все убили его, Абе, потому что мы ничего не делаем. Мы сидим и болтаем об этом, назначаем комиссии и заслушиваем различные точки зрения, хотя все это время знаем, что неправы. У нас уже есть факты, но мы не действуем в соответствии с ними. Вместо этого

мы позволяем, чтобы Рафаэль Моррез лишился жизни.

— Итак, что ты собираешься делать? Сию же минуту начать кампанию? В моем суде? Хэнк, ты никогда...

— Вы можете предложить более подходящее время, Абе?

Самалсон покачал головой.

— Это неправильный путь, Хэнк.

— Это правильный и единственный путь. Кто-то же должен встать и закричать! Кого-то же должны услышать!

— Почему, черт возьми, это должен быть ты?

— Я не знаю, почему. Вы думаете, это меня не пугает? Мне было бы легче предстать перед дулом орудия, чем выйти в этот зал суда, и изменить на сто восемьдесят градусов ход моего собственного дела. Но, Абе, если кто-нибудь не сделает этого сейчас, если кто-нибудь не встанет и не положит конец этой проклятой ситуации, то тогда нам уже, возможно, сейчас надо начинать воздвигать баррикады. И в этом случае закон и правосудие потеряют всякий смысл, потому, что миром будут править дикари. Я не хочу воспитывать своего ребенка или детей моего ребенка в лагере варваров. Я не хочу, чтобы их разорвали на части, Абе. Эти ребята слишком важны. Они слишком важны, черт возьми, чтобы ими жертвовать.

В комнате наступила тишина.

После длительного молчания Абе Самалсон сказал:

— Мне хотелось бы быть моложе.

— Абе?..

— Я буду слушать дело беспристрастно. Не жди от меня никаких поблажек.

— Вы меня хорошо знаете, Абе.

— Ты собираешься перерезать себе горло.

— Может быть.

— Хорошо, хорошо, — вздохнул Самалсон. — Идем отсюда, пока они не обвинили нас в сговоре. — У двери, положив руку на плечо Хэнка, он помешкал. — Желаю удачи, — сказал он, — тебе она понадобится.

Первым свидетелем, которого вызвал Хэнк после перерыва, была Анджела Ругиелло.

Девушка нерешительно заняла свидетельское место, оглядывая зал суда испуганными карими глазами. На ней было зеленое платье и туфли на высоких каблуках. Как только она села, она тут же скромно натянула юбку на коленях.

— Пожалуйста, будьте любезны взглянуть в ту сторону, где сидят подсудимые. Вы знаете этих троих ребят? — спросил Хэнк.

— Да, — очень тихо ответила она.

— Вы боитесь, мисс Ругиелло?

— Немного.

— Я читал в газетах, что вы получили записку, предостерегающую вас от дачи свидетельских показаний. Это правда?

— Да.

— Но вы только что принесли присягу говорить суду правду, всю правду и ничего, кроме правды. И вы будете это делать?

— Да.

— Хорошо. Вы видели этих троих ребят вечером десятого июля?

— Да. Я видела их.

— Что они делали?

— Они бежали.

— У них было что-нибудь в руках?

— Да.

— Что у них было в руках?

— Ножи.

— Откуда вы знаете?

— Они отдали их мне.

Хэнк подошел к своему столу, взял три ножа и сказал:

— Если суд не возражает, я хотел бы, чтобы эти ножи приобщили к делу как вещественные доказательства.

— Зарегистрируйте эти ножи как вещественные доказательства под номерами два, три и четыре, — распорядился Самалсон.

— Это те самые ножи, мисс Ругиелло, которые дали вам трое ребят вечером десятого июля?

Анджело Ругиелло внимательно осмотрела ножи.

— Да. Это те самые ножи.

— Вы помните, какой парень какой нож вам дал?

— Нет. Все случилось так быстро. Я просто взяла у них ножи и принесла их домой.

— На этих ножах была кровь?

— Да.

— На всех этих ножах?

— Да.

— Что вы сделали с этими ножами, когда принесли их домой?

— Я положила их в бумажный пакет и засунула в дальний угол ящика своего стола.

— Вы не мыли эти ножи?

— Нет, я не мыла их.

— Разрешите мне уточнить, мисс Ругиелло. Вы не вымыли ни одного из этих ножей, это верно?

— Верно.

— Таким образом, позднее, когда вы передали эти ножи полиции, они были в том же самом состоянии, в каком вы получили их от этих ребят, правильно?

— Правильно. Я ничего с ними не делала.

— У меня больше нет вопросов.

— Вы можете продолжать допрос, — сказал Самалсон.

Рандольф, один из защитников, приблизился к свидетельскому креслу.

— Мисс Ругиелло, — сказал он, — вы уверены, что трое ребят, которые дали вам эти ножи, были Артур Ридон, Антони Апосто и Даниель Ди Пейс?

— Да, уверена.

— Как вы можете быть уверены?

— Я знаю их, разве не так?

— Да, но разве в тот вечер не было темно?

— Было не так уж темно, чтобы я не могла их разглядеть.

— Но было темно, не так ли?

— Ночь еще не наступила, поэтому не было так темно, как ночью.

— Но было темно.

— Только потому, что пошел дождь,

— И в этой темноте не могли вы перепутать этих троих ребят, которые, как утверждает, передали вам эти ножи, с какими-нибудь другими ребятами?

— Нет. Я не могла перепутать. Это были они. Как я могла перепутать их с кем-нибудь, если я разговаривала с ними?

— Понимаю. Кто дал вам первый нож?

— Я не помню.

— Это был Ридон?

— Я не помню. Все произошло так быстро.

— Это был Ди Пэйс?

— Я вам сказала, я не помню.

— Однако вы помните, что именно эти трое ребят дали вам ножи? Вы в этом уверены.

Но вы не совсем уверены, кто дал вам эти ножи, не так ли?

— Протест! Защитник пытается извратить показания свидетеля. Она уже сказала, что эти ножи ей дали Ридон, Ди Пейс и Апосто. Она просто не помнит, в какой последовательности ей были отданы эти ножи.

— Протест удовлетворен.

— У меня нет больше вопросов, — сказал Рандольф.

— Вызовите Даниеля Ди Пэйса.

Дэнни поднялся со своего места и взглянул на защитников. Те кивнули в знак согласия, и он нерешительно направился к свидетельскому месту. На нем был темно-коричневый костюм. В его рыжих волосах запутались солнечные лучи, струившиеся через высокие окна зала суда. Клерк привел его к присяге, и он сел, вытирая о брюки ладони рук. Хэнк подошел к нему. Некоторое время они молча изучали друг друга.

— Ты Дэнни Ди Пэйс?

— Да.

— Ты знаешь, не правда ли, Дэнни, что тебя обвиняют в предумышленном убийстве, и, если присяжные сочтут тебя виновным, ты можешь попасть на электрический стул? Ты знаешь об этом: не так ли?

— Да, знаю.

Хэнк взял ножи и протянул их Дэнни.

— Узнаешь эти ножи?

— Нет.

— Ты находишься под присягой, Дэнни! — рявкнул Хэнк. — Не добавляй лжесвидетельство к выдвинутому против тебя обвинению.

— Это что-нибудь похуже, чем предумышленное убийство?

— Посмотри на эти ножи. Ты узнаешь их?

— Нет. Я их не узнаю.

— Это те самые ножи, которыми был убит Рафаэль Моррез. Теперь ты узнаешь их и не ври мне. Я не хочу слышать ложь.

— Протест! Свидетеля запугивают.

— Протест отклонен!

— Ты узнаешь эти ножи или ты их не узнаешь?

Дэнни заколебался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Думаю, что, возможно, я узнаю их.

— Без всякого «возможно». Да или нет? Узнаешь ты их или не узнаешь?

— Хорошо, да. Узнаю.

— Который из них твой?

— Я не помню. Почему вы думаете, что я должен помнить?

Хэнк протянул один из ножей.

— Этот? — Не знаю.

— Посмотри на него! — Я смотрю. — Это твой нож?

— Не знаю.

— Чей это нож? У него черная ручка с серебряной кнопкой. У твоего ножа черная ручка?

— Нет, не думаю.

— Тогда это не твой нож. Правильно?

— Вероятно.

— Да, или нет? Это твой нож или это не твой нож?

— Хорошо, нет. Это не мой нож.

Хэнк вздохнул.

— Спасибо. Теперь как в отношении другого ножа с перламутровой ручкой? Он твой?

— Нет.

— Эти два первых ножа не твои, правильно?

— Правильно.
— В таком случае этот последний нож твой, это тоже правильно, не так ли?
— Я не уверен.
— Хорошо, посмотри на него. Посмотри как следует и затем скажи мне, тот ли это нож, которым ты пользовался десятого июля?
— Протест!
— Протест удовлетворен.
— Скажи мне только, Дэнни, это твой нож?
— Я не знаю.
— Когда я приходил к тебе на остров Вельфэр, ты мне сказал, что ты ударил Морреза ножом четыре раза. Сейчас...
— Протест!
— Протест удовлетворен.
— Ты говорил мне или ты не говорил мне, что ты ударил Морреза ножом четыре раза?
— Я... я не помню, что я вам говорил. Это было давно.
— Да или нет?
— Я... я... полагаю, что я говорил вам это.
— Что ты ударил ножом Морреза четыре раза?
— Протест!
— Протест отклонен.
— В порядке самообороны, — сказал Дэнни. — Но ты наносил удары ножом, так ведь?
— Да, — ответил Дэнни. — В порядке самообороны.
— Этим ножом?
— Протест!
— Ваша честь, я не могу должным образом вести допрос этого свидетеля, если каждое мое слово отводится, — сердито сказал Хэнк. — Я не вижу никаких возражений против моей линии допроса. Если бы адвокат защиты просто замолчал и дал мне...
— Вы задаете свидетелю наводящие вопросы, — выкрикнул Рандольф.
— Черт возьми, вы разрешили ему занять свидетельское место, не так ли?
— Призываю к порядку! Призываю к порядку! — твердо сказал Самалсон. — Я не потерплю в дальнейшем таких взрывов. Линия допроса со стороны обвинения кажется суду приемлемой. Я должен предупредить адвоката защиты, чтобы он не мешал окружному прокурору. Свидетель, будьте любезны отвечать на последний вопрос.
— Какой... Какой был вопрос? — спросил Дэнни. Он вспотел и вытирал пот со лба и верхней губы.
— Пожалуйста, зачитайте вопрос.
— «Этим ножом?»
— Ну, Дэнни?
— Что, если это мой нож?
— Отвечай на вопрос!
— Да. Да, мой.
— Спасибо. Теперь расскажи мне, что произошло вечером десятого июля?
— Я уже вам рассказывал.
— Расскажи суду.
— Мы прогуливались, — начал Дэнни почти наизусть. — Моррез набросился на нас. В руке у него был нож. Так что мы защищались.
— Чья была идея пойти прогуляться?
— Нам просто пришла в голову такая мысль. Всем нам вместе.
— Кто первый сказал: «Пойдем прогуляемся»?
— Я не помню.
— Это был ты?
— Нет.

— Апосто?

— Нет.

— Тогда это должен был быть Ридон.

— Возможно. Может быть, это был Башня.

— Он сказал, что он хочет пойти прогуляться?

— Я не помню.

— Или он сказал, что он хочет пойти на территорию врага и устроить там небольшую неприятность.

— Протест!

— Это была его мысль пойти в испанский Гарлем и устроить там небольшую неприятность, не так ли?

— Протест!

— Ваша честь, вы только что предупредили...

— Я должен предупредить вас, мистер Белл, чтобы вы не задавали своему свидетелю наводящих вопросов. Протест удовлетворен. Вычеркните из протокола два последних вопроса.

— Предлагал ли Башня-Ридон, — сказал Хэнк, — когда он впервые поднял вопрос о прогулке, пойти в испанский Гарлем?

— Я не помню. Кажется, он просто сказал: «Пойдем пройдемся» или что-то в этом роде.

— Он не сказал куда?

Возможно, не сказал.

— Может быть, он сказал: «Давайте пройдемся по Парк авеню»?

— Возможно.

— Хорошо, когда вы пришли в испанский Гарлем, что вы сделали?

— Мы пошли вдоль по улице... — Дэнни повернулся к Самалсону.

— Я должен отвечать на этот вопрос?

— Вопрос приемлемый. Пожалуйста, отвечайте на него.

— Мы просто шли по улице.

— Кто первый из вас заметил Морреза?

— Я... Я не знаю.

— Башня?

— Да, я... я думаю, что он. Я не знаю. Какая разница? Мы все вместе зарезали его.

По залу суда прошел ропот. Хэнк наклонился совсем близко к Дэнни, и ропот моментально стих.

— Почему ты наносил ему удары ножом, Дэнни?

— Он бросился на нас. У него был нож.

— У нею в руке была губная гармошка, Дэнни!

— Что?

— Разве это неправда? Разве у него была не губная гармошка? Это был вовсе не нож, так ведь?

— Я... Я не знаю. Она была похожа на нож. — Значит, ты знал, что это была губная гармошка?

— Нет, нет. Я просто говорю, что это было похоже...

— Что было похоже?

— Губная гармошка, я сказал вам! Вы сами только что сказали, что это была губная гармошка, разве не так?

— Да, но когда ты понял, что это была губная гармошка?

— Только сию минуту. Я не знал, пока вы... — Ты знал, что это была губная гармошка, когда ты наносил ему удары ножом, верно?

— Нет. Нет, я думал, что это был нож.

— Кто первый ударил его ножом?

— Б-б-башня.

Сейчас в зале суда царил мертвая тишина. Для Дэнни и Хэнка он совсем не существовал. Они глядели прямо друг на друга, и по их лицам струился пот. Оба подались вперед, словно стремясь установить контакт, который каким-то образом отсутствовал.

— А кто второй?

— Бэтман.

— И затем ты?

— Да, да. Я больше не хочу отвечать ни на какие вопросы. Я не хочу...

— Сколько раз ты ударил его ножом?

— Четыре, четыре.

— Почему?

— Я сказал вам. Он...

— Почему, Дэнни?

— Я не знаю!

— Ты знал, что это была гармошка, так ведь? Ты знал?

— Нет!

— Ты знал! Ты знал! Скажи мне правду, Дэнни!

Рандольф вскочил со своего стула.

— Одну минутку! Одну...

— Скажи мне правду! Ты знал, что это была губная гармошка. Ты видел ее!

— Да, да, я знал! — закричал Дэнни. — Довольны? — Я знал.

— Тогда, почему ты наносил ему удары ножом?

— Я... Я...

— Почему? Почему, Дэнни? Почему?

— Д-д-другие. Потому, что другие... другие...

— Другие наносили ему удары ножами?

— Да. Да.

— И поэтому ты сделал то же самое?

— Да. Я ударил его ножом четыре раза. Я ударил его ножом!

— Ты не ударил его ножом! — закричал Хэнк. Ты врешь!

— Что? — растерялся Дэнни. — Что?

И затем, прежде чем кто-нибудь полностью осознал, что случилось, прежде чем прошел шок от брошенных Хэнком слов, он быстро повернулся к своему столу, схватил голубую папку и швырнул ее на стол клерка.

— Я хочу, чтобы это было приобщено к делу как вещественное доказательство, — быстро сказал он. — Это заключение из полицейской лаборатории города Нью-Йорка по поводу оружия, использованного в убийстве Морреза. В заключении говорится, что на лезвиях только двух ножей были следы крови. Лезвие третьего ножа было чистым. Только на рукоятке этого ножа были следы крови. — Он снова быстро повернулся к Дэнни. — Это был нож, который ты признал своим, Дэнни! Ты повернул нож вперед рукояткой, не так ли? Ты только делал вид, что наносишь Моррезу удары ножом. Ты наносил ему удары рукояткой ножа.

— Нет, нет, я резал его!

— Не ври, Дэнни! Какого черта ты боишься?

— К порядку! К порядку!

— Я резал его! Я резал его!

— Ты врешь!

— Я... Я... Я...

И вдруг Дэнни Ди Пэйс весь обмяк. Полностью сдавшись, он тяжело откинулся на спинку кресла, и, непрерывно качая головой, начал тихо всхлипывать, как скулящее животное.

— Ты наносил ему удары ножом? — спросил Хэнк. Он говорил почти шепотом.

— Я никогда в своей жизни никого не ударил ножом, — сквозь слезы пробормотал Дэнни. — Никогда, никогда, никогда. Я никогда никому не причинил вреда. Никогда, о, Иисус, никогда, никогда.

— Успокойся, Дэнни, — мягко сказал Хэнк.

— Но я... Я не хотел, чтобы они думали, что я боюсь. Как я мог позволить, чтобы они поняли, что я боюсь? Как я мог это сделать!

Репортеры во главе с Майком Бартоном уже ринулись к задней двери зала суда. Мэри Ди Пэйс, сидевшая рядом со своим мужем в первых рядах, вскочила на ноги и сделала невольное движение по направлению к сыну.

— К порядку! — призвал Самалсон. — Суд удаляется на перерыв до двух часов дня. Окружной прокурор и адвокаты защиты, будьте любезны, немедленно пройти ко мне в кабинет.

Он поднялся.

«Всем встать!» — выкрикнул клерк. И в то время, как Самалсон выходил, зал суда вдруг превратился в стремительный водоворот движущихся фигур и громких голосов.

На свидетельском кресле тихо рыдал Дэнни Ди Пэйс. Хэнк вытащил из бокового кармана пиджака носовой платок и сказал: «Возьми, сынок. Вытри глаза. Все кончилось».

— Я не должен был плакать, — сказал Дэнни, пытаясь сдержать рыдания. — Плачут только трусы.

— Мужчины тоже плачут, — ответил Хэнк и был благодарен, когда Дэнни взял его носовой платок.

Когда Хэнк пробирался к жене и дочери, его все время останавливали — Мэри с мужем, адвокаты защиты, репортеры, которые сделали срочные телефонные сообщения и затем поспешно вернулись в зал суда. Наконец, ему удалось подойти к жене и дочери. Он притянул их к себе. Кэрин быстро поцеловала его и посмотрела ему в лицо сияющими глазами.

— Ты был великолепен, — сказала она.

— Папа, папа! — воскликнула Дженни и сжала его руку.

— Я должен пойти к Абе, — сказал он. — Вы подождете меня? Мы вместе пообедаем.

— Хэнк, будут неприятности?

— Возможно. Я могу потерять работу, Кэрин.

— Есть и другая работа, — ответила она.

— Да. Есть и другая работа. — Он помолчал. — Кэрин, я боялся до смерти. Это было заметно? Ты не видела, как у меня дрожали колени?

— Нет, дорогой. Ты выглядел очень смелым... ты выглядел великолепно.

— Я боялся. Но больше не боюсь. — Он вдруг засмеялся. — Проклятье, я умираю с голоду.

— Поторопись, — напомнила Кэрин. — Не заставляй Абе ждать.

— Да. — Он помешкал, беря ее за руку. — Кэрин, не волнуйся. Все будет хорошо.

— Я не волнуюсь, — ответила она.

Прекрасно. Послушайте, подождите меня, ладно? Я скоро вернусь. — Он снова помолчал. — Я люблю вас обеих. Очень.

Он повернулся и направился к отделанной деревянными панелями двери, находившейся слева от судейского стола. На мгновение солнечные лучи осветили его спину и дотронулись до высоко поднятой головы. У двери он немного помедлил, а затем уверенно открыл ее и вышел из зала суда.